

Владимир ВЕЛИКИЙ

САТАНА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Великий
Сатана

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Великий В.

Сатана / В. Великий — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Героиня романа «Сатана» - ослепительно красивая блондинка Ева Крот, российская немка, которая родилась в бедной семье в глухой сибирской деревне. Именно благодаря природному дару, она пытается найти свое счастье, как на своей родине, так и на исторической родине своих предков. Удалось ли стать ей счастливой, нашла ли она свое место под «солнцем», читатели узнают об этом после прочтения книги. Сей труд посвящаю светлой памяти моих родителей: матери – Яшиной (Коза) Марии Николаевне и отцу Коза Владимиру Михайловичу. Содержит нецензурную брань.

© Великий В., 2006

© ЛитРес: Самиздат, 2006

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	16
Глава третья.	63
Глава четвертая.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Владимир Великий Сатана

Глава первая.

Тайны взрослых. Ее Величество

Практически целую неделю в деревне стояла ненастная погода. На улице было как поздней, холодной осенью. Небо было обложено со всех сторон темными тучами. Они, чем-то напоминающие темные одеяла, казалось, навсегда закрыли крохотный островок сибирской земли, на котором находилась небольшая деревня с довольно простым названием Назаровка.

В деревне в самый разгар посевной гремела свадьба. На второй день после того, как пошел довольно обильный дождь, и когда, как говорят, и дураку стало ясно, что посевная откладывается на неделю и не меньше, родители молодых стали созывать селян на свадьбу. О том, что с матушкой-природой спорить нельзя и бесполезно, в деревне понимали все от мала до велика. В такую погоду хорохорился всего лишь один управляющий отделением Федька Киселев, точнее Федор Иванович. Это был мужчина лет сорокапяти-пятидесяти, краснолицый, как рак, и лысый.

Управляющий был до самых ногтей партийным человеком. На селе было где-то около десятка коммунистов, в основе своей они мало чем-то отличались от жителей Назаровки. Так же работали, так же пили в основном брагу или самогон, порою давали тумачков и своим женам. Партийным все это сходило с рук. Скорее всего, все это «плохое» не доходило до «партийных» верха, так называли селяне тех, кто имел партийный билет. У «партийных», наверное, были дела поважнее, чем разбираться с теми, кто набил друг другу «морду» по пьяной «лавочке». Как правило, утром победитель и побежденный просыпались, через некоторое время мирились, иногда дрались вновь, и вновь мирились. Драки и мировые в основе своей не обходились без спиртного. В большинстве назаровцы дурманили головы брагой. Водкой они «баловались» в большей мере в праздничные дни Советской власти. Качество водки было отменное, в деревне никто и понятия не имел о «левой» спиртной продукции.

«Пьяная» жизнь на селе сильно подкашивала силы и здоровье управляющего. Особенно тяжело селяне отходили от перепооя в дни свадеб, которых в деревне уж и не так много было. Плохо было то, что в эти коллективные «мероприятия» втягивались все селяне независимо от возраста и профессии. Деревня была небольшая, чуть больше ста дворов. Живущих насчитывалось порядка пятисот человек. И за всех в ответе был управ. Федор Иванович Киселев на пост управляющего, как говорят, заступил совсем недавно. В Назаровке руководил около года с небольшим. Раньше жил и работал в соседней деревне Сивухино, учительствовал. В школе всегда отличался прилежанием и принципиальностью. Киселев в школе преподавал детям физическую культуру и трудовое воспитание. Единственный мужчина среди педагогов восьмилетней школы стремился не влезать в какие-либо бабьи пересуды или склоки, которые возникали далеко нередко в женском коллективе.

Прилежание и принципиальность, скорее всего, были даны Федору Ивановичу от рождения. Может даже и от отца, который всю жизнь селянам и себе что-то доказывал. Он умер в возрасте пятидесяти лет, не поняв ради чего и сам жил. Мужчина умер не по причине болезни или старости, а по причине своей принципиальности. Ради этого человеческого и партийного достоинства он покончил с собою. Физически здоровый мужчина, да и вроде и на голову был «здоров» не находил себе места, если кто-то из селян жил не так, как писалось в партийных циркулярах.

Активный коммунист однажды «засек» соседа, который поздней осенью таскал зерно с зернотока, хотя сам же это зерно был приставлен охранять. «Партийный» утром же следующего дня об воровстве соседа проинформировал райком партии, через час в деревне была милиция. Милиционеры вора арестовать не успели. Сторож зернотока повесился за огородом, перекинув веревку через перекладину турника, на котором занимались спортом его же дети. Жители Сивухино о причинах случившегося узнали где-то через неделю от жены ушедшего в иной мир. Мужчина успел перед смертью сказать жене, что кого он случайно встретил ночью, буквально за десяток метров перед калиткой собственного дома. По деревне тот час же пошли разные слухи, один страшнее другого. Коммунист Киселев для «сивых», так иногда называли себя жители деревни, стал врагом номер один. «Стукач» пытался найти поддержку среди местных коммунистов, увы... Те на словах были обеими руками за борьбу с воровством, но за глаза же костерили коллегу по духу так, что селянки закрывали уши от брани.

Не нашел поддержки старший Киселев и в райкоме партии, куда поехал верхом на своей лошади. В партийный особняк он приехал рано утром, однако, райком был пуст. Дежурившая при входе в помещение подслеповатая бабка объяснила, что сейчас самый разгар уборочной и все ответственные работники уехали по хозяйствам района. В этот день Ивана Киселева никто больше не видел. Нашли его только через два дня после визита в райком. Нашли неподалеку от проселочной дороги, ведущей в сторону деревни Назаровки. Мужчина повесился на ремне из-под своих брюк на суку одинокой березы, стоящей на самом изгибе дороги. Труп случайно заметили двое школьников, которые учились в соседней деревне и держали путь в Назаровку. Федьке в день похорон отца исполнилось ровно десять лет. На кладбище людей было немного, многие селяне, по непонятным для младшего Киселева причинам, почему-то не пришли на кладбище. Никто не был и из райкома.

Сын, тяжело переживший странную смерть своего отца, решил не повторять его ошибок. Свое мировоззрение младший Киселев решил черпать не от односельчан, а из трудов классиков марксизма-ленинизма, из тех газет и журналов, которые имелись в сельской библиотеке. В ней он просиживал практически каждый день с раннего вечера до самого ее закрытия. Заведующая клубом, она же и библиотекарьша, довольно смазливая, средних лет женщина всегда гордилась своим читателем. Она в порядке исключения стремилась деревенскому учителю «подсунуть» ту или иную новинку, которая только что поступила в читальный зал.

Целеустремленная работа над партийной литературой и газетами давала свои позитивные результаты. Учитель труда и физкультуры полностью знал основополагающие идеи и тезисы партийных руководителей. Он знал, как дважды два, имена почти всех президентов и руководителей государств мира. Самый молодой учитель в деревне наизусть знал также фамилии всевозможных министров мощной и большой социалистической державы. Мелкими шажками Киселев выдавал свою осведомленность «на-гора». Начитанность мужчины женщины-педагоги не хотели никак признавать. «Пилить, строгать, гвозди забивать, не говоря уже о пробежках вокруг школы, все наши бабы могут. И газеты все читают», – так оценивали своего коллегу учительки. Казалось, так оно и будет идти: дни, месяцы и годы. Но не тут-то было...

Выбиться в «умного» помог Федору Ивановичу случай, притом очень уникальный. Дело было зимой, в понедельник. Как обычно, Киселев пришел в школу за полчаса до начала занятий. Уроки труда у семиклассников были первыми. В небольшой учительской сидели двое мужчин, вошедший одного узнал сразу же. Это был бригадир дойного гурта Николай Готов. Местный начальник возле незнакомого мужчины чувствовал себя не очень уютно, это Киселев заметил сразу. Одежда у бригадира и у незнакомца была довольно контрастная. У первого начальника на голове была шапка-ушанка, натянутая по самые уши, фуфайка и резиновые сапоги. Второй начальник был одет «по-партийному». Лучшей оценки учитель и не мог подобрать, глядя на человека, на голове которого была шапка черного цвета. Из шкуры какого зверька или зверя она была, он так и не мог понять. Полукороткое черное пальто с черным

воротником очень ладно сидело на незнакомце. Из-под красного шарфика на шее выглядывала белая рубашка с черным галстуком. Трудовик понял – к ним в глубинку залетела птица, притом весьма важная персона. На какое-то время ему стало не по себе. Однако неловкость прошла молниеносно, как и появилась. Тем более, незнакомец встал со стула и улыбаясь, протянул руку опешившему Киселеву. Лицо трудовика сейчас чем-то напоминало красную рожу человека, который только что вышел из русской бани и еще хорошо «врезал».

Мужчина, крепко пожал руку вошедшего, и глядя прямо ему в глаза, твердо и уверенно произнес:

– Александр Иванович Касаткин, инструктор районного комитета партии... Прошу любить и жаловать. По поручению секретаря я хотел бы побеседовать с ребятами по вопросам политики нашей партии. Одним словом, поговорить по душам...

Затем, повернув голову в сторону бригадира, как бы ожидая подтверждение о неизвестности вошедшей персоны, продолжил:

– Я понял то, что к нам пришел еще не историк? Прав, ли я, товарищ Готов?

Киселев, по-обезьяньи заглядывая в глаза залетной персоне, в душе сотню раз благодарил Бога за то, что он сегодня не историк, а всего-навсего учитель, притом учитель труда и физкультуры. Не более и не менее. Чувствуя, что вот-вот испарина покроет его лысину, он решил собрать в единое целое свои внутренние силы. Через какое-то время мысленно и наяву стал ощущать, что у него что-то с ответом может получиться. Радуюсь своему самообладанию, молодой мужчина, как бравый солдат, четко отчеканил:

– Я, товарищ Касаткин, товарищ Киселев Федор Иванович, учитель труда и физической культуры... Хочу Вас сразу проинформировать о том, что дети, вверенные мне партией, политику Коммунистической партии Советского Союза понимают правильно и идеологически выдержанные...

Партийного отчета, как такового, дальше у учителя не получилось. Инструктор весело улыбнулся, затем его лицо приняло «стандартный вид» ответственного партработника. Учитель труда на миг даже опешил от этого выражения. Он молниеносно стал «прощупывать» в своих мыслях все то, что успел здесь в учительской сказать. При этом стоял по стойке «смирно». «Нет, вроде ничего такого крамольного я еще не успел сказать», – отметил про себя учитель и еще преданнее смотрел в глаза важной персоны.

К его счастью, развязка наступила очень быстро. Касаткин через несколько секунд к удивлению растерявшегося «трудолика» принял решение, которое потом в корне изменило жизнь простого учителя. Оказалось, что бригадир дойного гурта пришел не так просто, пришел к директору школы за подмогой. Требовалось срочно очистить крышу животноводческой постройки от снега, которого очень много нанесло за время затяжного бурана. Ребята и раньше оказывали животноводам посильную помощь. Директора школы не было, женщина неожиданно заболела и ее поздно вечером в пятницу увезли в районную больницу. Не было еще и заместителя директора. Время не ждало и поэтому партработник предложил без всяких обсуждений отправить мальчиков-семиклассников вместо трудов на очистку снега. Указание шефа из района Киселев принял с восторгом, он про себя облегченно вздохнул и уже намеревался более четко и без промедлений выполнить партийное поручение ответственного чиновника. Да и душа учителя ликовала, ему не хотелось иметь дело с «партийным» начальником, тем более из верхушки района. Учитель и бригадир пошли в класс, вскоре ребята стояли на школьном дворе. Киселев направился в учительскую, чтобы одеться. Там сидел Касаткин и заместитель директора школы, она же учитель русского языка. Женщина была подавлена, никто не знал, что в понедельник из района приедут с проверкой. Всегда и во все времена о визите, тем более в заброшенную деревню, управление совхоза и школы заранее предупреждалось. Причиной этого неожиданного визита явилось то, что директриса школы не предупредила коллег о визите, заболела.

До начала занятий оставалось три минуты и, как назло, не было учительницы истории, урок которой планировал посетить партийный чиновник. Увидев запыхавшегося трудовика, который своим внешним видом показывал, что он преисполнен желанием выполнить любое поручение инструктора райкома партии, Касаткин предложил Федору Ивановичу остаться в учительской. В случае отсутствия учительницы, тот мог бы оказать посильную помощь в организации урока. Вошедший не заставил себя упрашивать, хотя в голове осознавал, что в школе не было принято отпускать детей на такие работы без учителя. Внимательно и преданно разглядывая строгую физиономию партаппаратчика, Киселев понял: инициатива сейчас бессмысленна, да и наказуема. В школе организация показательного урока для чиновника шла к краху. Молодой учитель своей интуицией чувствовал, что у улыбающегося чиновника в душе было явное беспокойство. И он не ошибался.

Александр Иванович, приехавший в эту деревеньку по-принципу «не предупредили и не ждали», целый час сидел в пальто. Он явно был обделен вниманием, это его очень раздражало. Разные мысли приходили в голову чиновника. В одном был уверен на все сто процентов. Собрать негативный материал в этой забытой Богом деревне ему и раньше никакого труда не представляло. В данный момент это было и вообще без проблем. Негатив уже «шел», но чиновнику легче от этого не становилось. Его переполнял гнев, бесила немощь людей, которые не могли встретить ответственного партийного работника по-человечески, не говоря уже о выполнении каких-либо неписанных субординаций. «Залетного» раздражала и замдиректора, которая, кроме слез, ничего не могла из себя испустить. Что-то положительное чиновник находил в учителе труда. Этот человек Касаткину imponировал больше всего, чем те, которых он встретил сегодня в этой деревне. Ему нравилось и то, что этот учитель пришел раньше в школу, чем остальные педагоги.

Историчка появилась в школе через минуту после звонка, на дворе и в школьном коридоре уже никого не было. На чиновника учительница позитивного впечатления не произвела. Это была довольно пожилая женщина, очень худая, в очках. Левое стекло очков было сильно треснуто, поэтому на морозе покрылось не то инеем, не то какой-то белой оболочкой. Узнав о том, что из райкома партии будут проверять ее урок, подслеповатая учительница по-женски запричитала. Анна Петровна, так ее звали, трясущимися руками принялась протирать очки. Неосторожным движением пальцев она окончательно раздавила треснувшее стекло, остатки его упали на пол. Из пальцев сразу же потекла кровь. Однако женщина, находясь в нервном напряжении, этого не замечала.

Привести в «действие» историчку удалось минут через пять. И все это было сделано благодаря Александру Ивановичу, который не только умело использовал свой богатый запас благородных слов для успокоения женщины, но и даже пожертвовал свой носовой платок для «уничтожения» слез из глаз несчастной. Он же убрал с пола остатки разбитого стекла. Урок истории начался через десять минут после звонка. Анна Ивановна сумела продержаться только первый час занятий. То ли от волнения, то ли от незнания материала, она не могла ничего разумного преподать детям. Путалась она и с датами. Киселев, сидящий на последней парте возле гостя, прекрасно ощущал проблемы своей коллеги. Инструктор райкома партии сидел с очень важным видом и все что-то записывал в свою толстую тетрадь. Историчка изредка бросала жалостливый взгляд в направлении чиновника и еле сдерживала свои слезы, второй час занятий она уже вести не могла. Прекрасно понимал это и Александр Иванович. Он предложил женщине занять место на задней парте, а сам решил побеседовать с восьмиклассниками по вопросам аграрной полититки партии. Как-то незаметно в живой разговор вмешался и Федор Иванович. На зависть историчке, угрюмо наблюдающей за сидящими в классе, и на удивление партработника, трудовик показал довольно неплохие знания по обсуждаемой теме. Хотя никто его об этом и не спрашивал. Федору Ивановичу уж больно хотелось просто «выплеснуть» чиновнику все то, ради чего он довольно часто и долго просиживал в деревенской библиотеке.

Разбора проведенного урока не было, всем было ясно, провал страшнейший. Простился партийный чиновник с небольшим коллективом учителей очень сухо, подчеркнуто служебно. Он не забыл в очередной раз успокоить и Анну Ивановну, заверив ее в том, что ничего страшного не произошло и не надо переживать. Через неделю назаровцы узнали, что чиновник своего слова не сдержал. В районной газете под рубрикой «Из партийной жизни» появилась довольно объемная информация, что партийная организация совхоза «Путь Ильича» не уделяет должного внимания воспитанию подрастающего поколения на историческом опыте КПСС. После посещения Сивухинской восьмилетней школы давался анализ урока истории. Анна Ивановна, прочитав свою фамилию в газете, на следующий день вообще не пришла в школу, тяжело заболела. Через год ее не стало.

Для учителя труда и физкультуры Киселева после выхода этого номера газеты жизнь пошла как нельзя удачно. В статье приводилась фамилия учителя Киселева, который глубоко знает марксистско-ленинскую теорию, активно пропагандирует решения партии. Трудовик был очень счастлив тем, что об его персоне стали говорить не только в деревне, но и за ее пределами. Изменилось отношение к нему и со стороны женщин-педагогов. Они стали чаще заглядывать в глаза единственному мужчине, прислушивался к его советам. Директриса усадила Киселева по правую руку от себя, раньше он довольствовался последним стулом и то возле двери.

Через три месяца Федор Иванович добровольно вступил в ряды ленинской партии, через год был назначен управляющим отделением соседней деревни Назаровка. Молодость, хозяйственная хватка, прилежание, принципиальность, унаследованная от отца, позволили новому управляющему навести определенный порядок на ферме. До образцового порядка было, как до космоса. Лично сам Киселев в космос быстрее бы слетал, чем ферма изменилась. Бывший учитель прилагал все для того, чтобы его и здесь заметили. Мужчина сам не стеснялся работать, когда время позволяло, садился за штурвал комбайна или копнил сено. Люди, заметив усердие новенького, стали тянуться к нему. Советовали сделать то или иное дело лучше. Это радовало руководителя. К сожалению, на самой ферме было плохо, причиной этому была пьянка. Она на нет сводила усилия небольшого коллектива селян.

Особенно «отключалась» деревня от производственной жизни в дни советских праздников, не говоря уже в дни свадеб. Как правило, «пьяное» мероприятие длилось два, а то и более дней. Все было законно, в деревне никто этот регламент не нарушал. Не мог нарушить этот неписанный закон и райком партии. Любая свадьба, как правило, из мероприятия после своего окончания перерастала в мелкие кутежи. Попойки, в которых участвовало от одного до нескольких десятков человек, в значительной степени подрывали производство, нередко приводили к мордобою, разрушали семьи, калечили судьбы детей.

Сегодняшняя свадьба была не в планах управляющего, да и для посевной в целом. Киселев про себя все и вся проклинал на свете, что после теплых поистине весенних дней пошел небольшой дождь, который перерос в затяжной, а потом лил почти целый день как из ведра. Несмотря на капризы природы, коммунист не хотел сдаваться. Сам сел за рычаги трактора, но все было бесполезно. Гусеницы «ДТ-54» утопали по самые «уши», не говоря уже о сеялках. Пришлось сдать и самому звонить в управление совхоза. По-настоящему угасшим голосом Киселев информировал старшего начальника о сложной обстановке с посевной. Директор и сам переживал за назаровчан, через пару километров соседний совхоз на всю катушку сеял. Дождь прошел и там, но как-то быстро, напитав землю к посевам. На земле назаровчан дождь почему-то остановился, остановился на довольно приличное время. Тяжело было на душе у Федора Ивановича. Уж больно времени много потеряли из-за этой непогоды. Мужчина вдвойне переживал, это была его первая посевная в Назаровке, первая и в жизни как для руководителя.

Свадьба начиналась в двенадцать часов дня. Однако пьяные односельчане показывались «досрочно» то там, то здесь. Это в очередной раз раздражало Федора Ивановича, особенно еще

и потому, что он сам не пил. Бывало в день своего рождения или жены немножко пропускал, да и то по рюмочке. Да и не до выпивки было. Уходил в контору очень рано, а домой приходил очень поздно. Он постепенно втягивался в такой ритм работы. Киселев даже Бога благодарил за то, что у них с женой не было детей. Не до них ему было. Рассуждая о своей жизни в эту ненастную погоду, честно говоря, Киселев даже не хотел идти на свадьбу. Он бы и не пошел, ежели бы не «производственный» этикет. Мужчине не нравились эти пьянки, которые редко не обходились без драки или поножовщины. Уж больно буянили крестьяне, когда пропускали в свой желудок пару, а то и более больших граненых стаканов первача. Наверное, в Сибири были и хорошие, спокойные свадьбы с советскими, партийными атрибутами. Про них в районной газете писали. Провести свадьбу по-советски, без умопомрачительного употребления спиртного обещала и секретарь парткома совхоза Галина Федоровна, бывшая учительница. Но увы... Время шло, все оставалось только на бумаге. Да и вскоре она сама рассталась с партийным креслом по причине пьянства. «Партейный» вожак спиртное не пила, а вот муж был явный алкоголик. Что только ни делала со своим супругом первая коммунистка совхоза. Молодая женщина грозилась развестись, иногда спала в конторе в своем кабинете, дабы заставить свою половинку страдать по любовной линии, даже возила своего супруга к бабкам. Никто и ничего не помогало. Не помог и райком партии, когда Галину Федоровну за низкий уровень воспитательной работы в семье освободили от должности секретаря партийного комитета совхоза. Муж и это перенес, но с пути «зеленого змия» не свернул...

Покончить с пьянством в деревне пытался и сам Федор Иванович, особенно в первые три месяца после того, как стал руководителем. В начале своей работы он ставку сделал на коммунистов. Надежды молодого управа, к сожалению, не оправдались. Из восьми коммунистов трое практически не выходили из запоя. Особенное «усердие» в этом направлении проявлял Иван Петрович Кузьмин, коммунист с большим партийным стажем, фронтовик. Вступил в партию в двадцать один год, в тот период, когда сибирские полки гнали фашистов с московской земли. Он вроде и человек был серьезный, имел два боевых ордена, а медалей не счесть. Фашистов победил, дошел до самого Берлина, но увы... «зеленого фашиста» одолеть не мог. Где только коммунист и какую только он «обработку» не проходил! Все было как с гуся вода. Очередное мероприятие, везде почет и уважение, как фронтовику. После мероприятия герой торжества, активный рассказчик военных приключений опять был в пьяном угаре. Киселев, как коммунист, как управляющий тяжело переживал трагедию пожилого человека. Ему было обидно смотреть на то, как убеленный сединой мужчина с очень большой «обоймой» наград, валялся в канаве или спал у кого-нибудь у односельчан, порою даже не в кровати, а где-то под забором или даже в хлеву с домашними животными.

Не вызвали сколько-нибудь позитивных откликов по борьбе с пьянством среди назаровчан и личные инициативы и действия коммуниста-руководителя. Запретить продавать или пить водку Киселев, конечно, не мог. Не имел для этого ни партийных и ни административных указаний сверху. Однако в борьбе с самогонварением участвовал лично. Ни раз и ни два, по его просьбе приезжал в деревню участковый. Милиционер кое-кого вылавливал, штрафовал. Капитан приводил самогонщиков и пьяниц в контору, вместе с Киселевым стыдил нерадивых. Через пару дней, ну в лучшем случае, через неделю, люди забывали о страхе и о штрафе, даже и о том, что в районной газете нет-нет да и «продергивали» самогонщиков и пьяниц. Кое-кто из неожиданно «знаменитых» ходил по деревне в газетой в руках и хвалился тем, что впервые о нем знает весь район.

Чрезвычайным происшествием в деревне считалось отсутствие в магазине водки. Вино, как спиртное, было не в почете у селян. Через день, через два водку подвозили. А ежели ее не было в магазине три и более дней, то кое-кто из селян по-настоящему изнывал от «жажды». К тому же, если еще после недавнего рейда участкового производителя самогона уходили в «подполье». Но и здесь люди находили выход из критической ситуации. Недаром говорят, земля

слухом пользуется. Назаровцы из разных источников узнавали в каких деревнях есть водка. И несмотря на непогоду и всевозможные сельскохозяйственные работы, снаряжали гонца за спиртным...

Сидя в своем кабинете и понуро наблюдая за перемещением тяжелых и черных туч на небе, управляющий рассуждал и «переваривал» в своих мозгах все то, с чем ему пришлось столкнуться на месте руководителя в Назаровке. В целом деревня мало чем отличалась от соседних деревень Лиховки и Романовки, или Сивухино. Рядом стоящие деревни были побольше и получше, но Киселеву в Назаровке нравились люди. Правда, не всегда. Иногда ему хотелось убежать от своих «любимых», когда становилось нелегко от тех проблем, которые назаровцы сами себе и создавали.

Своеобразной обузой для управляющего Киселева была и сегодняшняя свадьба. Как человек, он радовался свадьбе, искренне радовался приглашению молодых побывать на этой свадьбе. Да и свадебное торжество то было далеко не у плохих людей.

Деревенский электрик Павел Проненко со своей супругой Ксенией выдавали замуж свою старшую дочь за Петра, сына лесника Александра Пересунько из соседней деревни Дурбет. Жених и невеста были у всех селян на виду. Никто из селян не мог сказать плохого слова ни о Петре, ни о Наталье, так звали невесту.

Вспомнив об электрике Проненко, управляющий немного усмехнулся. Уже почти год деревня живет обещаниями от верхов района, что вот-вот в ней появится электрический свет. Районные власти об этом еще в прошлом году обещали, но воз и ныне там оставался. Первый секретарь районного комитета партии в районной газете 9 Мая, в день Победы клятвенно заявлял, что он лично сам включит рубильник. После всенародного праздника минуло почти две недели. Назаровцы как сидели, так и продолжали сидеть без электрического света, даже несмотря на то, что в отделении была выделена ставка для электрика. Столбы стояли, провода висели, электрик ходил по деревне. Кое-кто из селян имел лампочки даже про запас, но все равно света не было...

За своими думами управляющий не заметил, как быстро пролетело время. До начала его официального «визита» на свадьбу оставалось час с небольшим. Вдруг мимо окон конторы кто-то прошел. Федор Иванович неопознанному пришельцу не придал никакого внимания. Он прекрасно знал, что все селяне от мала до велика заняты свадьбой. В дверь кто-то постучал. Он на стук не реагировал. Опять постучали. Киселев встал и с неохотой пошел открывать дверь. Он не успел еще ее открыть, как сразу же опешил. В высоком мужчине с коротко остриженными волосами и мужественным лицом, он сразу же узнал первого секретаря районного комитета КПСС Яшина Ивана Николаевича. Секретарь был в длинных резиновых сапогах и не по его росту в плаще.

Видя то, что у Киселева отвисла челюсть, да и, скорее всего, одеревенели ноги, вошедший весело улыбнулся и по-дружески протянул ему руку. При этом он скороговоркой проговорил:

– Федор Иванович, я тут решил к Вам на часок забежать, а может и более... Сейчас посевная, дел по горло. Все бегаем, бегаем, то одного, то другого нет, а дела то не терпят...

На какой-то момент он замолк. Причиной этому была растерянность подчиненного. Понимая его состояние, Яшин решительно взял мужчину за его плечо и также решительно повел его к столу, за которым так свободно и вальяжно сидел буквально несколько минут назад самый главный начальник деревни. Уже сидя на своем стуле, Федор Иванович постепенно «входил» в курс дела и преданно смотрел в глаза партработнику. Иван Николаевич решил на какое-то время дать ему передохнуть от нервного потрясения и стал рассматривать схемы, которые были аккуратно прикреплены на стенах. Его, как партийного руководителя радовало, что на простых листах ватмана были четко графически изображены достижения молочно-товарной фермы, выделялись передовики социалистического соревнования. В списке живот-

новоделов, трактористов и полеводов он находил фамилии, которые до боли в сердце были ему знакомы: Шараповы, Козы, Лесковы, Сериковы, Севериновы...

Изредка бросая взгляд в сторону управляющего, он не мог не заметить перемен в его поведении. Федор Иванович, скорее всего, обрел былую силу и что-то помечал карандашом в ученической тетради. Он посмотрел на часы, было ровно двенадцать. Время торопило. Через час в деревню должны были подключить электрический свет, который с нетерпением ждали его земляки.

Федор Иванович, чувствуя над собой внимательный взгляд секретаря райкома партии, быстро встал со стула, принял строевую стойку, и как солдат, начал уверенно рапортовать:

– Товарищ первый секретарь районного комитета КПСС... Я хочу Вас проинформировать, что на Назаровском отделении совхоза «Путь Ильича» проделана большая работа. Первое, в отделении...

Информации, как таковой, у него не получилось. Яшин, слегка улыбнувшись, подошел к стоящему навытяжку мужчине и по-дружески сказал:

– Федор Иванович, ты так и не догадываешься, почему я приехал в Назаровку. Нет, нет, я приехал сюда не ругать тебя за то, что только в твоей деревне из-за погодных условий не происходит сев зерновых. К сожалению, советская наука не может сегодня направлять силы природы. Я уверен, через два-три дня мои земляки выйдут в поле и сделают все возможное и необходимое для богатого урожая... Ты, знаешь Федор, сегодня для нашей, для моей деревни великий праздник. В час дня, как мне обещали энергетики, к нам придет ток, о котором мои земляки, как и я, еще пацаном, мечтал ни один десяток лет...

Больше времени для разговора не было. Мужчины быстро вышли из конторы и направились в сторону дома семьи Проненко, который находился на самом конце улицы. Ходьбы до дома было минут десять, не больше. Улицей мужчины не пошли, пошли задами, вдоль огородов. Проселочная дорога была так исковеркана тракторами, что в некоторых ее местах зловеще сияли лужи, наполненные водой. По пути Киселев уже чувствовал себя полным хозяином. У него на нет ушла не то боязнь, не то страх перед такой важной персоной. Ему было приятно осознавать, что несмотря на большую разницу в занимаемой должности, Яшин держался с ним очень просто, давал ему возможность высказывать свое мнение. Взаимная сипатия друг к другу, в первую очередь, окрыляла Киселева. Он то и дело говорил о своих планах по перестройке работы в деревне. Рассказал и о том, кто в Назаровке умер, кто родился. Иван Николаевич внимательно слушал собеседника, который, как и он сам, то и дело чавкал сапогами по грязи. Он иногда поддакивал, а иногда и переспрашивал идущего, особенно тогда, когда это касалось новых поселенцев. К числу таких относился и Павел Проненко, приехавший с семьей из Украины. Киселев с улыбкой на лице дал его краткую характеристику. В отличие от многих назаровчан Павел был не только балагур и весельчак, но и человеком слова и дела. Семейство Проненко оказалось на редкость трудолюбивым. Буквально через полгода после приезда, некогда заброшенное строение превратилось в приличный дом с благоустроенной оградой. Обзавелись новоселы и скотиной.

Молодожены уже ждали желанных гостей. Неизвестно откуда семьи жениха и невесты были уже в курсе того, что первый секретарь райкома партии в деревне. Однако никто не знал того, зачем и почему он приехал в деревню, да еще в такую погоду, когда хороший хозяин собаку во двор и то не выгонит. Кое-кто даже подумал, что семья Проненко навряд ли была известна первому лицу района. Заслуг, как таковых, ни у электрика, да и у лесника не было. Все были в догадках. Тем более, «башковитый», так иногда «величали» Яшина, давненько не посещал родную деревню.

Под аплодисменты, свист, да «ухабистые» песни женщин два руководителя вошли во двор, где под навесом из досок, покрытым толью, проходило свадебное торжество. Свадебный стол был накрыт на сотню, а может и больше человек. Угощения были чисто крестьянские,

как говорят, все было со двора. Иван Николаевич сразу же был приглашен к молодым, и как полагалось высокому гостю, произнес тост. Все сидящие за столом, и те, кто стоял, не могли не видеть волнения своего земляка. Высокий гость, несмотря на все усилия, не мог его скрыть. Яшин, сжимая руками стакан с водкой, который был наполнен до краев, несколько приглушенным голосом начал говорить:

– Дорогие мои земляки, сибиряки, молодожены! Мне сегодня приятно приветствовать это торжество. Я, как и все, рад поздравить двух молодых людей, которые решили создать новую социалистическую семью. Хочу от души пожелать молодым здоровья, счастья, много детей и взаимного понимания. В качестве подарка молодоженам, да и всем моим землякам, я привез то, что так долго обещал. Это великое достижение социализма – электрический свет...

Секретарь подошел к молодым, по-русскому обычаю обнял жениха и поцеловал невесту. Участники торжества встали из-за столов и начали кричать «Горько!». Затем все они дружно «опрокинули» по стакану за любовь и счастье виновников торжества. После этого стали внимательно наблюдать за тем, как молодые друг друга целуют. И как раз в этот момент Федор Иванович щелкнул выключателем в доме. Большая электрическая лампочка ярко осветила комнату.

Люди, впервые увидевшие электрический свет в доме электрика, сразу же рванулись в дом. Многие от радости плакали. Плакал вместе со своими земляками и первый секретарь райкома партии. Он, наверное, плакал так же сильно, когда в глухую деревню пришла похоронка, в которой извещалось о том, что в танковом сражении под Курском погибли Николай Денисович Яшин и Надежда Ивановна Яшина, отец и мать. Погибли в один день, муж и жена, командир танка и санитарка. Погибли как герои, отдав свои молодые жизни ради мирного будущего своего единственного сына. Похоронка пришла на имя бабушки, которая присматривала за пятнадцатилетним внуком. Через полгода от голода умерла и она, успевшая в день смерти отдать своему внуку похоронку. Ванька очень переживал смерть близких ему людей. Высох, стал как тростинка, но не сдался. Наоборот, смерть отца и матери, бабушки закалила юношу. Младший Яшин поехал в город, работал на танковом заводе, после работы учился. Стал комсомольским вожаком в цехе. После заочного окончания технического вуза молодого коммуниста Яшина направили директором совхоза в соседнюю область. В сорок два года он возглавил партийную организацию Машинского района Ктомской области, у себя на родине.

Через полчаса Яшин и Киселев покинули гостеприимный дом, где только начиналось «разгораться» свадебное торжество. На какое-то время молодые «вышли» из центра внимания. Практически у каждого на устах была новость о том, что наконец-то и в ихней деревне появился свет. Каждый строил свои планы, надеялся более рационально использовать это чудо техники для домашнего хозяйства.

К часам десяти вечера подавляющее большинство сидящих за свадебным столом было доведено до «кондиции». Молодые исчезли как-то незаметно и неизвестно в каком направлении. «Остальной мир» улегся спать там, где его свалил «зеленый змий». Люди спали в разных местах и в разных положениях. Кто-то спал в доме, кто-то в бане, кто-то нашел «ночлег» прямо под столом. Нашлись еще и такие, кто пошел в клуб в надежде «посмотреть» фильм, не забыв прихватить на «посошок» и бутылочку спиртного.

Обиженных за свадебный прием не было: каждый выпил столько, сколько душа и голова воспринимала, и скушал столько, на сколько растягивался желудок. Всем и вся были довольны и родители молодых. Две женщины и двое мужчин, легонько перешагивая то здесь, то там через спящих гостей, собирали со стола грязную посуду, пустые бутылки из-под спиртного.

Особено «усердствовал» сегодня на всех этапах свадебного торжества отец невесты Павел Проненко. Он бегал как молодой, стараясь угодить всем тем, кто пришел к ним в гости в этот торжественный день. А сколько песен, в том числе и украинских, спел в этот день «хохол», так ласково называла Павла Ксения, его жена. В этот же день все от мала до велика в деревне

получили «гостинцы» со стола свадебного пиршества. По указанию родителей молодых один из братьев жениха то и дело разъезжал по деревне верхом на лошаде с полной корзиной «гостинцев». За счастливое будущее невесты и жениха, а также за здоровье их родителей, а также и за здоровье курьера выпили все, кто по каким-то причинам не мог присутствовать на свадьбе. К этой категории относились не только те, кто в этот день работал в кузнице, но и даже те, кто немощный лежал в постели или на печи.

Не остались без внимания и дети. Практически все деревенские ребята побывали на свадьбе и получили конфеты или все возможные пироги и пышки. Дети близких знакомых и родных в счет не брались. Ксения Ивановна еще рано утром заявила своей детворе о том, что и она по силе своих возможностей должна помогать родителям в проведении свадьбы. Ребята старательно выполняли разные поручения как организаторов свадьбы, так и всех гостей. Кто-то из взрослых просил мальчишек принести пачку махорки из сундука хозяина дома. Были и те, кто спрашивал у молодых помощников, куда ушел муж или жена, или сосед по столу. Ребята постарше иногда выполняли более ответственное «поручение» – сопровождали «несведущих» ни в чем мужчин к туалету, дожидаясь «победного конца». Молодые «конвоиры» боялись, как бы посетитель приятного заведения не оступился по пьяному делу и не провалился в яму.

У девочек работа была иного рода. По строгому указанию Ксении Ивановны они в случае надобности подносили гостям чистую посуду, иногда собирали грязную и уносили ее для мытья. Основное же назначение родственной и близкой к хозяевам детворы состояло в том, чтобы глазеть на то, что делали взрослые. Чего только за день свадьбы дети не наслушались, каких только историй и приключений не восприняли их уши!? Это уже не говоря о клубах табачного дыма и матерщине, которая раздавалась то в одном, то в другом месте свадебного пиршества, а иногда здесь и там одновременно. Поначалу кое-кто из взрослых стремился приструнить соседа или соседку по столу, если кто-либо из них «выпускал» не то слово в присутствии детей. По мере увеличения тостов и здравиц в адрес молодых и их родителей, а также и в адрес сидящих именитых гостей, а именитыми были все, строгость первой категории гостей постепенно угасала. Мат достигал в иные времена невиданной остроты и размеров.

Где-то к одиннадцати вечера «пришла» очередь сесть за стол и детворе, тем, кто хоть каким-то образом оказывал посильную помощь родителям невесты и жениха в проведении свадьбы. Детей набралось и не так уже и много. Человек десять. Ксения Ивановна для «шпаны», так она ласково и шутя называла своих помощников, приготовила отдельный стол. Те, кто был постарше и посмелее, ринулись за стол, заранее предусмотрев для себя любимое кушанье. «Шпана» со стремительной быстротой стала лакомиться всем тем, что было на столе: пироги, салаты, конфеты, печенье. Среди робких оказались две девочки. Одной было где-то лет двенадцать, другой около десяти, не больше. Видя то, что все места за праздничным столом заняты, старшая девочка заплакала. Младшая с белыми волосами и очень красивым личиком, реагировала на происходящее по-другому. Она, непонятно почему, то тихонько смеялась, то опускала головку вниз и что-то разглядывала под ногами. Ксении Ивановне по-матерински стало жалко этих девочек. Она со слезами на глазах быстро подбежала к старшей и стала ее успокаивать. Женщина поняла, что эти девочки были со стороны родственников жениха. И ей не очень-то хотелось иметь какие-либо проблемы с новыми родственниками. Хозяйка быстро побежала в дом, через пять минут женщина вернулась назад. Затем, ласково взяв обеих девочек за плечи, она повела их в дом. В центре комнаты, ярко освещенной электрическим светом, стоял небольшой столик. На нем стояли такие же блюда и угощения, что и для детей под навесом. Скорее всего, для этих девочек отдельный столик был даже лучше. Им никто не мешал. Каждый из них неспеша лакомился тем, что было на столе.

Приятную трапезу двух девочек неожиданно прервало какое-то кряхтение, не то сопение. Затем из угла комнаты раздался явно пьяный мужской голос:

– Эй ты, Верка, где ты, курва? Ты слышишь, лярва, сейчас я тебе морду разобью...

Девочки невольно оглянулись. Старшая из них поняла содержание слов, которые произнес пьяный мужчина, и тихо засмеялась. Юные гости, немного прищуриив глаза, так как яркий электрический свет был для них еще непривычным, в самом углу увидели довольно пожилых людей, мужчину и женщину. Женщина крепко спала и поэтому не реагировала на слова мужчины. Тот, скорее всего, из-за перепития никого и ничего не воспринимал. Он, сидя на заднице, пару раз смачно высморкался на пол. Часть содержимого из его носа осталась на тыльной стороне его ладони. Затем он начал рыться в кармане брюк, наверное, искал курево. Не найдя такового, старик опять смачно плюнул на пол и потом стал расстегивать брюки. Дети, невольно увлеченные таким представлением, продолжали наблюдать за тем, что делал пьяный дед. Неожиданно для молодых зевак он из левой штанины вытащил какой-то обрубок. Через некоторое время дети поняли, что это был протез. Сидящий в углу, невзирая ни на что, продолжал материться. Потом он со всей силой швырнул протез, который очутился на столе, за которым мирно кушали девочки. Деревяшка звонко ударила по стоящим тарелкам и в ту же секунду отскочила на пол. Одна из падающих тарелок оказалась металлической, и она еще долго издавала бряцающий звук, катаясь по полу.

Пьяница не мог уговориться и все настойчивее призывал свою Верку к сексу. Она сквозь сон, оставаясь в плену алкогольного дурмана, на физическое притязание мужа отвечала кулаками. Ее удары получались иногда точными. Из носа жаждущего секса, сочилась кровь...

В разгар этой перепетии в комнату вошла хозяйка дома. Она сразу же обратила внимание на плачущих девочек. Молодые участницы свадебного торжества выли в один голос. Ситцевые платица девочек были не то в киселе, не то в салате. Переведя взгляд с тех, кто сидел за столом, в угол, женщина чуть было не лишилась дара речи. Перед ней открылось поистине уникальное зрелище. В самом углу комнаты возле полуспавшей на полу женщины, без штанов и без трусов сидел одноногий мужчина, который то и дело хватался за женскую юбку. Процесс «ласки» к женщине старик сопровождал отборным матом с кулачным добавлением.

Ксения Ивановна, конечно, ни могла не реагировать на происходящее, Тем более, семейная пара в углу была из приглашенных со стороны жениха. Сдерживая слезы и закрывая своей спиной происходящее в углу от девочек, женщина полупшепотом начала говорить семейной паре:

– Гости мои дорогие... Вы бы хоть детей постеснялись. А ты, гостенек мой одноногий, ну зачем ты так громко матом ругаешься? Лучше по-ласковому подойди к своей голубке и попроси ее о том, чтобы она дала тебе ее Величество... Тогда все будет нормально. Все будут довольны, и Вы к тому же... Да и девочки ничего не знали и не понимали бы...

Дальше нотации хозяйки маленькие гости слушать не стали. Они были уже сыты, да и им спать хотелось. Первой покинула комнату старшая, через пару секунд за ней последовала младшая с белыми волосами. Младшую звали Евой.

Глава вторая.

«Евка не девка»

Прошло пять лет с того дня, когда в Назаровке состоялась первая в истории деревни свадьба при электрическом свете. Отрезок времени был небольшой, но богат событиями. Да еще какими! Через каких-то полгода после свадьбы состоялся съезд «партейных», который провозгласил о том, что через четверть века в Советском Союзе будет построен коммунизм. Все и вся об этом только и говорили. Под сомнение генеральную установку партии никто не брал. Да и зачем? Ведь впереди еще целых двадцать пять лет! Кое-когда и в глухую деревеньку забегали «партейные» агитаторы, разъясняющие внутреннюю и внешнюю политику КПСС. Под строгим контролем управляющего всех жителей собирали в клубе для ознакомления с будущим коммунизмом. Кое-кто из крестьян пытался задавать вопросы типа того: что можно будет купить при коммунизме, будут ли деньги, будет ли водка? Напыщенные «от ума» посланцы руководящей партии бойко и четко отвечали на вопросы назаровцев. Общий ответ всех приезжающих теоретиков, да и залетных руководителей состоял в том, что при коммунизме все будут сыты, пьяных не будет, будет только изобилие всего и для всех, и для каждого. Сейчас и тогда будет действовать главный принцип – кто не работает, тот не ест. Жизнь еще будет лучше и слаще, если на всей земле победит коммунизм.

Довольными выходили из сельского клуба назаровцы. Хорошее дело коммунизм, да вот строить его долговато. Пожилые селяне чуть-чуть грустили, думая о том, что они до «коммунистического рая» вряд ли доживут. «Слава Богу, хоть дети наши будут жить при коммунизме», – размышляли старики и старухи и тут же разбредались по домам. Надежда пожить побольше и получше с каждым днем укреплялась в душах селян. И эти надежды селяне подкрепляли на деле. Кое-кто из назаровчан за высокие производственные показатели получал ордена и медали. Об этих людях знали не только в деревне, но и за ее пределами. Кое-кто с успехом набирал «обороты» и на поприще карьеры. Ивана Николаевича Яшина, первого секретаря Машинского райкома партии опять перевели в соседнюю область, перевели с повышением.

Преуспел в карьерных делах и управляющий отделением Федор Иванович Киселев, причиной этому была кукуруза. На протяжении трех лет практически все посевные площади отделения засеивались кукурузой. Пшеницы в Назаровке не было, а кукурузы хоть отбавляй. «Царица полей» была везде и в различном состоянии. На току ее были горы, как в початках, так и в зерне. До самого верха груженные машины в разгар уборки то и дело проносились по изуродованным проселочным дорогам, оставляя после себя кукурузу, которая сию же минуту «истреблялась» стаями гусей, а то и собиралась деревенской пацанвой. Назаровцам, изнывающим от жары и от пота во время уборки «царицы полей», было неведомо, куда все это увозилось.

Кукуруза все увереннее стала входить в пищевой рацион не только животных, как совхозных, так и частных, но и в рацион селян. Кукурузу варили, жарили, мололи. Кое-кто из школьников, идя в школу, загружал кукурузой карманы школьной формы. Наиболее «башковитые» использовали зерна кукурузы для всевозможных игр. В магазине появился хлеб из кукурузы...

Посевы кукурузы стали даже своеобразным зеленым украшением деревни Назаровки, да и наверное, и всей страны, которая горела желанием догнать и обогнать по экономическому развитию самую передовую страну капиталистического мира – США. По указке сверху была развернута настоящая пропагандистская кампания по выращиванию «царицы полей». Плакаты с изображением кукурузного початка, который во весь рот улыбался и шагал по полю, наклеи-

вались не только на конторе отделения, но и на току, на ферме, в совхозном клубе, в школьных классах.

Управляющий Федор Киселев очень строго следил за наглядной агитацией, не говоря уже о ретивом исполнении решений верха по выращиванию кукурузы. И это усердие не могли заметить наверху. Особенно отличился Федор Иванович на третий год, после того, как в деревне появился электрический свет. К концу августа после дождей кукуруза вымахала до двух, а то и более метров высотой. Кукурузные поля, словно колонны войск на военном параде, со всех сторон окружили деревню. Жители стали жаловаться управляющему на неудобства, связанные с «царицей полей». Ягодники и грибники боялись идти в лес. Стоило из них кое-кому перейти полосу с кукурузой, считай час, два, а то и более потерял, пока выберешься из этого зеленого «небоскерба». С людьми все-таки было проще, они хоть кричать могли, хочешь жить – закричишь. Со скотиной было значительно хуже, особенно тем хозяевам, которые жили на окраине деревни.

Случай с Буренкой Петра Колесниченко, живущего на «обочине» от деревни, стал достоянием не только жителей Назаровки, но и всего совхоза, а может даже и более. Дело было где-то в начале сентября. После вечерней дойки, как обычно, хозяйка выпустили свою коровенку за огород траву пощипать. Делалось это ни один раз и ни один год. Перед отходом ко сну хозяева загоняли свою Буренку опять в летний загон. В этот вечер с коровой вышла осечка. Буренки почему-то на обычном месте не было. Поиски хозяев своей кормилицы вблизи двора и возле соседей не увенчались успехом. Да искать уже было бесполезно, покрывало темноты плотно опустилось на землю. Беглянку не нашли и на следующий день, ни через неделю. Что только не передумали хозяин с хозяйкой, каких-только версий и домыслов они не выдвигали. Думали все, конец пришел Буренке. Хозяйка баба Нина даже на своих игральные карты «прибросила». И те, к сожалению, ничего хорошего не «сказали». Муж и жена днем и ночью «прочесывали» свои головы, думая о том, что вполне возможно кто-то из селян им решил отомстить. Пострадавшим даже пришел на ум эпизод из своей жизни, как ровно год назад они сделали небольшой подвох соседу Василию Жидику, который по их вине на несколько часов «лишился» своих уток.

В тот день семейная чета Колесниченко с самого утра занималась перегонкой браги. Хозяйка после того, как ядреная жидкость оказалась в самогонном аппарате, остатки на дне фляги решила выбросить в огород, дабы скрыть следы своей «деятельности» от односельчан. На эти остатки, которые включали в себя и ягоды вишни, через несколько минут набросились соседские утки. Кузнец Жидик свою живность заметил только во время обеда, когда из кузницы домой шел по огороду. Мощный мужчина готов был на куски разорвать физически хилого соседа за гибель своих уток, которые почему-то бездыханно лежали на краю соседского огорода. Через пару минут самогонщики Колесниченко оказались в поле зрения разъяренных соседа и соседки. Жена кузнеца, размахивая довольно жирным селезнем с закрытыми глазами перед лицом испуганных соседей, требовала возмещения любимой живности. Она также грозила упрятать некогда любимых соседей в тюрьму за самогонование. Компромисс между соседями был найден через час. Петр Колесниченко в срочном порядке перегнал во двор соседу три десятки своих отборных гусей, дабы «закрыть» все споры и возможные проблемы. Мужчина, к тому же, прихватил с собою и литровую банку первача. Когда все и вся было улажено, кузнец и разнорабочий стали «обмывать» несколько пошатнувшийся союз соседей. Жена Петра Колесниченко к застолью пришла через пару часов. За время своего отсутствия женщина со слезами на глазах по-быстрому общипала перья пропавших уток и потом выбросила их на скотомогильник, который находился неподалеку от дома. Стая общипанных и уже протрезвевших уток во главе с селезнем пришла на родной двор под самый конец застолья, когда пьяные соседи со страстью целовались и раскланивались, дабы покинуть друг друга. Кузнец, увидев своих родных, не только рассмеялся, но и даже прослезился. Мужчина со слезами на

глазах что-то лепетал себе под нос и ласково гладил «голового» селезня, который даже несмотря на «перепой» сумел найти дорогу к дому своего хозяина и кормильца. Соседям было не до чувств кузнеца. Они спешно гнали своих гусей к себе во двор и радовались своей живности, которая чуть было не стала чужой...

Семейная чета Колесниченко, казалось, уже со смертью или пропажей коровенки смирилась. Ан нет. Через две недели кормилица «воскресла». Корову нашли комбайнеры на экспериментальном кукурузном поле во время уборки кукурузы на початки. Это поле находилось в десяти километрах от Назаровки. Местная «эксперименталка» находилось под пристальным вниманием не только лесников, объездчиков, егерей, но и главного агронома совхоза. Почему Буренка туда попала и почему не мычала громко, взывая о человеческой помощи, для совхозников это осталось тайной.

Усердие Федора Ивановича Киселева на кукурузном «фронте» не осталось незамеченным. Образцы кукурузы из своего «загашника» коммунист демонстрировал на районной выставке достижений сельского хозяйства, затем на областной. В декабре областная газета «Коммунист» поместила на первой странице большой очерк о верном ленинце Киселеве, который по-научному внедрял «царицу полей» на необъятных просторах Сибири. Была помещена и фотография, на которой голова Федора Ивановича была обрамлена венком из кукурузных початков.

В январе следующего года Киселев возглавил совхоз в соседнем районе. Назаровцы, да и жители деревень совхоза, где руководил Киселев, не могли не заметить того, что Федор Иванович почему-то даже и зимой, не говоря уже о лете, стал больше ходить с непокрытой головой. До этого лысый мужчина не расставался ни с фуражкой и ни с шапкой в зависимости от времени года. Директор совхоза прекрасно понимал недоумение крестьян. Лысина уже больше не беспокоила руководителя. Лысым был и тот, кто куда выше его сидел на троне власти...

Для большинства же назаровцев жизнь текла как всегда. Работа, дом, опять работа. И так каждый день. Ничего сверхсшибательного за пять лет не произошло и в жизни той маленькой девочки с белыми волосами, которая совершенно случайно оказалась в маленькой деревне Назаровке на свадьбе «при электрическом свете». Кое-какие эпизоды из свадьбы, в том числе и эпизод с пьяным дедом и бабкой, в голове девочки остались навсегда.

К пятнадцати годам молодая красавица весомо пополнила свой словарный запас о том мире, в котором она жила. Кое-что она знала и о любви. В школе на уроках ничего про любовь не рассказывали, не говоря уже о другом... Однако Ева Крот уже четко знала то, что детей в капусте не находят, да и любви без ее Величества, как таковой, не бывает.

Вся «наука» о любви красивой школьницы «ковалась» на примерах из жизни деревни Водяное, где она жила и училась. Кое-что она видела и дома. Отца своего Ева не помнила. В деревне разное про него, да и про мать судачили. Одним сплетням девочка верила, другие старалась пропускать мимо своих детских ушей.

В свои пятнадцать лет девочка толком еще не знала о том, что ее родители немцы, которые в начале войны были вывезены из Поволжья в Сибирь. Немцев завезли в Ктомскую область уже в октябре. Для приезжих жилья не было. Начинали все с нуля. В чистом поле переселенцы рыли землянки для жилья, дабы не замерзнуть в условиях суровой сибирской зимы. Кое-кто успел построить из березы маленькие избы. Среди них была и молодая семья Крот. Название пристанища на новой земле придумали сами жильцы. «Голдыштайн», слово было немецкое, на русском языке оно означало – Золотой камень. Местное начальство, да и повыше, не стали против этого названия возражать. Само название приятно резало ухо, в нем также не было и политической крамолы. На том все и успокоились.

Через пять месяцев обитателей землянок стали забирать в трудовую армию. Петра Крота забрали, а его жену Елизавету оставили, так как она была беременной и вот-вот должна была родить. Тяжелым было прощание Петра с Елизаветой, как и для всех мобилизованных. Осо-

бенно тяжело переживал прощание Петр. Мужчине очень хотелось самому увидеть рождение первенца, первому на этой земле подержать маленькое тельце в своих руках. Уже находясь в колонне мобилизованных, Петр сквозь слезы прокричал своей любимой:

– Если сын родится, назови его Иваном, а ежели дочь, то, нареки Евой... Ты, поняла меня, Елизаветушка?

Что дальше кричал муж из толпы в этот холодный, февральский день, Елизавета не слышала. Бежать за колонной уходящих людей она уже была не в силах, не хотела делать больно нарождающемуся дитя. Неспроста просил Петр назвать своего будущего ребенка в честь одного из своих родителей. Больше своей жизни любил сын своего отца и мать. Именно благодаря родителям Петр с отличием окончил школу, поступил в техникум, мечтал стать большим человеком.

Тяжело переживал Петр смерть своих родителей, которые рано ушли из жизни и остались навечно лежать на приволжской земле. В той же деревне, на том же кладбище обрели вечный покой и родители Елизаветы, погибшие во время пожара при спасении общественного хлеба в зернохранилище. Молодые муж и жена Аксы скончались через два дня от ожогов, оставив на попечение деда свою единственную дочь Лизоньку.

Рожала Елизавета очень тяжело, в больших муках. К ее великому несчастью ребенок родился мертвым. Могла и умереть роженица. В том, что она осталась жить, была большая заслуга бабки-повитухи. Тельце мертвого дитя и то хоронила эта же бабка. Елизавета в это время пластом лежала три дня и три ночи. Она даже была не в силах встать с деревянной кровати. Только через неделю немного «отошла». Однако жить ей не хотелось. Женщина казнила себя днем и ночью за то, что она сама осталась живой, а дитя ушло в мир иной, так и не вкусив земного блага. Опустившись на колени перед иконой, женщина все молилась и молилась. В короткие промежутки времени, когда в голове становилось легко и светло, она все думала и анализировала то, почему ей не удалось сохранить ребенка. Кто был виноват в том, что ее ребенок только что родился на свет и тут же сразу умер, Елизавета так и не понимала. Русская бабка-повитуха на часто задаваемый вопрос молодой немки ничего не отвечала. Она только осеняла женщину крестным знаменем, делая молитвенный жест – знак креста, и тихо приговаривала:

– Один Господь Бог знает только это... Ему властелину наших дум и наших тел дано на это право.... Один он только все знает и делает для нас... Только Бог, только Бог...

Больше бабка Аграфена ничего молодой немке не говорила. При встрече с плачущей Елизаветой бабка опять что-то тихо бурчала себе под нос и осенив рукой немку, тотчас же уходила прочь.

Елизавету продолжала душить обида за то, что она не смогла сберечь первенца для Петра. Разное она по этому поводу передумала. Причиной смерти немка считала плохое питание для нее самой и крепкий сибирский мороз, а может даже и тяжелую работу. Тяжеловесные тюки из камыша, которые она вместе с женщинами собирала на замерзшем озере и носила на спине, дали о себе знать. Не исключала она и того, что кто-то ее ребеночка сглазил...

Петру о личном горе Елизавета Крот решила не писать. Не только не хотела расстраивать своего мужа, но и очень его боялась. Сама она от Петра получила первое письмо где-то через три месяца, после того как его забрали в трудовую армию. В письме муж интересовался только тем, кто родился у Елизаветы. О другом почему-то он ничего не спрашивал. Ничего не писал и о себе. Да и письмо было без обратного адреса.

Прошло полгода после того, как Елизавета проводила своего мужа. За исключением первого письма, пришедшего в форме короткой записки, писем для Елизаветы Крот не было. От безутешной печали женщина плакала по ночам. Сердце и душа молодой немки разрывались, когда родственники некоторых из тех, кто ушел в трудармию вместе с Петром, получали от своих какие-то вести. Несмотря даже на то, что весной и летом у тех, кто остался в деревне, дел

было невпроворот, Елизавета находила время для уединения. В эти короткие минуты она опять и опять обдумывала все происходящее. Иногда в ее голову приходили мысли одна страшнее другой. Да и злые языки в деревне, хоть и небольшие, распускали разные слухи и сплетни о Елизавете Крот. От некоторых из них женщине становилось дурно. Кто-то болтал о том, что Елизавета специально удушила своего первенца только за то, что Петр ее насильно еще в Поволжье взял в жены. У молодой Лизы Акс был другой парень, но очень робкий, и которого она очень сильно любила.

Были и те, кто говорил «сущую» правду о том, что дескать Петр уже в курсе происшедшего с Елизаветой, и что, вот-вот он придет для разборок с женой. Чем дольше Петр не приезжал для разборки с женой, тем почему-то равнодушнее становилась Елизавета к семейному несчастью. Немка устала от постоянной боли по умершему ребенку, да и от тоски по мужу. Постепенно Кротиха, так прозывали односельчане Елизавету за фамилию, отходила от дел мирских и от дел своих личных. Некогда веселая девушка Лиза надолго уединилась, накрепко закрыла в себе она свое сердце и душу. Одно для нее было утешение, одно было успокоение – это работа. Молодая женщина работала как вол. Во время работы ни перед чем и ни перед кем она не открывала свою душу, свой внутренний мир.

Не появился Петр Крот в Гольдштайне ни в победном 1945 году, и ни в 1947 году, когда власти официально заявили о роспуске трудармии. К сожалению, многие из ушедших не вернулись назад в свое село. Кто-то из трудармейцев умер от холода, голода и тяжелой работы, кто-то вернулся инвалидом или тяжело больным. Были и те, кто не вернулся по неизвестным для селян причинам. Среди них был и муж Елизаветы Крот.

Прошел еще один год. Елизавета окончательно смирилась с тем, что навсегда потеряла Петра. Крестьянке иногда даже было стыдно самой, когда ее голову посещали мысли о том, что только сейчас, когда она стала вдовой, ей стало даже жить несколько радостнее, чем когда-то с мужем. Смирились с потерей односельчанина и жители Золотого камня. Утешением для селян и для Елизаветы было то, что кроме Петра в деревне еще судьбы троих трудармейцев были неизвестны.

Шло время и оно постепенно залечивало раны. День за днем Елизавета снимала с себя панцирь замкнутости, как душевной, так и человеческой. Она стала добрее относиться к односельчанам и те ей отвечали тем же. Женское тело, которое столько лет не видело ласки и любви, настойчиво все это искало. Вдова стала все чаще и чаще заглядывать в зеркало. Кротиха купила женские духи, которые были в магазине.

Первое знакомство Елизаветы Крот с Кузьмой Степановым произошло летом, через четыре года после окончания войны. Кузьма в этот год работал подвозчиком всего необходимого во время посевной, заготовки сена и уборочной. На бричке, запряженной парой лошадей, он подвозил также к бригадам воду, иногда обеды. Степанов появился в деревне ранней весной. Новенький не имел никакой специальности, да еще прихрамывал на левую ногу. По этой причине, скорее всего, его и определили подвозчиком. В том, что новенький не равнодушен к Кротихе, она заметила еще в мае, когда сеяли подсолнечник. Женщина в это время в качестве разнорабочей очищала от прошлогодней грязи зерноток. Прийдя поздно вечером домой, она заметила ведро, которое стояло возле входной двери избы. Оно было полно семян подсолнечника. В том, что это ведро принадлежало Кузьме Степанову, Кротиха не сомневалась. Тем более, уже утром она увидела другое, совершенно новое ведро, которое стояло на привычном месте – под сидением у кучера.

В эту ночь, когда она увидела ведро с семенами подсолнечника, Елизавета не спала. Она не скрывала в себе радости, что подвозчик уделил ей такое внимание, подарив целое ведро семечек. И не только поэтому она не спала, а если и засыпала, то тот час же просыпалась. Уж больно она боялась за эти подсолнухи, которые были украдены новеньким ради Елизаветы. Она понимала, что за ведро этих небольших по размерам семечек Степанов может угодить на

несколько лет в тюрьму. Она боялась и соседей, которые могли проинформировать соответствующие органы просто из-за зависти, или просто так, для порядка.

Время шло. Каких-либо подвижек в взаимоотношениях Кузьмы и Елизаветы не было. Даже и после того, как Елизавета получила от Кузьмы целое ведро семечек, они вели себя так, как будто и не знали друг друга. Все было так, как и раньше. При встрече друг с другом они говорили за весь день только два слова. «Здравствуйте» – утром, когда начиналась работа, и «До свидания» – вечером, когда заканчивался трудовой день.

Все для Кузьмы и для Елизаветы «разрешилось» в конце июня, в пору сенокосную. Кротиха в этот день была задействована на заготовке сена. Работа была не столько тяжелая, а сколько нудная. В этот день, как назло, установилась очень жаркая погода. Стояло абсолютное безветрие. Парило. Люди, работающие в бригадах, как Бога ждали хромого Степанова с водой, который подвозил холодную воду из водонапорной башни в деревянных бочках. К обеду погода очень резко изменилась. Порывистый ветер сей миг нагнал стаи туч, которые прямо на глазах у работающих в поле, обложили небо темно-синим одеялом. Неожиданно блеснула молния во весь горизонт и раздался оглушительный треск... Дождь продолжался порядка получаса. Ни о какой-либо дальнейшей заготовке сена говорить не приходилось. Косари, копнильщики, стогометатели дружно разбежались в разные стороны, выбирая для поездки домой трактор с прицепной тележкой или пароконные брички.

Приготовилась «штурмовать» тележку с гусеничным трактором и Елизавета Крот. И как раз в этот момент почему-то у нее екнуло сердце. Внутренний голос не то в шутку, не то всерьез спросил женщину:

– Елизавета, ты почему потеряла своего Петра? Он ведь тебя так долго ждал и тоже хочет ехать на этой телеге домой...

На какое-то мгновение женщине стало не по себе. Всем своим сознанием, каждой частичкой своего тела она понимала то, что Петр уже очень давно пропал без вести, вполне возможно, даже и погиб. Не зная почему, Кротиха повернула свою голову влево, в сторону длинного, березового околка, который селяне окрестных деревень называли «Тюменским». Повернув голову налево, Елизавета на какой-то миг остолбенела. Неподалеку от опушки леса на поляне Кузьма Степанов собирал полевую землянику. Лошади, запряженные в бричку, мирно щипали траву.

Незаметно для всех, словно завороченная, Елизавета быстро шмыгнула в близлежащий кустарник и легла на землю. Кусты стали хорошим укрытием для женщины, тем более, она была в зеленом платье и в зеленой кофте. «Беглянку» никто в тележке не ожидал. Никто ее и не разыскивал. Через две-три минуты трактор затарахтел. Под веселый гвалт и смех селян тележка неспеша покатила в сторону деревни. Дождавшись, когда трактор, тянувший тележку, скрылся за лесами, Елизавета встала с земли, отряхнулась и быстро пошла в сторону «Тюменского» околка.

Через несколько секунд она уже более четко видела мужчину в черной, замасленной кепке, которая скрывала его седые волосы. Тот, кто собирал красные, как кровь, земляные ягоды, оторвал на какой-то миг свой взгляд от них и посмотрел в сторону кустов, откуда только что отъехал трактор с прицепной тележкой. Неожиданно для себя «ягодник» в метрах трехсот, а может и больше, увидел женщину, которая уверенно шла в его сторону. Кузьма не мог ошибиться. Это была Елизавета Крот. Какая-то неведомая сила подняла Степанова и заставила его бежать так, как он когда-то в молодости бегал в школе на всевозможных спортивных соревнованиях. На какой-то миг фронтовик, он же командир танка, он же сержант Степанов забыл про постоянно ноющую боль в левой ноге, про те железные осколки, которые остались в груди у него и по сей час.

Сейчас же он бежал, как влюбленный школьник, как пацан, навстречу этой еще недостаточно знакомой, но почему-то такой нужной и близкой ему женщине. Пара лошадей, пасущихся на поляне, иногда бросала ленивые взгляды на бегущих навстречу друг другу мужчине

и женщине. Затем лошади лениво опускали свои морды в пахнущую земляникой траву и продолжали ее щипать. Вполне возможно, все это видели и Степанов с Кротихой. Однако им сейчас было не до лошадей. Каждый из бегущих понимал то, что через несколько шагов, через несколько секунд, они прикоснутся руками, губами, своим телом друг к другу и окажутся в мире сладостных чувств и ощущений. И все это вместе будет называться Любовью, без которой невозможно счастье тех, кто жил и живет на этой земле.

Через несколько мгновений женщина и мужчина сомкнулись в объятиях. Елизавета не узнавала себя в себе. Непонятные для нее какие-то не то зеленые, не то розовые огоньки застилали ее глаза. Она почему-то до сих пор не могла отдышаться. Крепко обняв незнакомого и очень близкого мужчину, она нежным и тихим голосом повторяла такие почему-то близкие и в то же время давно забытые для нее слова:

– Петя, Петюша, это ты, мой дорогой... Я так тебя очень долго ждала... Как я по тебе скучала...

Через какое-то время эта же женщина почему-то также любовно и вдохновенно говорила:

– Степан, Степанушка, ты, мой любимый и дорогой. Я так по тебе все эти ночи скучала и думала о тебе, мой дорогой...

Кузьма, обнимающий худые плечи женщины, не поправлял содержание слов, сказанных Елизаветой. Мужчина прекрасно понимал всю боль и страдания, которые перенесла эта женщина-немка. Степанов, глядя шершавой ладонью, которая пахла земляникой вперемежку с запахом тракторного топлива, седые волосы Елизаветы, прекрасно понимал ее состояние. Он и сам за свои годы жизни испил до дна ни одну чашу горя и несчастья. Это прошлое заставляло мужчину сильнее целовать сухие губы женщины. Он и она на какое-то время прерывали свои страстные поцелуи и начинали смотреть друг другу в лицо, как бы силясь по глубоким морщин чуть-чуть больше узнать о жизни друг друга. В это время они ничего не говорили. Мужчина и женщина просто-напросто смотрели друг другу в глаза и наслаждались их теплотой.

Через несколько мгновений их губы вновь и вновь сливались в единое целое... Затем они оказались в пучине любви, любви чистой и прекрасной. Каждый из них старался через такое продолжительное время взять эту любовь с избытком, надеясь возвратить себе то счастье, которое так безжалостно у каждого из них отобрала война.

В деревню Елизавета с Кузьмой приехали поздно вечером. Лошади лениво тянули повозку по деревенской улице. Кое-где лениво таякали собаки, разбуженные громким пофыркиванием парой лошадей. Спящим обитателям деревни были безразличны те, кто ехал в эту летнюю ночь на повозке. Седой русский мужчина и седая женщина-немка, сидящие в ней, ничего друг другу не говорили. Они, плотно прижавшись друг к другу своими телами, лишь изредка тяжело вздыхали. Также изредка их губы сливались в единое целое...

Кузьма Степанов зашел за пустым ведром к Елизавете Крот через неделю после того незабываемого летнего вечера на поляне у «Тюменского» околка. На следующий год, пятого марта у Елизаветы родилась девочка. Назвала она ее Евой, в честь матери Петра Крота. Кое у кого из «партейных» было предложение назвать новорожденную Сталиной, но Кротиха и Степанов эту идею не поддержали. У селян ни у кого не было сомнения в том, кто является отцом девочки. Да и Елизавета с Кузьмой ни от кого не скрывали своей запоздалой любви. Они были счастливы своей любовью, своим ребенком. Ева росла спокойной девочкой. Наверное, она чувствовала спокойную и равномерную жизнь своих родителей. Через месяц после появления Евы на свет, в избушку Кротихи перешел жить и Степанов. Мужчина оказался неплохим плотником. К осени избушка немки преобразилась. Кузьма перестелил пол в избе, обновил крышу, сделал наличники для двух окон. Много было сделано им и во дворе.

В избушке значительно стало больше света и тепла. С каждым днем росло взаимопонимание и между русским мужчиной и российской немкой. Все у них, как им казалось, было. Однако чем лучше они жили, тем тревожнее становилось у каждого на сердце... Причиной

этому было состояние здоровья Кузьмы Степанова. Танкисту не давали спокойно жить и работать старые фронтовые раны. День и ночь ныла нога. Донимали мужчину и острые боли вокруг сердца. Степанов все больше и больше уединялся в себе, отдавался мыслям, которые были подвластны ему, и только ему. Он довольно часто воспроизводил в своей памяти тот бой под Берлином, когда безусый мальчишка-немец произвел зловещий выстрел по советскому танку из фауст-патрона. Какое-то чудо спасло сержанта от смерти. До великой Победы оставалось всего два дня. Потом были тяжелые месяцы пребывания Кузьмы в госпиталях. Настоящим испытанием на прочность его здоровья и силы мужества явилось несколько сложнейших операций.

Раньше Степанов жил в Белоруссии, жил вместе с родителями. Любимой девушки перед уходом на фронт он не оставил, еще не успел никого полюбить. Да и врага-то он увидел впервые и почувствовал не на передовой, а в своей деревне. Немцы стремительно продвигались вперед, рвались к Москве. Горящую хату, в которой находились родители молодого парня, немецкий танк протаранил вдоль и поперек несколько раз. Единственному сыну просто случайно повезло. Он в это время со своим школьным товарищем был в лесу. Молодой Степанов ушел в партизаны. Потом была передовая. Сын беспощадно мстил немцам за смерть своих родителей.

Елизавета, лежа в постели с Кузьмой, знала то, что ее любимый человек не спит и сама не спала. Она, порою, хотела как-то сгладить боли и страдания любящего ее человека и часто осыпала поцелуями израненное тело мужчины. На какое-то время они засыпали вместе. Иногда женщина просыпалась и чувствовала то, что Кузьма опять страдает от боли. Перед Новым годом Степанов слег в больницу, через неделю у него ампутировали левую ногу. Попытки врачей вытащить осколки из груди фронтовика оказались неудачными. Во время операции Степанов скончался, не выдержало сердце...

Хоронила Елизавета Кузьму Степанова в первый день вновь наступившего нового года. Выкопать яму для покойника помогли односельчане. Еще долго стояла Елизавета перед свежесыпанной горкой сибирской земли вперемежку со снегом. Женщина стояла и плакала. Ее слезы, как ей казалось, насквозь проходили через тонкий слой земли и согревали Кузьму, гроб с которым совсем недавно и навечно опустили в холодную яму. Плачущая женщина так и до конца не понимала, кто для нее был этот русский, муж или просто кто-то другой. Как таковой регистрации брака у них не было. Елизавета не делала также и метрики для своей маленькой Евы. Уж больно она боялась, не зная почему, записать в свидетельстве о рождении отцом своей дочери фамилию русского мужчины. Не хотела она писать отцом Евы и Петра, зная то, что это есть заведомая ложь. Немка не хотела чернить светлую память о родителях своего мужа, да и о нем самом.

Петр Крот в Гольдштайн вернулся в августе 1953 года, после смерти вождя народов. Пришел пешком с разезда, пришел днем. День был на удивление солнечным. На пути к избушке Елизаветы никто из прохожих его не узнавал. Никого не узнавал и Петр. Однако незнакомые для пришельца люди, поравнявшись с ним, произносили короткое «Здравствуйте». В ответ на это путник кивал головой. Среди его приветствующих, мужчина не находил знакомых голосов или лиц. Ведь прошло одиннадцать лет после того, как он кричал из колонны односельчан своей любимой Елизавете:

– Если сын родится, назови его Иваном, а ежели дочь, то, нареки Евой... Ты, поняла меня, Елизаветушка!...

Эти слова он всегда носил в своей памяти и в своем сердце. Избу свою Петр Крот узнал не сразу.

– Да ведь это и вполне правильно... Ведь столько лет прошло, сколько воды утекло... Да и деревня ведь какая стала!, – думал про себя путник и улыбался. Предстоящая встреча с женой и с дочерью или сыном мужчину успокаивала.

Елизавета в этот день не работала. За все лето у нее не было ни одного выходного. Долго и нудно она выпрашивала у бригадира и этот отгул. Уж больно стирки у нее накопились, да

и по дому была уйма работы. Маленькая дочь Ева в это время играла с соседской девочкой за огородом под присмотром бабки-соседки.

Кротиха, прибрав в избе, стала готовиться к стирке на улице. На плите в большой кастрюле закипала вода. Сама она тем временем штопала платье маленькой дочурки. Внезапно входную дверь избы кто-то без всякого стука открыл. Женщина невольно приподняла голову и перед собою увидела незнакомого мужчину. На вид ему было где-то под пятьдесят, не менее и не более. Незнакомец был высокого роста, слегка сгорбленный. Чувствовалось то, что у него что-то было не в порядке с поясницей, а, может, и со всей спиной. Лицо вошедшего было худое, покрытое густой седой щетиной, нос был прямой. На левой стороне лица были следы не то от шрамов, не то следы от чьих-то укусов. На какой-то миг хозяйке стало жалко этого лысого мужчину.

Хозяйка при виде незнакомого человека, быстро отложила в сторону платье, отодвинула на край стола коробку с нитками и иглками. Затем она встала, и держа одной рукой за краешек стола, а другой поправляя локоны седых волос на голове, тихо и спокойно спросила у вошедшего:

– Зачем пожаловали? Кто Вас послал за мною, наверное, опять бригадир?

Не дождавшись ответа от вошедшего, женщина начала подкладывать дрова в печь. Затем, закрыв при помощи полена металлическую дверь печи, она вновь повернулась к вошедшему и вновь повторила свой вопрос. Пришелец опять продолжал молчать.

Петр сразу же узнал свою Лизоньку. У него защемило сердце от того, что вся ее голова была седой. Две глубокие морщины над переносицей разделяли красивое лицо женщины на две половины. Мужчина к удивлению хозяйки все время почему-то молчал и очень пристально смотрел на нее.

Молчала и Елизавета, изредка бросая взгляд на мужчину, который был одет почему-то не по-летнему. На нем была довольно поношенная куртка, кирзовые сапоги. Незнакомец, повернувшись боком в сторону питьевого бачка, который стоял рядом возле двери, после некоторого раздумья тихо спросил хозяйку:

– А у тебя, хозяйюшка, можно воды напиться?... А то, что-то у меня в горле пересохло...

И затем, не дождавшись ответа хозяйки, мужчина снял ковш с гвоздя на стене и зачерпнул воду. Елизавета заметила то, как сильно дрожала рука незнакомца, когда он подносил ковш к своим губам. Пришелец пил воду очень жадными глотками. Из его глаз текли слезы. Кротихе на какое-то время было даже жалко видеть этого странника, который жадно утолял свою жажду. Одновременно ей было очень противно слышать и видеть, как он не то клокотал, не то стучал зубами о края металлического ковша.

Мужчина, напившись воды, дрожащей рукой стал медленно вешать ковш на стену. Еще не успел он это сделать, как хозяйка, внимательно разглядывая правую руку пришельца, заметила то, что у лысого на правой руке не было полмизинца. Такая «примета» была у Петра, который делая паз в бревне при строительстве избы, непонятно как, отрубил себе половину маленького пальца. На какую-то долю секунды Елизавета вновь посмотрела на сухую, изнеможденную руку мужчины и не знала, что думать. Да и думать-то уже ей было не надо. Пришелец с вещмешком за плечами тихо и спокойно произнес:

– Ты, что хозяйюшка, не узнаешь меня? Елизаветушка... Это ведь я, Петр Крот, Крот я... Твой муж...

Услышав этот голос, который когда-то ей был до боли в сердце знакомый, Елизавета на какой-то миг потеряла рассудок. Голова ее невольно стала кружиться, по всему телу выступили капельки пота.

Через какие-то мгновения пришелец и хозяйка дома обнялись, расцеловались. Елизавета быстро накрыла неожиданному гостю и воскресшему мужу на стол. Она и сама не знала того, как ей поступать и что говорить дальше этому очень близкому и в то же время очень далекому

человеку. Изредка бросая взгляды на Петра, женщина не могла не видеть его сияющих глаз. Через одиннадцать лет они снова наполнились счастьем. Лысому мужчине казалось то, что все вернулось назад и опять его жизнь с этой женщиной наполнится тем же, чем она была наполнена тогда, когда он уходил в трудовую армию.

С невероятно тяжелым чувством Елизавета села за «праздничный» стол, хотя руки непроизвольно делали все необходимое для угощения пришельца. Женщина сама вытащила бумажную пробку из бутылки с самогонкой, потом наполнила ею до краев два больших граненых стакана. Не зная почему, хозяйка поставила их в центр стола и пристально посмотрела в глаза Петру. Эти глаза, как и раньше, были карими. Сейчас они были только немного светлее и чуть-чуть колючими. Глядя в эти глаза, она знала о том, что Петр, ее муж ждет ответа на свой наказ, которой он просил исполнить свою жену в тот холодный день 1942 года.

Жена Петра Крота об этом наказе никогда и нигде не забывала. Даже за столь длительное отсутствие мужа, Кротиха иногда допускала мысль о том, что еще и вполне возможно когда-то и придет это время, время ответа. И оно пришло сегодня, в этот поистине чудесный, теплый день. Сегодня суд Совести для нее наступил, а может и даже суд Любви. И не только для нее.

Со слезами на глазах Елизавета рассказала своему мужу все и вся, что было и что произошло, и почему это произошло за все эти долгие годы. Рассказала все без утайки, как на исповеди у Бога. Петр ничего не спрашивал у плачущей жены. Он все время молчал и молчал. Закончив свою «исповедь», Кротиха еще раз взглянула в глаза своего или бывшего мужа. Она без ошибки поняла то, что в этих глазах больше нет места для Елизаветы, не говоря уже о месте в его сердце или в его душе.

Известие о непопорочности жены мгновенно пропахало очень глубокую борозду в сердце Петра. Для него самого только сейчас стало ясным, что Елизаветушка, светлый образ которой он носил все эти годы, умерла для него, умерла навсегда. Крот не впал в панику и не стал махать кулаками, дабы приструнить свою «непутевую» бабу.

Лесоповалы, каторжные условия работы в шахтах, голод, холод, научили его ценить эту жизнь, особенно тогда, когда тебе уже и только за тридцать лет... Петр, сидя за столом, и осмысливая исповедь хозяйки дома, все терзался одним и тем же вопросом: «А стоит ли рассказывать этой, уже чужой женщине о том, что он пренес за все эти годы? Ведь все это перенесли тысячи и тысячи людей, которые оказались, как и он, в далеко нелегких условиях страшной войны». Тем более, Крот достоверно не только знал, но и чувствовал каждый день, каждый час приближение своей смерти. Тяжелая болезнь, как наследство спецлагерей, давала о себе знать. Да и поистине трагическая жизнь хозяйки, все ею сказанное нанесло такую рану в сердце мужчины, которая, как он считал, не заживет и до его кончины.

И все-таки Петр Крот решил рассказать о пережитом именно своей жене, той любимой женщине, любовь которой согревала его все эти годы, давала надежду на выживание. Исповедь своего мужа, но и одновременно, и чужого мужчины, теперь слушала и Елизавета. В отличие от Петра она почему-то все время плакала и плакала. Женщина никогда не думала о том, что рассказанный «товарищу» анекдот о вожде народов, может так круто изменить жизнь трудармейца Петра Крота. И не только его, но и ее, Елизаветы, жены этого трудармейца, которая жила в Сибири в глухой деревушке с таким прекрасным названием Золотой камень. Одиннадцать лет неимоверно тяжелой жизни Петра «уместились» в где-то двадцатиминутный его монолог.

После тяжелых совместных объяснений мужчина и женщина какое-то время молчали. Наверное, каждый после своей исповеди перед собой и Богом намечал очередные жизненные вехи. К сожалению, а может и к радости, каждый из сидящих исключал друг друга из совместного будущего. Теперь каждый думал только о себе и только о своем. Никто из молчащих не стремился доказывать свою правоту. Никто из них не думал оправдываться друг перед другом. Никто из них не просил и не требовал делать это от другого.

Оба они были взрослыми людьми и прекрасно понимали, что их любовь была сожжена войной. Одновременно каждый из них понимал, что они вместе и каждый в отдельности выдержали суд человеческой чести. Побежденных и победителей среди них не было. Приговор для обоих вынесла сама жизнь. Переделывать или переписывать историю собственной жизни ни Петру, ни Елизавете было не подвластно.

После некоторого раздумья Петр встал из-за стола, повернулся лицом к Елизавете и крепко пожал ей руку. Затем он развернулся и быстро вышел вон. Елизавета больше никогда и нигде в своей жизни не видела и не слышала о Петре Кроте, своем муже. Да и для односельчан трудармеец Петр Крот пропал без вести навсегда. Еще долго стояли на столе два граненых стакана с самогонкой, наполненных Елизаветой в тот незабываемый августовский день 1953 года. Она очень часто смотрела на них и плакала. Женщина ласково гладила руками стекло мутного цвета, надеясь увидеть в нем отражение своего любимого мужа. Озорной девочке Еве было не до маминых проблем и забот... Через год вдова Ева Крот переехала в село Водяное, которое находилось в Калининском районе Ктомской области. Это было порядком около ста пятидесяти километров от немецкой деревни с прекрасным названием Золотой камень.

Водяное для маленькой Евы Крот было родиной и той единственной деревней, какую она только знала. О других она ничего не знала, как и не знала ничего о своем отце. Только в четвертом классе Ева по-серьезному спросила свою мать об отце. Да и повод был для этого. Учительница попросила своих учеников на очередном классном часе рассказать о своих родителях. Мать очень тщательно готовила свою дочь к этой беседе. Елизавета подробно рассказала дочери о своей совхозной группе коров, перечислила все их клички, даже рассказала о том, сколько молока дает каждая из них. Девочка старательно все это записывала в свою учебную тетрадь. Об отце своей дочери Кротиха ничего не сказала, а только сдерживая слезы, промолвила:

– Твой отец, Ева, погиб. Ты поняла, он погиб. И об этом ты с гордостью можешь сказать своей учительнице... И еще... Если твой учительнице нужна информация о твоём отце, то пусть она лучше спросит меня. Ты поняла меня, моя доченька?...

Этим и все закончилось. Учительница почему-то больше об отце Евы не спрашивала ни ее мать, ни саму школьницу. Одноклассников девочки судьба ее отца также мало интересовала. К тому же, в классе более половины школьников не имели одного из родителей. Ева училась средне, не очень хорошо, но и не очень плохо. Бывало, приносила и двойки. Мать не хотела иметь проблемы со своей дочерью в школе. И поэтому, даже несмотря на нехватку времени, Кротиха всегда старалась помогать своему единственному ребенку делать домашние задания. Елизавета все время пропадала на ферме. Она рано уходила из дома и поздно приходила. Ева, понимая состояние матери и ее тяжелый труд, старалась учиться более прилежно.

О том, что ее мать немка, девочка узнала только тогда, когда перешла в пятый класс. Для раскрытия тайны опять была причина. В пятом классе дети начали изучать новый предмет «Немецкий язык». В день первого сентября Ева, как и все пятиклассники, получила новый учебник. В самом начале урока, только что прибывшая из районного центра молоденькая учительница Лидия Васильевна рассказала о правилах пользования учебником. Затем она взяла классный журнал и стала знакомиться с учениками. Дошла очередь и до Евы Крот. Зачитав фамилию Евы, учительница подняла голову и сняв очки, не то полушутя, не то на полном серьезе, спросила у прилежно стоящей возле парты девочки:

– Ева, а ты дома с мамой разговариваешь по-немецки? Я слышала о том, что твоя мама немка. Правильно я говорю, Ева? Или нет?

Пятиклассница ничего на вопрос учительницы не ответила. Она, сильно покраснев от неожиданного вопроса, медленно опустила за парту. Ева, сама даже не зная почему, придя домой, так и не спросила свою мать о своей национальности. Наверное, детский ум не прида-

вал еще большого внимания этому вопросу. В пятом классе, да и во всей школе мало кто из учеников интересовался тем, кто к какой национальности относился.

В том, что ее мать немка и неплохо владеет немецким языком, девочка узнала тогда, когда в их избе появился отчим. Звали его Генрих Иванович. Приехал он весной, когда девочка заканчивала пятый класс. Ничего сверхестественного этот мужчина собой не представлял. Ростом он был даже чуть ниже матери. Все его лицо было в веснушках. Особенно лицо отчима «расцветало» весной и летом, когда нещадно палило сибирское солнце. Рыжими были и его волосы, которые он почему-то расчесывал на две стороны. Такая необычная прическа мужчины маленькой Еве напоминала в нем не то какого-то дьячка, не то какого-то другого священника. К тому же зубы мужчины были кривыми и прокуренными. Мать привезла Генриха Ивановича из областного центра, когда ездила за покупками для Евы в «Детский мир».

На первых порах отчим для Евы показался неплохим человеком. А может, это только девочке казалось. За столом Ева с матерью и отчимом редко встречалась. Она после того, как в доме появился чужой мужчина, довольно часто стала пропадать у подруг. Как правило, там и делала уроки. Иногда и оставался у них ночевать. Больше всех она пропадала у Нины Кулешовой, у подруги по парте. Дружба, наверное, дополнялась еще и тем, что у родителей Нины Кулешовой был телевизор, который в те времена был еще большой диковинкой, да еще и в такой глухой деревне.

Отчим с Евой много не разговаривал, часто сторонился. Возможно, для этого у мужчины были определенные причины. Однако девочка глубоко не вникала в эти отношения. Мать с отчимом в доме почему-то разговаривали только по-немецки. Сначала содержание разговоров Ева вообще не понимала. Чувствуя равнодушное, холодное отношение отчима к себе, Ева стала избегать мужчину. Вечером старалась как можно скорее заснуть. Иногда она не могла долго этого сделать и все время ворочалась в своей постели. Причиной этому было довольно странное отношение отчима к матери Евы. Мужчина, даже после того, как с работы приходила Елизавета, мог громко с ней ругаться, иногда что-то тяжелое швырял в ее сторону. Да и маленькая по размерам избушка не способствовала крепкому сну девочки. Каких-либо перегородок в общей комнате не было. Кровать Евы стояла у стены напротив входа. Кухонный стол стоял возле большой русской печи и это все составляло, так называемую, кухню. Мать с отчимом спали на широкой деревянной кровати, стоящей возле печи. На небольшом круглом столе, который находился в центре комнаты, семья обедала. На этом же столе Ева делала свои уроки.

Генрих Иванович сразу же на третий день после своего появления в деревне устроился весовщиком. Работа была несложная и к тому же и непыльная. Летом же мужчина на работе пропал целый день. Причиной этому была то посевная, то сенокос, то заготовка силоса. Ближе к осени у Евы даже появилось желание посмотреть как работает ее отчим. К весовой, где работал Генрих Кох, Ева пошла одна. Весовая находилась рядом возле зернотока и зернохранилища. Нет, не заметил Генрих Иванович стройной и красивой девочки с белыми волосами. Даже не посмотрел в ее сторону. Хотя Ева несколько раз прошла мимо больших весов, даже два раза на них «взвесилась». Со слезами на глазах бежала она домой. Горько и обидно было на душе у молодой Кротихи. В этот тяжелый для нее момент, по-особенному, по-детски болело сердце и душа маленькой девочки, которая никогда в жизни не видела своего отца. Не только родным, но и даже близким для нее не стал и этот рыжий мужчина... В этот день девочка для себя дала этому человеку кличку Рыжий...

Сама же Ева для своих одноклассников была ни чем иным, как Кротиха. Ее прозвали так мальчишки. Ева на эту кликуху не обижалась. Да и она кое-когда сама давала кое-кому эти «клички». Правда, все эти клички она, да и не только она, произносила только тогда, когда рядом с ней не было ни учителей, ни пионервожатой, ни взрослых. Для многообразия кличек среди школьников были кое-какие предпосылки. В русской деревне с прозаическим названием

Водяное было довольно много фамилий для «творческого» произношения и фантазий: Трикоза, Селезнь, Дураков, Тугоумов, Зайцев...

По мере взросления Ева все больше и больше замечала натянутость в отношениях между ее матерью и отчимом. Девочка все чаще и чаще видела свою мать с заплаканными глазами или с лицом, укутанным в платок. Раньше мать этого не делала, особенно в жару. Определенную разгадку этому Ева нашла поздно вечером, когда проснувшись, захотела выйти во двор. Откинув одеяло, Ева некоторое время соображала о том, как лучше выйти из избы во время темноты и не разбудить мать с отчимом. Вдруг она неожиданно для себя услышала не то сопящий, не то храпящий голос отчима, который по всей вероятности лежал на матери. Странную возню «выдавала» панцирная сетка металлической кровати, которая скрипела как несмазанная телега. Мать в это время что-то со злостью наговаривала мужчине на немецком языке. Тот в свою очередь бранил женищну, и до тихо лежащей Еве четко донеслись бранные слова, сказанные отчимом на русском языке:

– Ты бы лучше, сука, рот заткнула, а то сейчас пойду по деревне и всем расскажу о тебе, шлюха, и о твоей сучке... Одним словом, молчи, пока я тебе не показал то, где раки зимуют...

В том, что эти слова адресовались матери и ей, Еве, девочка не сомневалась.

Наступили очередные и последние каникулы для тех, кто перешел в восьмой класс. Последними они были и для Евы Крот. По-разному проводили каникулы школьники деревни Водяное. Кто-то отработывал производственную практику на пришкольном участке, кое-кто уезжал в город к своим родственникам или к знакомым. У Евы Крот ни тех, ни других не было. Собственно говоря, она и на это не обижалась. Да и она ни одна оставалась в деревне. Кое-кто из мальчишек из ее класса в летнюю пору пас совхозную скотину или на пару работал с взрослыми мужиками, копня или метая сено в стога.

Нашла применение себе и Ева. Мать даже прослезилась, когда Ева сама устроилась помощницей поварахи тети Зины, которая готовила обеды для тех, кто работал в поле. Еве нравилось развозить пищу на лошаде, запряженной в телегу. Девушка аккуратно расставляла термоса с обедами, садилась на сидение, которое представляло собой широкую деревянную доску, и по-тихоньку хлестала постоянно спящую на ногах лошадь. Лошадь на ласковые «укусы» хвостотины девушки реагировала довольно лениво, иногда для ее раскачки требовался хороший кнут, да и сильная мужская рука. Довольно часто в роли мужчины выступала тетя Зина, которая обладала не только большим весом, но и приличной физической силой. После сильного удара хвостотиной лошадь молниеносно просыпалась, и словно ужаленная в одно место, срывалась и неслась не чуя своих ног. Сивуха, так звали старую кобылу, эту прыть «изображала» только несколько десятков метров. Потом она переходила на «прежний режим» работы. Бег трусцой устраивал и животное, и ту молодую девушку, которая гордо сидела на своем сидении и лениво посвистывала. Тем более, Ева ни разу ни в одну бригаду не опаздывала с обедом.

В начале июля в Водяное приехали военные для оказания помощи в уборке урожая. До основного потока зерновых еще было рановато, и поэтому военные машины, а их было не более десятка, использовались по-разному. Одни машины возили из Ктомска всевозможный лес или доски, другие использовались для перевозки сенажа и зеленой массы для заготовки силоса на зиму. Еве очень нравилось наблюдать за тем, как по проселочной дороге на большой скорости проносились военные машины, за рулем которых сидели молодые ребята в военной форме. Зрелище было прекрасное, несмотря даже на то, что машины, несущиеся на большой скорости, оставляли за собою целые шлейфы пыли. В некоторых местах дороги эта пыль иногда закрывала все небо. Еве волей-неволей приходилось останавливать лошадь на обочине дороги или вообще съезжать далеко в сторону, дабы не привести толстый слой пыли вместе с пищей для механизаторов. Солдаты вскоре поняли свою «ошибку» и старались для молодой деревенской красавицы не создавать пылевые облака. При виде повозки «каша едет», так ее с легкой подачи солдат стали называть и местные ребята, военные водители переходили на пониженную пере-

дачу, что значительно укорачивало шлейфы пыли. Преодолев «девичье препятствие», военные вновь увеличивали скорость движения. Такие действия военных водителей вызывали у Евы заразительный смех. При этом она невольно краснела и что-то непонятное, но очень приятное образывалось в ее сердце, да и не только в нем...

Однажды во время одной из поездок в направлении бригады механизаторов, которые косили зеленую массу на силос, Ева увидела военную машину, стоящую на обочине дороги. При подъезде к машине девушка увидела как под приподнятом капотом машины копошился солдат. Не успела еще возница и поравняться с автомобилем, как солдат молниеносно спрыгнул на землю и также быстро схватил лошадь за уздечку. У Евы от таких неожиданных действий военного даже что-то екнуло в груди. В первую очередь она боялась за лошадь, которая от внезапного появления незнакомого человека могла, как говорят, и «понести». Увы, такого к радости Евы не произошло. Сивухе, скорее всего, такая неожиданная остановка была даже и очень желательной. Лошадь после своей остановки лениво шлепала губами, и также лениво хлестала себя хвостом, защищаясь от атакующих ее стай паутов.

Солдат, взявший лошадь под узду, немного отошел в сторону и улыбаясь, стал разглядывать возницу. Он по-детски любовался нарождающейся красотой молодой деревенской девушки-блондинки. По возрасту она была для него студенткой, а может даже и десятиклассницей. Ему нравилась эта белая толстая коса вьющихся волос, которая ниспадала на ее колени. Вьющиеся локоны волос частично закрывали также высокий лоб девушки. Черные брови красавицы были тонкие и длинные...

Кротиха только через некоторое время пришла в себя. После этого она приподнялась со своего сидения и напряженно стала смотреть на солдата, ожидая его дальнейших действий. Молодой парень в военной форме ничего ей плохого не делал. Находясь на расстоянии трех-четырёх метров от Евы, он улыбался и все время «пялил» на нее глаза. Девушка, стоящая на телеге в темной синей кофточке и синих спортивных штанах, продолжала обвораживать водителя. Созерцательную позицию солдата в корне изменила Сивуха. То ли паут ей здорово досадила, то ли солдат, держащий ее за узду лошади не понравился, трудно было сказать. Непонятно почему, она резко крутанула своей мордой в сторону солдата, что тот от неожиданности отшатнулся. Отшатнулся так неловко, что упал на землю. Такая развязка рассмешила Еву до слез. Она громко смеялась, наблюдая за тем, как солдат, очутившийся на земле, тотчас же встал и начал стряхивать с себя и с новенькой пилотки дорожную пыль.

Однако даже такая неординарная ситуация не вывела воина из равновесия. Он подошел к стоящей на повозке девушке и протянул ей руку. При этом, громко смеясь, тихо, но уверенно произнес:

– Меня зовут Сергей, а по-военному – рядовой Колесников...

Затем, посмотрев на девушку снизу вверх и сверху вниз, опять же тихим голосом спросил: – Вас же Ева звать? Так же? Я с тобою давно хотел познакомиться. От деревенских парней я узнал то, что ты самая красивая девушка в Водяном. Мне бы хотелось...

Дальше «объяснения» в любви военного человека молодая возница слушать не стала, даже сама не зная почему. Вполне возможно, ее просто ошарашили признания солдата. Вполне возможно и то, что девушка боялась опоздать к обеду. Она быстро присела на сидение и со всей силой ударила таловой палкой Сивуху. Та от неожиданного удара то ли проснулась, то ли «обиделась» на такое обращение со стороны своей хозяйки, и рванулась с места как стрелок. Однако через десяток метров прыть лошади явно поугасла. Сивуха перешла на легкий бег трусцой. Ева, не оглядываясь назад, все больше и больше отдалялась от военной машины. И поэтому она с каждой минутой чувствовала себя спокойнее. Увидев знакомый березовый околок, где находилась полевая столовая, девушка успокоилась окончательно, будто и не было никого и ничего.

На следующий день солдат с машиной стоял на том же месте. Сивуху он так резко не останавливал, как вчера. Да и она без всякой понуканий или команд со стороны своей молодой возницы спокойно остановилась возле машины. Военный автомобилист, поправив пилотку на голове, уверенно подошел к Еве и протянул ей плитку шоколада. Девушка не раздумывая, по-озорному взяла плитку шоколада и положила ее на сидение рядом с собою. Солдат ничего не говорил, а просто, как и вчера, стоял возле повозки и смотрел на Еву. «Пялила» глаза на молодого человека в военной форме и красивая возница. От этого девушка получала даже какое-то удовольствие. Солдат был среднего роста и недурен собой. Длинная зеленая гимнастерка сидела на нем как влитая. На груди его было несколько значков. На одном, самом большом, Ева прочитала слово «Гвардия». Девушка стала пристально рассматривать и другие значки, силясь прочитать то, что было на них написано. Одновременно она в своей голове старалась выбрать тему для разговора. Однако ей это почему-то не удавалось быстро сделать.

Колесников первым нарушил молчание. Он положил руку на сидение возницы и тихо произнес:

– Ева, давай я тебя завтра на машине прокачу. – После короткого молчания, он как бы вдогонку добавил. – Ты не против, Ева?

Ева, как и вчера, сидела на своем сидении и молчала. Затем, посмотрев в сторону машины, неожиданно для себя почему-то очень-очень тихо промолвила:

– А на двери кабины написано «Пассажиров строго возить воспрещено». Правильно я прочитала на твоей машине?...

Впервые услышав голос молодой возницы, солдат неслыханно обрадовался. Он слегка улыбнулся, снял пилотку с головы и взяв ее в левую руку, радостно отчеканил:

– Все правильно. Здесь написано о том, что пассажиров нельзя брать. А ты у меня пассажирка, да еще такая красивая. Одним словом, завтра мы прокатимся на моей машине с ветерком. Договорились?

Юная сельчанка солдату не сказала ни «да» и ни «нет». Она только до-детски засмеялась и стегнув Сивуху хворостиной, поехала прочь.

Эту ночь Ева Крот не спала, все ворочалась, все о чем-то думала. Она осмысливала эти две короткие встречи с солдатом. В душе она уже не сомневалась в том, что он ей понравился. Нет, она не думала о любви. Просто ей было очень приятно как школьнице, как молодой девушке приглашение солдата покататься на машине. Да и вообще, за свои пятнадцать лет с небольшим она так и ни разу не сидела в кабине, тем более, военной машины, которой так лихо управлял Сергей. Еве нравилось еще и то, что ей солдат подарил плитку шоколада. Из ребят седьмого класса ей так и никто не подарил шоколад, который мирно лежал в магазине. Из-за нехватки денег это лакомство мало кто из деревенских покупал. Один из деревенских парней сделал попытку угостить шоколадом красивую блондинку, но не очень удачно. В памяти Евы возник образ Сеньки Лихова, который только что закончил школу. После занятий Ева и Сенька зашли в магазин для того, чтобы купить хлеб. Деньги ему и Еве дали родители. Сенька, купив две булки хлеба, попросил у продавщицы и плитку шоколада для молодой блондинки. Продавщица, протянув шоколад школьнику, пошла выполнять заказ другого покупателя, не дожидаясь того, пока школьник выскребет мелочь из своего глубокого кармана брюк. Получив плитку шоколада из рук своего однокашника, Ева с радостью развернула фольгу и откусила маленький кусочек. Через две-три минуты у поклонника молодой блондинки получился конфуз.

Несмотря на тщательное «изучение» своих всевозможных карманов у молодого кавалера не хватало пяти копеек. Скорее всего, Сенька потерял эти злосчастные копейки во время школьных «баталей» на перемене. Только через час Сенька рассчитался с продавцом и то довольно своеобразным способом. Кавалер долго ходил по зарослям полыни, других сорняков, которые «благоухали» на огородах некоторых селян. Эти огороды служили пристанищем для кур. Отыскав яйцо от «бесхозной» курицы, Сенька Лихов на всех парах побежал в магазин для

погашения долга. Сдав яйцо, квалер стремительно кинулся в школьный сад, где его ждала Ева. Девушка продолжала хранить до прихода своего кавалера целую плитку шоколада, за исключением того кусочка, который она откусила в магазине.

В том, что Ева этой ночью в душе своей дала согласие встретиться с солдатом, она несколько не сожалела. Своеобразным дополнением этому явилось и еще то, что ей в семье не с кем было поговорить, особенно после появления отчима. Ева, как и все девочки старших классов, каждый день во время летних каникул ходила в клуб. Ей очень нравились индийские фильмы о любви. Иногда она, да и не только она, выходила из клуба с заплаканными глазами. Эти фильмы практически каждый вечер «крутил» дядя Петя, киномеханик. Кино, как правило, начиналось в клубе в восемь, а то и в девять вечера. После кино и всевозможных игр у Евы было еще свободное время. Домой ей идти не всегда хотелось. И в этом был виноват отчим. Ева довольно часто бродила бесцельно по деревне или сидела на бревнах, которые находились за их огородом и предназначались для распиловки на дрова. В эти последние летние каникулы для Евы своеобразной отдушиной была Сивуха, которая паслась за огородом Кротов. Ева осторожно подходила к лошади, стараясь не прерывать пощипывание ею травы или ее глубокий сон. Школьница ласково гладила шею лошади, которая от ласки и вовсе успокаивалась. Животное иногда лишь фыркало, будя стаи заснувших насекомых. Изрядно устав, и иногда и подмерзнув, Ева ускоренным шагом направлялась к дому. Девушка тихонько открывала входную дверь избы и на цыпочках подходила к своей кровати. Свет она не включала, так как боялась матерной брани отчима. Да и свет луны на небе позволял найти свою постель. Перед кроватью Ева быстро снимала платье, и также быстро ныряла под одеяло. В это время отчим храпел как трактор. Иногда мужчина спросонья материл, а то и давал тумачков неизвестно за что, рядом спящей в одной постели Елизавете.

На следующий день Сергей опять был на старом месте и предупредил Еву о том, что они встретятся в десять часов вечера. К этому времени деревня замирала, на приколе была и техника, в том числе и военная. Военные жили в школе в одном из классов, которая во время каникул пустовала.

День для Евы пролетал очень быстро. Школьница то и дело поглядывала на часы, боясь не опоздать на первое в ее жизни свидание. Как таковой подготовки к этому свиданию у возницы не было. По ряду причин. В силу бедности у нее не было хороших платьев. Более «приличной для людей» у нее была школьная форма, но она явно не подходила к свиданию. Да и она очень боялась матери, которая с таким трудом выстояла в очереди за покупкой в областном центре. Наряд у девушки оказался прежним, что и в первый день встречи с солдатом: синяя кофточка, да те же спортивные синие брюки. Надела на шею школьница еще легкую косынку голубого цвета, которая Еве самой очень нравилась.

К водонапорной башне, к месту встречи Ева пошла после того, как мать подоила единственную корову. Выпив полную кружку парного молока, девушка направилась по дороге в клуб. Не доходя до клуба метров двести, она повернула на другую дорогу, которая вела к березовому околку, где неподалеку находилась водонапорная башня. Сергей уже ждал девушку. При ее появлении, он вышел из кустов, которые обрамляли башню. Водитель был в такой же форме, как и день тому назад, только без пилотки. Юноша крепко пожал руку Еве. Поздоровавшись, он протянул девушке большой букет полевых цветов. Школьница ничего не сказала на это, а только поднесла ближе эти цветы к своему лицу. Полевые цветы пахли божественно и это очень нравилось Еве. Она то и дело подносила этот большой букет к носу и жадно наслаждалась запахом полей и леса.

Некоторое время он и она молчали. Никто друг у друга ни о чем не спрашивал и никто друг другу ничего не рассказывал. Ева медленно и тихо шла за молодым человеком в военной форме и все нюхала цветы. Откровенно говоря, ей было все равно, куда идти и что делать в такое позднее время. Просто она видела, и даже чувствовала то, что в ее жизни впервые

появился первый человек, первый мужчина, которому, она, наверное, была небезразлична. И все это, иногда непонятное для нее самой, делало Еву гордой и счастливой. Молодые люди играли в «молчанку» где-то минут десять, может и меньше. Каждый думал о своем. Сергей иногда поворачивался на сто восемьдесят градусов к Еве и надеялся хоть что-то услышать от красивой блондинки. Нет, Ева продолжала молчать. Молчал и он.

Неизвестно, долго или коротко продолжалась игра молодых людей в молчанку, ежели бы ни грохот солдатских сапог, который стал доноситься по дороге ведущей к водонапорке. Сергей первый прореагировал на этот знакомый ему топот. Топот внезапно прекратился возле башни и тотчас же раздался очень громкий крик:

– Серега, Колесников, прекращай базарить, ротный приехал. Всех подряд хочет проверить. Одним словом, беги в роту, а то проблемы будут...

После того, как Колесников громко свистнул в ответ, посыльной опять застучал своими сапогами. Серега не ожидал такого разворота событий в этот вечер. Он неспеша подошел к Еве и с извинительным тоном произнес:

– До свидания, Ева. Я думаю то, что мы вскоре опять когда-нибудь встретимся. Не печалься, моя девушка....

Ева в ответ ему также тихо произнесла:

– Я тебя поняла. До свидания, Колесников...

По сути дела и на все этом и закончилось первое в жизни Евы Крот свидание с парнем в военной форме. Через некоторое время по дороге опять раздался топот армейских сапог. После того, как он исчез, Ева пошла ускоренным шагом в сторону своего дома.

На следующий день, рано утром начался дождь, да такой сильный, что иногда казалось то, что он лил как из ведра. Несмотря на то, что этот дождь был очень непродолжительным, он оставил после себя большие лужи воды на главной улице деревни и во дворах многих селян. Проснувшись Ева где-то около девяти утра, родители были уже на работе. Девушка, едва протерев свои глаза, сразу же выглянула в окно. Увидев большие лужи, она даже очень обрадовалась. Ей почему-то сегодня не очень-то хотелось идти ловить свою Сивуху и везти обеды механизаторам. Быстро умывшись и одевшись, молодая блондинка пошла к тете Зине, которая только что пришла от управляющего отделением. Управляющий сказал поварихе о том, что все полевые работы в связи с дождем отменяются.

Узнав об этом, Ева подпрыгнула от радости. Свободного времени у нее неожиданно стало очень много, хоть отбавляй. Непонятно откуда, у девушки появилась мысль о том, что надо прогуляться по дороге ведущей к водонапорной башни. До появления в ее жизни Сергея она никогда не ходила по этой дороге, так как она для нее была «чужой». Ева Крот ходила обычно по своей «родной» улице, на которой стояла ее избушка. Сегодня же она решила по «чужой» улице еще раз пройти, надеясь на то, что возле водонапорки она может встретить Сергея. В этот момент ей даже показался не помехой мелкий дождь, который продолжал как из сита «барабанить» землю. Сняв туфли, девушка пошлепала босыми ногами по дороге. Идти босиком было приятнее и легче. Не доходя метров двести до водонапорки, Ева увидела военного, который стоял у башни и махал ей рукой. У Евы сомнения не было, это был Сергей.

На пути к солдату, девушка почему-то неожиданно для себя решила первой начать разговор и вести себя более раскованно, чем вчера. Тем более, сегодня впереди у нее был такой большой день и поболтать было с кем. Колесников сразу же заметил перемены в поведении Евы, которая первой протянула руку ему и весело спросила его:

– Ну, как, тебе вчера влетело от ротного? А? Правильно я говорю?...

Сергей, не ожидая такой разговорчивости от красивой девушки, немного оторопел. Он, как и полагается военному, коротко и четко с улыбкой проговорил:

– Никак нет, товарищ старшина. У нас в роте и у рядового Колесникова все в порядке, и все нормально...

Затем военный ловким движением руки вытащил из внутреннего кармана плитку шоколада «Солнечный» и приподнес ее Еве. Девушка и на этот раз без всякого стеснения взяла шоколад. Затем она быстро сорвала обертку с плитки и переломила ее пополам. Одну часть Ева отдала Сергею, вторую часть стала маленькими кусочками кушать сама. При этом она весело смеялась, наблюдая за солдатом, который, как и она, быстро расправлялся с шоколадом.

На этот раз они оба весело смеялись и смотрели друг на друга. Дождь продолжал моросить и моросить. Кое-где свитер красного цвета у Евы стал темнеть. Заметил это и Колесников. Он крепко взял Еву за руку и стремительно повлек ее в сторону совхозного сеновала, где стояли большие и длинные скирды сена. Девушка решила не сопротивляться и они, словно пара голубей, быстро побежали в сторону сеновала.

Забежав на сеновал, Сергей выбрал скирду подальше от входа и начал вырывать из нее большие пучки сена для того, чтобы сделать лаз, подобие шалаша. Ева наблюдала за этим. Она ничего не говорила и только смеялась. Через минут десять шалаш был готов. Первым в него взобрался Сергей. Он был доволен. Сверху и по бокам сено не осыпалось. В этом шалаше можно было сидеть, пережидая дождь, хоть вечность. На правах хозяина Колесников быстро снял гимнастерку и расстелил ее перед собою. Затем он снял свои солдатские сапоги. После этого парень улыбнулся и протянул руку своей знакомой. Ева, оставив свои грязные туфли перед входом, осторожно вошла в шалаш и села на гимнастерку. Колесников также присел рядом с девушкой. Молодые люди, сидящие спинами друг у друга, на какое-то время замерли. Никто из них не смел продвинуться поближе и почувствовать спину рядом сидящего. Для того, чтобы слиться и почувствовать друг друга им не хватало каких-то пяти сантиметров. На сей раз молчал Сергей. Молчала и Ева, которая совсем недавно решила побольше поговорить с этим чуточку знакомым для нее парнем. Дальше она не могла ничего размышлять. Сергей резко повернулся лицом к спине Евы, быстро встал на колени и сильными руками привлек девушку к себе. Для него, и тем более, для самой Евы было странно то, что она не накричала, даже не стала царапать своими руками лицо солдата. Через некоторые мгновения она лежала на спине на сене, как-то неестественно раскинув руки и раздвинув ноги. Сергей, не ожидавший такой «податливости» от этой очень красивой крестьянки, на какое-то время онемел. Для простого паренька из глухой сибирской деревеньки впервые в жизни появилась возможность поцеловать, а может и даже овладеть красивым и таким стройным телом очень молодой женщины, которое лежало перед ним и не подавало никаких признаков жизни.

Не давая отчет своим поступкам и действиям, молодой мужчина сильно сжал руки девушки и крепко поцеловал ее в губы. Поцелуй получился долгий и жадный. Для школьницы это был первый поцелуй мужчины в ее жизни. От этого поцелуя Еве стало как-то легко и томно, что-то защемило в грудях. На второй, на третий поцелуй парня девушка также не ответила. Ей опять почему-то было очень приятно, когда Сергей, осыпая поцелуями ее кофточку, одновременно своими руками страстно и нежно гладил ее еще маленькие, но очень тугие груди. Солдат сделал попытку снять брюки девушки. В этот момент Ева словно «протрезвела». Она сильно схватила руку солдата и твердо сказала:

– Не надо. Ты понял меня, не надо...

Тем временем дождь продолжал моросить. Час, а может и больше, молодая парочка, «лежа на животах», наблюдала за дождем. Через некоторое время он стих. Кое-где из-за туч стали выбираться лучи солнца. Солнце «выгнало» на поляны всевозможную живность. Буквально перед носом лежащих молодых людей приземлился воробей. Он то весело прыгал возле шалаша, то взлетал к небольшой луже воды, чтобы напиться. Чем больше выходило из-за туч солнце, тем активнее летали и стрекотали бабочки и стрекозы, другая различная мошкара...

«Выгнало» солнце на природу и молодую пару, которой уже порядком надоело лежать под сеном. Сергей в трусах выбежал на поляну и стал, как ошалелый, бегать по лесной поляне, то и дело, создавая босыми ногами большие и малые фонтаны брызг. Выбежала на поляну и

Ева в своей синей кофточке и в засученных до колен спортивных брюках. Сергей, которому через день исполнялось двадцать лет, и Ева, которой уже было пятнадцать лет, словно маленькие озорники бегали по лужам и кричали. Что они кричали, скорее всего, эти молодые люди и сами не понимали. Достаточно порезвившись, они усталые и радостные опять направились в сторону шалаша. Неожиданно для них обоих в лучах солнца с правой стороны от сеновала заиграла водная гладь котлована. Вблизи деревни не было речки. Было только одно озеро, оно находилось в пяти километрах от Водяного. Да и купаться там было не столь безопасно. Котлован же вырыли глубокий и использовали его во все времена для водопоя скотины. Местная молодежь здесь довольно часто купалась. Молодая парочка, взявшись за руки, быстро помчалась в сторону котлована.

Первым бросился в воду Колесников. Ева стояла на берегу и наблюдала за ним. Девушка сразу же убедилась в том, что он довольно хорошо плавает. Не могла она налюбоваться и его стройной фигурой, крепким загорелым телом с мускулистыми руками. Вскоре вошла в воду и Ева. Она не могла не замечать пристальный взгляд Сергея в ее сторону...

Дождь продолжался и на следующий день. Такая погода была только наруку влюбленным. Ровно в двенадцать дня, таков был договор с Сергеем, Ева крадучись, словно кошка, незаметно подошла к своему знакомому шалашу и остолбенела от увиденного. Сегодняшний шалаш по размерам был в два раза больше вчерашнего. В центре шалаша на небольшом столике стояла стеклянная банка с большим букетом полевых цветов. Сергея почему-то в шалаше не было.

Ева стояла перед входом в шалаш и раздумывала о том, что же ей делать дальше. Вдруг кто-то сзади закрыл руками ее глаза и голос мужчины весело спросил:

– Угадай-ка, а кто здесь тебя за глаза держит?

Ева несколько не сомневалась в том, что позади ее стоял Колесников. Поэтому она сразу же весело проговорила:

– Это, Вы, солдат Колесников. Сережа, прекращай баловаться, ну будь добр...

Сказав это, девушка медленно отвела руки солдата в стороны и сразу же оказалась в его объятиях. Колесников, сжав в своих руках ее тонкую и стройную фигуру, крепко поцеловал Еву в губы. Девушка, немного покраснев, с любопытством посмотрела на солдата, поведение которого в какой-то мере ее насторожило. Мало этого. Даже не отвечая на поцелуй солдата, молодая Кротиха почувствовала неприятный запах, который «исходил» изо рта Сергея. Этот запах довольно часто имели деревенские мужики, которые пили спиртное или курили табак. Ева про себя решила о том, что пока нет необходимости «забивать» в свою голову всевозможные запахи парня. Тем более, она слышала то, что в Советской Армии солдатам строго запрещено употреблять спиртные напитки.

Да и все дальнейшие действия солдата заставили Еву забыть о всевозможных запахах. Сидя на корточках в шалаше, военный водитель доставал из солдатского вещевого мешка продукты питания. Да еще какие! Многие из них Ева в своей жизни и не видела и не кушала. На столике лежали: копченая колбаса, прирощенное, пряники с маком, халва, вафли, две плитки шоколада. Под конец опустошения своего вещмешка солдат вытащил бутылку водки и бутылку шампанского, на этикетке которого было написано «Советское».

Увидев спиртное, Ева на какой-то миг замерла. Затем со злостью посмотрев на Сергея, девушка с тревожными нотками в голосе произнесла:

– Колесников, ты что, спятил... Ведь могут прийти люди и увидеть все это. Да и от командира тебе сильно попадет...

Сказав это, она стремительно вышла из шалаша. Сергей молниеносно последовал за Евой. Через пару шагов он настиг девушку и стал извиняться перед ней о том, что спиртное он привез для офицера, а Еве просто хотел его показать. В конце концов извинения солдата успокоили юную крестьянку и она опять вошла в шалаш. За трапезой солдат, как никогда раньше, много болтал о своей военной службе. Он рассказывал о том, что их рота прибыла из Забай-

кальского военного округа, и что там очень тяжело служить. Закончив рассказ о всевозможных личных приключениях в этом округе, парень к удивлению Евы снял свою гимнастерку. На правой руке выше локтя школьница увидело слово «ЗабВО», которое было написано тушью или синим карандашом. Серега еще раз громко произнес это слово и также громко его расшифровал. Расшифровка военного «объекта» «Забудь вернуться обратно» сильно рассмешила Еву Крот. Одновременно она заметила и то, что вчера на котловане этой надписи у солдата она не видела. Вспомнив вчерашнее, девушка немного покраснела. Вчерашнее с Сергеем было для нее совсем и не такое плохое...

Ева, наполнив свой желудок всякой съестной всячиной, стала более внимательно слушать все то, что говорил ее Сергей. Колесников во время трапезы строчил как из пулемета, рассказывая о том, что на целине можно делать хорошие «шабашки», за которые солдаты получают хорошие деньги. Солдат похвалился тем, что вчера его друзья сделали хорошую шабашку, а сегодня утром на вездеходе успели «слетать» за райским «хавчиком». Ева из солдатского жаргона не все понимала, но ей очень нравилось все то, что так с упоением рассказывал молодой военный.

Часы показывали три дня. Еве порядком надоело сидение за столиком и пожирание съестного. Молодой особе на какое-то время пришла мысль о том, что пора уже покидать шалаш, тем более, солдат был сегодня не такой как раньше. Желание девушки покинуть шалаш почувствовал и военный водитель. Он встал на ноги и не то слезно, не то с мольбой стал говорить:

– Евушка, а ты даже не знаешь, что за праздник сегодня у Сергея Ивановича Колесникова. Не знаешь? Вот это да. А я твой день рождения знаю. Ты родилась 5 марта, в день смерти Сталина...

Увидев изумленный взгляд Евы, солдат громко засмеялся. Затем он опять проговорил:

– У меня военная разведка работает очень четко, не то, что у некоторых... Я понял то, что ты даже не знаешь о причине моей радости. Сегодня у меня день рождения, моя любимая, Евушка. День рождения, мне сегодня стукнуло ровно двадцать лет...

Видя опять недоверчивый взгляд своей подруги, солдат вытащил из внутреннего кармана гимнастерки военный билет. Колесников не обманывал Еву, ему сегодня исполнилось ровно двадцать лет. Именинник был без ума счастлив, когда Ева состроив глазки, нежно поцеловала Сергея в губы.

Отказаться от шампанского Ева не могла ни только по причине того, что у ее друга сегодня был день рождения, но и ей в этот день почему-то очень захотелось хоть немного выпить этой приятной и шипучей жидкости. Тем более, она не видела и не слышала о том, чтобы кто-то в их деревне из мужиков от шампанского спивался. И не потому, что его очень редко завозили в деревенский магазин. Первый глоток шампанского, который Ева пила из солдатской кружки, вызвал очень приятные ощущения. Ей нравилось то, что оно пенясь, лениво выползло из кружки наружу. Все это вызывало громкий смех девушки. Она, весело смеясь, глядела на солдата и пыталась своим языком слизывать эту пенящуюся жидкость. Поведение молодой девушки сместило солдата. Он, как и Ева, также громко смеялся и с явным удовольствием наблюдал за своей молодой и очень красивой подругой. Вскоре Ева сделала второй, третий глоток... Серега оказался великолепным ухажером. Пьянеющей девушке очень нравилось то, что парень перочинным ножом резал колбасу на мелкие кусочки и затем неспеша вкладывал эти кусочки в ее рот. Потом солдат страстно целовал ее губы. Аналогичное он проделывал и с шоколадом. Все это безумно нравилось Еве и она страстно стала отвечать на поцелуи Колесникова. Вскоре была опустошена и бутылка водки.

Еве, сидящей в шалаше в объятиях солдата, временами почему-то стало казаться, что земля плывет и несет ее неизвестно куда. Сквозь надвигающуюся пелену не то тумана, не то что-то другого, девушка пыталась различать все то, что когда-то она видела очень четко. Сей-

час это ей не всегда удавалось. Она также с трудом различала силуэт почему-то голого мужчины, который страстно целовал почему-то голое ее тело. Еве даже иногда казалось то, это голое тело принадлежит не ей, а совсем другой женщине, и голый мужчина не есть Сергей Колесников, у которого был сегодня день рождения. Она не только напрягала свою память, но и хотела раздвинуть своими руками все это непонятное и туманное... Через некоторое время девушка почувствовала между ног не то боль, не то подобное ей. Скорее всего, наверное, Еве только показалось. Кто-то ее жадно целовал, что-то непонятное и незнакомое ее то приподнимало, то опускало, то опять уносило в мир блаженства и бесчувствия...

Проснулась Ева глубокой ночью. Свет луны и свет звезд уже давно гостил в шалаше. В первые мгновения девушка не могла понять, почему она оказалась в такую глухую ночь в шалаше. Она молниеносно протрезвела, когда почувствовала отсутствие какой-либо одежды на своем теле. Нагая быстро одела трусы, которые лежали возле столика. В момент одевания Ева ощутила на бедрах и промеж своих ног какую-то не то вязкую жидкость, не то что-то другое, которое она еще ни разу в своей жизни не ощущала. Сергея почему-то в шалаше не было...

Кротиха пулей выскочила из шалаша, затем выбежала из ограды, которая преграждала путь животным к селу. При свете луны в метрах пятисот, а то и меньше, она увидела силуэт шатающегося человека. Этот человек «держал» путь в сторону клуба деревни. Девушка, сколь ей позволяли легкие, во всю мощь закричала:

– Серега, это я, Ева. Иди сюда, я тебя очень прошу. Иди сю-да-аа...

В том, что этот шатающийся человек был Колесников, юная Кротиха не сомневалась. И в том, что он слышал ее голос, голос Евы, школьница также не сомневалась. Она не могла не видеть и то, что тот, кто слышал ее душераздирающий крик, стал судорожно оглядываться по сторонам и бежать прочь по дороге ведущей в деревню. На какое-то время бессилие и отчаяние овладели девушкой. Она упала на еще не просохшую от дождя землю и начала отчаянно колотить ее руками. Ева плакала по-детски, как никогда сильно. Как никогда раньше, из ее голубых глаз текли крупные слезы... Через пару часов Ева Крот проснулась, проснулась от холода и от неудобств той грязи, которую она совсем недавно от отчаяния брала в свои руки. Встав с земли, девочка медленно вошла в шалаш. Затем также медленно взяла в свои руки одежду, обувь и направилась в сторону котлована...

Искупавшись, Ева оделась и неспеша пошла домой. То ли детская наивность, то ли неопытность зарождающейся женщины не давали ей каких-либо оснований для беспокойства. Она даже уже и не сильно обижалась на Колесникова, который почему-то дал от нее такого деру. Поведение жениха для девушки было непонятным. Рассуждая о странном поведении своего молодого друга в военной форме, Ева составила на завтра план его «перевоспитания». Она даже усмехнулась, когда представила Сергея, стоящего перед ней и просящего прощение за нетактичное поведение во время своего дня рождения. Как и раньше, девочка тихо зашла в избу, как и раньше, быстро юркнула под одеяло. В доме, так же как и раньше, никто не заметил столь поздний приход Евы. В окно уже заглядывали лучи только что просыпающегося солнца. Наступал новый день жизни...

В этот день погода наладилась только к вечеру. К обеду следующего дня Ева пришла к тете Зине, которая готовила продукты питания на следующее утро. Нашлась работа и Еве. Она сходила в магазин за хлебом и солью, потом чистила картофель и лук. Еще раз помыла термоса, которые уже три дня стояли без применения. После этого Кротиха решила опять прогуляться по дороге, ведущей к водонапорке. Из кустов никто не появлялся. Стол с пустыми бутылками продолжал стоять в шалаше большой скирды сена. Не было Сергея и возле котлована...

Только через два дня военные машины в полном составе вышли в поле и начали возить зеленую массу на силос. Простой был по причине непогоды. Прошла ровно неделя после того, как юная Кротиха отметила в шалаше день рождения своего друга Сергея. Как и прежде, при виде повозки «каша едет», водители автомобильного взвода приветствовали возницу, сидя-

щую в телеге с термосами. Проезжала мимо возницы и машина со знакомыми для Евы номерами. Однако она больше не стояла на обочине дороги. На месте водителя вместо Сергея сидел другой солдат. Все девушка передумала по поводу отсутствия Колесникова, однако ответов на поставленные вопросы она в себе не находила. Все это вынудило возницу подавить в себе стеснение, а может и даже страх и остановить машину, на которой совсем недавно ездил ее молодой друг. Солдат был рад тому, что его остановила такая красивая крестьянка. Петя, как представился водитель, давно знал о дружбе своего сослуживца с Евой.

На вопрос Евы о том, когда будет работать Сергей, водитель, немного подумав, произнес:

– Колесо должно прикатиться через десять дней, он уехал в отпуск. Пахан у него заболел и поэтому ротный решил его отпустить...

После этого солдат быстро закрыл дверь кабины, поправил пилотку на голове и завел мотор. Через несколько мгновений машина, обдав молодую возницу густыми клубами выхлопных газов попеременно с пылью, исчезла из вида. После этого разговора Петя почему-то больше не приветствовал Еву, даже несмотря на то, что возница с тоской и надеждой смотрела в окно стремительно проносящейся машины. Кроме затылка солдата в пилотке школьница ничего не видела.

Прошло десять дней после того, как Ева Крот «отметила» день рождения Сергея. Пролетела еще одна неделя. Колесников, как сквозь землю, провалился. Нигде его не было. Не было его и в клубе, в котором довольно часто бывали военные водители. Вскоре по деревне стали ходить слухи о том, что через два дня солдаты уезжают. Об этом также сказала Еве и тетя Зина, которая предстоящий отъезд военных по-настоящему оплакивала. Женщина теряла сезонную работу. Ей уже некому было готовить обеды. Местные механизаторы, как правило, обходились своими продуктами питания, которые они брали из своего дома. Ева также заметила и то, что женщина стала как-то внимательно смотреть на свою помощницу.

Однажды, когда Ева совершила очередной «поход» к маленькому бочонку с малосольными огурцами, тетя Зина, слегка пожурив школьницу за «солёные» проказы, с иронией ею спросила:

– Евушка, что так тянешься за солёными огурчиками или ты по ночам с молодыми ребятами в клубе что-то сладкое кушаешь? Али у тебя, девонька, что-то другое в молодой жизни появилось?

Юная Кротиха на слова поварихи никак не прореагировала. На внимательный взгляд своей наставницы школьница весело рассмеялась и как ни в чем не бывало лихо запрыгнула на телегу. Удобно устроившись на своем сидении, возница с силой стегнула кнутом спящую Сивуху. Вопрос тети Зины несколько не расстроил юную красавицу. Тем более, малосольные огурцы Ева и раньше любила покушать. Они ей очень помогали и сейчас, когда Еву стало подташнивать при приготовлении борща. Больше всего девушку беспокоило то, что Сергей уехал домой к больному отцу. Кротиха никогда в своей жизни не видела отца и поэтому ей было по-детски жалко парня. Ева довольно часто в связи с этим впадала не то в тоску, не то в уныние. Да и мысли в ее голове были далеко не одинаковые. Только что появившиеся ростки детской любви к Колесникову заставляли девушку думать только хорошее об этом парне. Если в голове у юной блондинки было чуть-чуть плохих мыслей о солдате, то кое-что из плохого Ева брала и на себя. В частности, то, что она оказалась пьяной в шалаше...

– А тот, кто бежал по дороге в тот вечер, может быть, был и не Серега, – думала Ева, слегка подбадривая кнутом свою Сивуху, которую управляющий собирался после окончания уборочной отправить на мясокомбинат. Однако и в хорошем расположении духа к Колесникову, она почему-то не могла понять того, почему он сбежал или ушел из шалаша, так и не разбудив ее. Да и в случае болезни отца Сергей мог бы хоть на минуту забежать на кухню, в контору, которая находилась буквально в ста метрах от расположения военных.

Вполне возможно, исчезновение Колесникова для Евы оставалось еще бы на некоторое время загадкой, а может даже и на всю жизнь стало тайной. Разгадать тайну исчезновения солдата помог случай. На это, наверное, была и воля Божья. Был предпоследний день работы военных водителей в Водяном. В этот день, как и в предыдущие дни, Ева Крот везла обед в бригады, которые каждый день меняли места приема пищи. До леса оставалось чуть более полукилометра, когда юную возницу на большой скорости обогнала небольшая зеленого цвета машина, крытая брезентом. Не доехав двух десятков метров до леса, легковая машина неожиданно для Евы развернулась и затем стала стремительно нестись навстречу повозке. Буквально за пять метров перед мордой Сивухи машина резко затормозила, о чем свидетельствовал душераздирающий скрежет тормозных колодок. От такого торможения Сивуха испугалась и села на задницу. Только чудом она не распряглась. Поведение лошади вызвало громкий и веселый смех у офицера, который очень легко выпрыгнул из кабины легковушки и помог Сивухе занять подобающее место и состояние.

Затем офицер подошел к испуганной вознице и громко сказал:

– Ева, красавица, дай мне пожалуйста напиток, а то с этими архаровцами и забудешь где ночь, а где и день. Повседневная суeta не дает даже возможности по-человечески покушать...

Больше офицер ничего не говорил. Он, улыбаясь, стоял и смотрел на испуганную девушку. Ева кивком головы указала на бочонок, в котором была питьевая вода. Мужчина жадно стал глотать воду из резиновой трубки. Ева тем временем с любопытством рассматривала офицера. Это был высокий, полный мужчина, одетый в форму зеленого цвета. Зеленого цвета была и его фуражка. Не упустила школьница из виду и то, что на погонах офицера было по три маленьких звездочки.

Офицер, напившись, вытер свои рыжие усы, поблагодарил возницу за воду и направился в сторону своей машины. Однако, он не успел еще и двух шагов сделать от повозки, как сзади его раздался детский голос:

– Товарищ начальник! У Вас можно один вопрос спросить?

Молодой мужчина молниеносно прореагировал на девичий голос. Быстро повернувшись назад в сторону Евы, он тут же весело сказал:

– Сразу же видно то, что эта девочка в армии не служила. Первое. Я никакой не начальник, я всего-навсего командир взвода. Вот видишь значок на моей гимнастерке. Здесь написано «ВУ», что означает, взводным умру. И второе. Тебе бы не мешало у моих гвардейцев спросить, что в Советской Армии означает «можно» и что означает «нельзя».

Увидев у девушки не то плачущий, не то умоляющий взгляд, офицер сразу же оставил в стороне свои нравоучения. Его лицо стало серьезным. Он по-дружески стрельнул взглядом школьницу, неспеша погладил свои усы, и расплыв в широкой улыбке, произнес:

– Ну, говори, Евушка. Кто обидел тебя из моих подчиненных? Думаю то, что вполне возможно, чем-то я тебе и помогу...

Узнав о том, что юная возница интересуется солдатом Колесниковым, военный внимательно посмотрел в глаза школьницы. В этих глазах была не то боль, не то сострадание. И это вынудило взводного сказать девочке только правду о своем подчиненном. Информация офицера для Евы была неожиданной. Командир взвода выгнал солдата Колесникова из водителей за пьянку и отправил работать мотористом в другой взвод, который располагался в ста километрах от деревни Водяное.

Офицер, видя то, как из глаз девушки текут слезы, стал ее успокаивать.

– Ева, да ты не переживай, – весело и бодро начал говорить старший лейтенант. – Вы еще только в молодость вступаете, вся жизнь впереди. В моей практике с этими гвардейцами было уже столько интересного, что все это в одном мешке не унесешь. У меня от их чудачеств голова кружится. На целине много следов оставляет эта шпана в военной форме. Бывает и похуже...

Значение последних слов мужчина не стал вознице разъяснять. Офицер очень торопился. Он, как и раньше, легко запрыгнул в кабину своей легковушки. Затем повернулся лицом к девушке, и приложив руку к козырьку фуражки, громко произнес:

– Честь имею, наша кормилица. Всего счастливого и хорошего в твоей молодой жизни, девочка...

Ева еще долго сидела на своем деревянном «троне» и внимательно смотрела вслед быстро удаляющейся от нее машине, которой умело управлял офицер. Чем дальше удалялась эта машина, тем сильнее у нее сжималось сердце. От чего оно сжималось и почему так тяжело было на душе у Евы, плачущая девушка так и не могла понять. Через неделю Ева успокоилась. Ее даже уже не детский, но и еще далеко не взрослый рассудок давал ей понять, что встречи с Колесниковым для нее были нечто иное как мимолетное увлечение и не более...

После того, как военные покинули деревню, жизнь в Водяном не остановилась. Все было как и раньше. Ева еще где-то неделю возила на Сивухе обеды в поле. Этому также была рада и тетя Зина, которая каждый день «канючила» перед управляющим о том, что горячий обед куда лучше для механизаторов, чем бутылка молока с куском хлеба. В конце концов местный начальник «сломался» и разрешил женщине продолжать готовить обеды. Тетя Зина и ее юная помощница решению начальника очень обрадовались. Копеечная зарплата той и другой была необходима. К тому же, после того как солдаты покинули деревню, на следующее утро на уборку приехали водители из областной автоколонны. Водители были в основном пожилые люди, и наверное, очень хотели хорошо заработать. Поэтому из них никто не притормаживал при встрече с юной красавицей, как это совсем недавно делали молодые ребята в военной форме. Однако это несколько не расстраивало Еву. Она стремилась хоть чуть-чуть жить надеждами завтрашнего дня. После работы она, как всегда, забегала в деревенский магазин и смотрела поступившие «новинки» для школы. По вечерам молодая Кротиха ходила в клуб. Девочка, как и все ее одноклассники, также смотрела кино, играли в различные игры, перечень которых в сельском клубе был не очень велик.

В том, что с ней становится неладное, незнакомое для неё, Ева убедилась где-то в конце августа в гостях у своей подруги Нины Кулешовой. До школы оставалось два дня. Ева уже не работала, готовилась к занятиям. После посещения клуба подруги пошли к Кулешовым. Посмотрели телевизор, потом легли спать. Ученицы спали в одной постели. Кровать у Нины была металлическая, просторная. Девочки проснулись в часов восемь утра, не раньше. Мать Нины, Людмила Николаевна уже давно «колдовала» на кухне. Женщина работала в деревенской библиотеке, уходила позже, чем животноводы, и поэтому позволяла себе иной раз вплотную заняться кухней. Тем более, в гостях у Нины была подруга Ева. Из кухни доносился приятно невообразимый запах. Однако этот запах для Евы почему-то показался не таким уже приятным, как это было раньше. Девочку затошнило, что-то непонятное для нее стало подступать к горлу... Она стремительно выбежала во двор, там её вырвало. Никто в доме этому значения не придал. Людмила Николаевна и её дочь, немножко даже посмеявшись над юной гостьей, пришли к однозначному выводу. Вполне возможно, Ева вчера отравилась старыми консервами, которые она купила в магазине.

Первое сентября прошло как обычно, без каких-либо новшеств. Та же торжественная линейка, те же приветствия, те же наказания. После двух дней «утряски» в школе начали учащимся давать бесплатные обеды. Школьный обед состоял из булочки и стакана компота. Такой «обед» оплачивал совхоз, да и стоил он всего пять копеек. В школе насчитывалось не более сотни детей. В первый же день после «обеда» Еву почему-то сразу вырвало. Такая же история повторилась и на следующий день... Непонятно ей самой, Еву стало все больше и больше тянуть к соленому. Приходя домой из школы, а в это время ни матери, ни отчима дома не было, девушка спускалась в подпол, который представлял собой небольшую яму под полом избы, и доставала огурцы. Так продолжалось где-то около месяца. Елизавета, как хозяйка, сразу же

заметила исчезновение двух трехлитровых банок огурцов. Этот деревенский «дефицит» она заготавливала сама для праздников или для гостей, которые иногда после перепоя «прибегали» к огурчикам.

Елизавета, совершив «визит» в подпол, к дочери подошла вечером, когда она уже лежала в постели. Женщина уставшим голосом тихо спросила свою дочь:

– Евушка, в честь чего ты так ударилась в эти соленые огурцы, ты бы лучше землянику с чаем пила... Огурцов-то всего пять банок, и зимушка-то еще не начиналась.

Сказав это, она перекрестила дочь и молча удалилась. Ева укрыла лицо одеялом и тихо заплакала. Через две недели ситуация с «кухней» повторилась вновь у подруги. Все это видела опять Людмила Николаевна. Незаметно для дочери она пригласила Еву к себе в библиотеку. Ева пришла в библиотеку после занятий с хорошим настроением, так как получила отличную оценку по химии. Да и каких-либо проблем в предстоящей беседе с библиотекаршей она себе не «программировала». В библиотеке не было ни души. Селяне приходили в это заведение вечером или перед кино. Сначала доверительного разговора с чужой женщиной у Евы не получилось. Матери она также ничего не говорила, так как боялась, что отчим узнав о «странностях» Евы, может до смерти забить мать. Однако и то, что так дальше нельзя скрывать своё «непонятное», восьмиклассница также понимала. В конце концов Ева решилась раскрыться перед Людмилой Николаевной. Она все до мелочей рассказала ей о том, что у нее произошло с Сергеем. Даже и после того, как она сняла «грех» с души, девушка до конца не осознавала сложность своей жизненной ситуации. На следующий день по настоятельной просьбе Людмилы Николаевны, её муж, дядя Ваня повез Еву в районную поликлинику. Врач сказал, что школьница беременная...

Через день о беременности Евы узнали мать и отчим. В этот же день имя «непутевой» девки стали произносить практически все жители Водяного. Сплетни о гулящей школьнице дошли до всевозможных верхов как в совхозе, так и в районе. Через неделю после посещения врача районной поликлиники девушку исключили из комсомола...

Больше всего за свою дочь переживала Елизавета. Она лишилась покоя как днем, так и ночью. Отчим, узнав о беременности «маленькой сучки», на нет стал изводить Елизавету. Если, раньше мать Евы призывала его к порядочности, к соблюдению какой-либо человеческой культуры, то узнав о случившемся, Генрих Петрович потерял всякий стыд. Наглость этого человека переходила всевозможные рамки дозволенного... После посещения бани, он в чем его мать родила, приходил в избу. При виде нагого мужчины Елизавета и ее дочь отворачивались. И это длилось до тех пор, пока Кох не одевал трусы. Вечером, когда Ева была дома и еще не спала, и это прекрасно знал отчим, он без всякого стеснения насильно насиловал Елизавету. Насладившись женщиной, как животное, отчим довольно часто избивал лежащую с ним хозяйку только за то, что она его не целует, а всё время плачет...

Довольно часто, наблюдая за этим, плакала в постели и Ева. Она со слезами на глазах видела этот произвол отчима и понимала свою беспомощность. В конце октября Елизавета повела свою дочь к бабке Нюрке, которая жила на окраине деревни в полусгнившей избушке. Ева не спрашивала мать о том, зачем и что там с ней будет делать бабка. Она была уже не маленький ребенок и прекрасно понимала цель своего «визита» к подслеповатой женщине. Да и от людей школьница слышала о том, что «акушерка» делала втайне аборт не только местным женщинам, но и тем, кто приезжал из других деревень.

Елизавета повела свою дочь после того, как Ева пришла из школы. Бабка долго «проверяла» школьницу. Старуха после «осмотра» почему-то стала медленно ходить по избе. Во время ходьбы она то что-то шептала себе под нос, то крестилась перед иконой, которая стояла на столе на самом видном месте. Затем хозяйка подошла к Елизавете, которая, как и Ева, сидела на деревянной скамейке возле русской печки. Бабка Нюрка тяжело вздохнув, наклони-

лась к уху Елизаветы и начала шептать. Содержание тайных шептаний без каких-либо искажений доходило и до Евы.

Повитуха, которой было далеко за шестьдесят лет, тяжело дыша, прошепелявила:

– Дорогая Елизаветушка, душенька ты моя. К сожалению, ничем твоему горюшку помочь то не могу. Старая я стала, силушки уходят... Да и поздно вато ты свою печаль решила лечить. Я и так грешная, а это страшно боюсь. Бог видит все... Из-за дочери твоей грех на душу брать не хочу. Да и времена-то больно страшные пошли...

Оторвавшись от уха Елизаветы, бабка переваливаясь из стороны в стороны пошла к комоду и оттуда вытащила довольно потрепанную газету. Разворачивая на ходу газету, бабка Нюрка подошла к Еве и пальцем ткнула в то место, где о чем-то было написано. Елизавета с дочерью на третьей странице областной газете прочитали крупный заголовок «Знахарству – бой. Такого могло бы и не быть!». Несмотря на то, что газета дергалась в слабеющих руках хозяйки, Ева прочитала отрывочно кое-что из статьи. В одном из районов области на приеме у бабки-повитухи скончалась тридцатилетняя женщина в результате не квалифицированного «аборта». Дальше читать газету не было ни какого смысла.

Девушка опустила голову вниз и замолчала. «Тоску» стала нагонять бабка Нюрка, которая, как небесный властелин, стояла перед «гулящей», и повернувшись лицом к Елизавете, назидательно пищала:

– Надо было родителей слушать. Не забивать головушкой всякой ересью. Глядь-ка, Елизаветушка, молодежь-то современная пошла... Для них даже сейчас в лавочке за пятак прозорвативы, или как их там... кандофы продают. В наши-то времена... – Ева больше не могла и не стала слушать престарелую бабку и выскочила вон...

Наступила сибирская зима. Постепенно улеглись и слухи о «непутевой» Евке Кротихе, которая нагуляла с солдатом ребенка. В Водяном люди неоднозначно восприняли происшедшее с молодой селянкой. И это все отражалось на Еве. Даже своим детским умом она понимала, что деревня в отношении «гулящей» раскололась на две части. Большинство селян недоверчиво, даже с презрением относилось к юной Кротихе. Сюда входили пожилые люди, вдовы, старики-одиночки. Они обходили «гулящую» стороной, даже в магазине или в клубе во время киносеанса. К первой части относилось и большинство учителей, которые были из числа местных женщин, притом пожилого возраста. Представители первой части в основном и делали погоду. От них исходили всевозможные небылицы о девушке. Представителей второй части были единицы. Они хотя и понимали трагедию ребенка, но что-либо конкретного для улучшения нравственного климата вокруг Евы практически ничего не делали. Скорее всего, эти люди боялись. Партийная организация совхоза поддержала решение комсомольцев школы об исключении Евы из своих рядов.

Подливал масло в огонь и отчим. Его бесило даже тогда, когда Елизавета стремилась за столом дать своей дочери кусок хлеба по-лучше или приносила из магазина Еве теплые вещи. Однако ни это «травило» душу девушки-подростка. Надоедало нытье, которое каждый вечер, а то и ночью «испускал» Генрих Петрович типа: «Ты, сучье вымя на весь мир опозорила меня немца, да и свою мать...». Беременная прекрасно понимала, что случившееся с ней, это очередной повод для отчима, чтобы еще лишний раз унижить мать, и конечно ее, дочь немки Елизаветы Крот.

«Гулящей» пытались всячески «насолить» и некоторые школьники. Ни раз и ни два Ева в начале занятий видела на классной доске рисунки, где была изображена корова или коза с большим животом. Весь класс смеялся над этими рисунками. Кое-кто из одноклассников, оскаля зубы, поворачивался в сторону «непутевой» и нагло ее рассматривал. По просьбе Евы классная руководительница пересадила девушку на последнюю парту и она сидела там одна. Наблюдая ехидство своих одноклассников, Ева всё больше и больше ненавидела людей. Ненависть к односельчанам иногда доводила Еву до бешенства.

Однажды это привело к несчастному случаю, где основным виновником явилась беременная школьница. Дело было под Новый год, перед зимними каникулами. На дворе было не так холодно и школьники ватагами во время большой перемены выбежали на школьный двор. Среди ребят, пинавших замершую кочку, был и Санька Пегий. Правильная его фамилия была Пегов. Как и многие ребята, он смирился с «новой» фамилией. Паренек учился в седьмом классе и был небольшого роста. В классной шеренге он стоял последним. Весь класс, да и все жители Водяного, знали о том, что Пегий с родителями после Нового года уезжает в районный центр, где его отец нашел неплохую работу. Каких-либо конфликтов или столкновений Санька с Евой Крот из восьмого класса раньше ни имел.

В эту перемену вышла подышать свежим воздухом и Ева. Она, как всегда, выходила напару с Ниной Кулешовой. Подруги, прогуливаясь возле площадки, где ребята пинали кочку, весело о чем-то болтали между собой. Неожиданно кто-то из ребят так пнул валенком кочку, что она просвистела мимо идущих под ручку подруг. Потом раздался крик :

– Ей, вы, подруги, киньте нам нашу шайбу...

Ева, приостановившись, повернулась в сторону играющих и крикнула:

– Это уже ваши проблемы...

После этих слов она горделиво направилась к своей подруге. Ева не прошла и пяти метров, как услышала голос Саньки Пегого, который громко кричал на весь школьный двор: «Евка не девка, девка не Евка». Кротиха мгновенно обернулась назад и увидела семиклассника, который, вытаскивая «шайбу» из снежного бугра, как ни в чем не бывало продолжал тараторить: «Евка не девка, девка не Евка». Вытащив «шайбу», школьник медленно направился в сторону играющих.

Оскорбительные слова Пегова вызвали у Евы сильное чувство злобы к этому школьнику. Непонятно откуда у нее взялась чуть ли не исполинская сила. Она молниеносно подбежала к изгороди, которая разделяла школьный сад и двор, и вытащила оттуда большую хворостину. Юная Кротиха, словно рысь, ринулась к обидчику. Пегов, наверное, заметил то, что кто-то за ним гонится или идет, машинально повернул голову назад.

Удар получился сильный и пришелся по лицу мальчика. Пегий от неожиданности и от страшной боли вскрикнул, и сразу же упал на снег. Кровь фонтаном брызнула на землю. Ева, отрешенная от всего, медленно, покачиваясь из стороны в сторону, пошла домой. Девочка еще не знала о том, что в школе она была в последний раз...

Утром следующего дня вся деревня была «напичкана» разными слухами. Один был страшнее другого. Однако содержание слухов оставалось одинаковым. «Гулящая» избивала школьника ни за что. Ева тем временем лежала дома в постели, и уставившись глазами в потолок, все плакала и плакала. После занятий, где-то около трех часов дня, к Еве пришла Нина Кулешова. Со слезами на глазах подруга рассказала о том, что произошло после того, как Ева ушла домой. Хворостина оказалась необычной, на конце были два заостренных сучка. Удар получился немного наискось и сильный. Одним сучком хворостины у Сашки был выбит правый глаз, второй сучок до кости распорол левую щеку. Ребята быстро на носилках понесли товарища в контору. К счастью, там был директор совхоза, который лично на своей служебной машине доставил пострадавшего в районную больницу.

В этот же день в школу приехала и милиция. Опрашивали всех, кто видел происходящее. В числе опрошенных была и Нина Кулешова. Информация Нины о трагедии, происшедшей в школе, которая по сути дела произошла только по вине Евы, до глубины души потрясла виновницу. На протяжении двух дней и ночей она не вставала с постели. Особенно тяжелым был для нее день. Каждую минуту, каждую секунду она ждала стука в окно или дверь. Этот стук для нее означал приход милиции. Девушка все о чем-то думала и плакала. Иногда она, оторвавшись от дум, устремляла свой взор в замерзшие окна. На улице стоял крепкий мороз.

Особенно он «буйствовал» по ночам, оставляя порою на целый день свои чудеса-узоры. Ева смотрела на эти узоры и очень часто почему-то улыбалась.

На третий день после начала зимних каникул Ева вытащила из почтового ящика конверт, адресованный ее матери. Девушка, не зная почему, сама решила прочитать то, что было написано и вскрыла конверт. На белом листе бумаги было напечатано о том, что Крот Ева Петровна отчислена из школы по уважительным причинам. Причины не раскрывались. Внизу напечатанного стояла печать и подпись директора школы, единственного мужчины в педагогическом коллективе.

Практически все селяне отказались от Евы. Никто из управления совхоза, ни сам управляющий, также никто из учителей к Еве не приходил. Никто не хотел помочь юной девушке, совершившей ошибку. Никто и из ее сверстников не хотел протянуть молодой селянке руку помощи. Стремилась хоть как-то разделить Евино горе пополам только её мать, Елизавета. Она, приходя поздно вечером после работы домой, иногда усаживалась на стул напротив кровати своей дочери. Нет, она не голосила возле Евы, не рвала волосы, никого не ругала. Елизавета, сидя на стуле, и поправляя свои седые волосы, иногда встречала своим взглядом глаза Евы и тотчас же отводила их в сторону. Мать брала часть вины на себя. Чувствовала это и дочь. Еве по-детски было жалко мать, которая за всю жизнь не съела хорошего куска хлеба. Не говоря уже о нажитом богатстве. Все богатство матери состояло в том, что она имела мозолистые руки, да ветхую одежду, в которой она сидела перед своей дочерью. А ведь она уже прожила большую половину своей жизни.

Ева, как дочь, прекрасно знала, что жизнь у ее матери не была сладкой. Она также душой понимала, даже чувствовала это, но что-то ее отталкивало от этой женщины с густыми седыми волосами. Еве, наблюдающей за плачущей матерью, иногда хотелось обнять эту сторбленную фигурку, взять в свои руки эти шершавые, мозолистые, грубые руки женщины-матери, которая дала ей жизнь. Ева хотела это сделать и ни раз. Однако, не зная почему, она этого не делала. Что мешало дочери сделать это сейчас в трудный период своей жизни, когда у нее самой такой красивой, такой еще молодой душа ныла и кровоточила, она еще не понимала. Она с тоской и болью смотрела на эту женщину, которая являлась для нее родной матерью. Однако, несмотря на душевное беспокойство, дочь почему-то не просила помощи у своей родной матери, которая вскормила ее своим молоком и дала право на эту жизнь. Что-то непонятное, но очень тревожное, а может даже и очень злое, даже нечеловеческое, как невытащенная заноза, глубоко сидела в душе и в сердце молодой девушки. Состояние души матери, ее рану, скорее всего, своим детским умом школьница понимала. Это она понимала своим нутром и телом, но что-то ее как дочь, как женщину, как человека останавливало на пути человеческой благодарности ребенка матери, который «протаптывал» каждый народившейся к той или к тому, кто этого дитя народил. И этот путь проходили все те, кто появился на этот свет. И это осуществлялось во все времена, за очень редким исключением. К этому исключению относилась и Ева Петровна Крот. Ева и сама не знала и не понимала того, почему она сошла с этого пути. В том, что она будет следовать вне этому пути, девушка не сомневалась, даже несмотря на очень тяжелый для нее участок жизни...

Через неделю после каникул Нина Кулешова принесла конверт без обратного адреса и отдала его Еве. На листке из ученической тетради было детским почерком написано: «Я все равно тебе отомщу, чуть-чуть попозже. Пегий». Содержание этого письма не так уже страшно беспокоило юную блондинку. Ей никто и ничто не мог сделать больше, чем ту боль, которую она сейчас переносила. Девушка взяла конверт и «угрозу» Пегова и быстро порвала их на мелкие части. Затем она открыла печь и бросила все это в огонь. Яркое пламя мгновенно поглотило бумагу. Огонь навсегда унес тайну письма Саньки Пегова к Евке Крот. Вечером этого же дня Ева от матери узнала о том, что сегодня Пеговы уехали в район. Больше никто из них не появлялся в Водяном.

Елизавета, между прочим, не была откровенной до конца со своей дочерью. За день до отъезда к ней на работу приходил Пегов-старший. Как на исповеди стоял Пегов перед матерью дочери, которая сделала его сына на всю жизнь «кривым» и уродом. Он, как отец, до боли в сердце понимал состояние своего сына, и опять же, как отец, как мужчина, он до боли в сердце понимал и Елизавету, которой предстояло, как и ему, до конца своей жизни нести вместе с своим дитем эту тяжелую и горькую ношу. Елизавета Крот и Алексей Пегов, жители одной деревни, одной улицы, стали людьми одной участи, равного горя, которое невозможно было продать или забыть. Это горе им обоим было суждено «хлебать» каждый день, каждый час и так до конца своей жизни.

Через три недели после Нового года Елизавета Крот получила телеграмму из Дурбета от Александра Пересунько, в которой сообщалось о скоропостижной кончине его жены, Евгении. Елизавета, получив такую страшную весть, решила незамедлительно ехать. Кротихе очень нравилась эта симпатичная и очень порядочная женщина, с которой она несколько лет назад встретила в районном центре Машино за покупкой детских сапожек для Евы. Уж больно понравились они Елизавете, да вот беда, не хватало тридцати копеек. Со слезами на глазах покидала немка большую очередь стоящих у прилавка людей. Мечта сделать Евушку счастливой не осуществилась... Купить желанные сапожки помогла одна из женщин, стоящих в очереди. Она дала бесплатно плачущей Кротихе тридцать копеек. С тех пор, несмотря на то, что Елизавета и Евгений жили в разных деревнях, они крепко подружились, иногда писали друг другу письма. Однажды Пересунько пригласили Кротиху с дочкой на свадьбу сына, которая состоялась в деревне Назаровке. Сейчас Елизавета ехала по зову своей души и своей совести плакать по чужому горю, не подозревая даже о том, что через день в её семье случится нечто страшное, нечто даже невообразимое, которое через некоторое время перевернет её жизнь и не только...

И во всем этом виновным оказался Генрих Иванович Кох. Елизавета уехала в Дурбет на попутной машине, надеясь до вечера добраться до деревни своей подруги. Отчим утром ушел на работу. Ева после того, как её исключили из школы, постоянно была дома. Девушка, проснувшись после ухода отчима, навела порядок в избе, сварила для себя и для отчима обед. После окончания занятий в школе пришла к Еве Нина Кулешова. Подруги, как всегда они это делали, пару часов, а то и больше проболтали. Отчим пришел домой поздно вечером пьяный. Ева в это время уже спала.

Страшное произошло около двенадцати ночи. Еву кто-то грубо толкнул в плечо и откинул одеяло. Сквозь пелену сна девушка неожиданно почувствовала на себе тяжесть голого мужчины, который одной рукой сдавливал ей горло, а другой раздвигал ноги. Из рта насильника перло самогонкой как от свиньи, не приятен был и запах махорки. Ева пыталась оказать сопротивление и скинуть незнакомого насильника с себя, однако все было бесполезно. На какое-то время ей удалось нащупать в темноте лицо насильника. В том, что этим насильником был отчим, девушка уже не сомневалась. Ее пальцы на какое-то время «зафиксировали» толстый и короткий нос мужчины, и уши, которые были большими и толстыми. Ева, как пантера, попыталась выдавить пальцами своей руки глаза отчима, но попытка оказалась не столь удачной. Мужчина только взвыл от боли и одновременно еще сильнее сжал ее горло. У юной Кротихи перехватило дыхание и она расслабилась. Сопротивляться больше не было сил, было и бессмысленно...

Молодая блондинка молчала и плакала, когда лежа на ней, пьяный отчим наслаждался ее юным и красивым телом. Мужчина, как жадный вампир, как садист, во время полового акта бил руками по ее лицу и все время приговаривал:

– У тебя, сучка, ничего не убудет, ты поняла меня, стерва... Не вздумай кому-либо болтать, задущу. Нет, лучше ты сама после этого давься... Ты поняла меня, смазливая девчонка?

Проснулась Ева на следующий день утром поздно, просыпаться ей не хотелось. Она заранее знала, что грядущий день ей ничего хорошего не принесет. Отчим уже ушел на работу. Без него девушка стала постепенно приходить в себя и стала осматривать свое тело. Оно было все в синяках. Возле кровати лежала веревка... Отчим пришел в постель к «гулящей» и этим вечером...

Елизавета приехала домой поздно ночью на попутной машине, как и уезжала. Промерзшая от сильного мороза, женщина быстро заскочила в ограду и направилась к входной двери своей избы. Света в окнах не было. Женщина дернула дверь за ручку, дверь непонятно почему, легко открылась. «Наверное, Генрих забыл закрыть», – подумала хозяйка и как всегда, дабы не накликать на себя гнев своего сожителя и на этот раз, не стала включать свет. Елизавета на ощупь поставила сумку на стул, стала раздеваться. Одев ночную рубашку, женщина осторожно, дабы не скрипеть и никого не разбудить, потихоньку стала ложиться на край постели, надеясь чуть-чуть подвинуть тело спящего мужчины.

К её удивлению в постели никого не было. Однако это не расстроило Елизавету. Она допускала отсутствие Генриха по причине пьянки. Такие случаи у него были, хотя единичные, но все-таки были. Немного отогревшись и отойдя от забот, которые были связаны с похоронами лучшей подруги, а также с далекой и трудной дорогой, Елизавета начала постепенно «входить» в образ своей избушки. Кое-что ей почему-то показалось в этом образе неладным и необычным. Она была очень удивлена тому, что в той стороне, где спала Ева, раздавался мощный храп, иногда доносилось не то хрюканье, не то мычание. Ничего не подразумевая плохого, Елизавета медленно и осторожно подошла к кровати своей дочери. Не доходя трех шагов до кровати, она чуть было не потеряла дар речи. Рядом с ее дочерью лежал голый мужчина. И этим мужчиной был никто иной, как Генрих, ее сожитель, отчим Евы.

Ева после того, как отчим словно бык насытился ее телом и отвернулся в сторону, не спала. Она слышала и видела как к избушке, разрезав светом фар темноту ночи, подъехала машина. В том, что с этой машиной приехала мать, Ева мысли не допускала. По твердому убеждению девушки, ее мать могла приехать домой только в обед на следующий день и только автомобилем. Она убедилась в своей ошибке только тогда, когда услышала скрип кровати напротив. Никто из посторонних не мог лечь в эту постель. Отчим спал как сурок, и спал с ней, с Евой. Увидев мать, Ева притворилась спящей. Она прекрасно знала то, что мать никогда и ни при каких обстоятельствах не посмеет разбудить отчима. Елизавета Крот боялась этого рыжего немца. Старшая Кротиха теперь четко поняла, что ее дочь Ева была любовницей ее сожителя. Она сейчас также прекрасно понимала свою беспомощность перед этим рыжим мужчиной, который будет теперь сам решать с кем ему спать в постели: или с Елизаветой или с ее дочерью. Мать Евы сейчас нисколько не сомневалась в том, что этот нагий мужчина выберет для постели ее дочь. На память женщине пришла прическа сожителя. В доме верховодит тот, кто носит шапку и брюки. Этому правилу мужчины женщина никогда не перечила...

С этой ночи Елизавета не стала разговаривать ни с Евой, ни с сожителем. В какой-то степени состояние «напряженки» в семье переживала и Ева. Однако в ее душе в большей мере господствовало безразличие ко всему. Мать довольно часто заглядывала в глаза дочери. Глаза единственной дочери были равнодушными. Еще меньше «гулящей» переживал Генрих Петрович. Мужчина ни с кем не разговаривал, а только временами усмехался. Сожитель матери и дочери считал содеянное вполне законным явлением. После работы он плотно кушал и «отрубался». Сейчас хозяин спал в своей кровати один. Ева спала также на прежнем месте. Елизавета спала в бане. В бане было холодно, сыро и неудобно, но это не пугало Кротиху. После вечерней дойки женщина приходила в баню, подкладывала дров в печь и засыпала. Кушала иногда на работе, иногда и у соседей. Генрих Петрович приходил в постель к старшей Кротихе поздно ночью. Приход в постель к женщине, скорее всего, был связан естественными причинами. Мужчина выходил во двор или просто покурить. Елизавета принимала сожителя молча,

без всяких обиняков. Женщина иногда чувствовала то, что Генрих уже до своего визита к ней, побывал в постели с её дочерью. Сожитель, пропахший потом и махоркой, порою, без кальсон врывался в баню и валил Елизавету на дощатый пол, который служил для хозяйки избы кроватью. Насытившись, как животное, Генрих Петрович сползал с женщины и нагишом уходил к себе в избу. Елизавета еще долго чувствовала в бане резкий запах пота своего сожителя и запах молодого тела своей родной дочери. В деревне все знали «напряженку» в семействе у Кротов, но никто не думал вмешиваться в их проблемы. У каждого своих поблем было по горло...

После того, как отчим изнасиловал Еву, у нее с каждым днем усиливалась апатия к жизни, равнодушие ко всему происходящему. По вечерам, лежа в постели и глядя рукой все увеличивающийся живот, она не заставляла себя думать о будущем ребенка. Ей было все равно. Жизнь ей казалась бессмысленной и никчемной. Никто и ничто её не интересовало и не волновало: ни успехи страны Советов, ни то, чем жила ее деревня. Не интересовали ее ни отчим, ни даже родная мать. Определенный интерес Ева проявляла еще к школьной жизни, особенно к восьмому классу, выпускному. Информатором в этом деле была Нина Кулешова, ее подруга. Восьмиклассница не только рассказывала Еве, но и довольно часто приносила подруге пирожки, блины, а то и пельмени, которые так любовно готовила Нинина мать для своей единственной дочери.

Очередной новостью из жизни восьмого класса явилось то, как Санька Романов, вообще-то тихоня из тихонь в классе, «угрохал» своего кота. Угрохал не специально, а совершенно случайно. Да и в смерти четвероногого друга виновником был не кто иной, как сам кот, который в субботний вечер носился по ограде, да еще в жуткий холод. Юноша гонялся за ним, надеясь поймать, хотел от мороза уберечь. Так и не поймав кота, ни с кем и ни с чем зашел Сашок в дом. Через час Сашку мать «выгнала» на улицу, чтобы он в бане трубу закрыл. Он не только закрыл трубу, но и также плотно закрыл входную дверь бани, которая неизвестно почему была немного приоткрыта. К десяти вечера все в семье помылись. Кота все не было и не было. Нашли его на следующий день в бане, в углу под полком. Угорел бедняга. Еве история с котом очень понравилась. « Уж очень просто можно угореть, и не только коту... », – подумала девушка и улыбнулась.

Ева с каждым днем все тяжелела и тяжелела. Её довольно часто рвало, то ее мучили острые боли в животе. «Гулящая» делала все возможное для того, чтобы избавиться от нежелательного ребенка. Она довольно часто голодала, надеясь на то, что ребенок умрет еще в ее утробе. Молодая женщина также каждый день специально поднимала по хозяйству что-то тяжелое, дабы заранее разродиться. Она тайком от матери делала растворы из трав, стремясь также отравить зарождающегося человечика. Эти травы бывшая школьница брала в шкафу у матери или из стога сена, даже не зная о том, для чего или против какой болезни они предназначены. Ева не боялась смерти не только своего первенца, не боялась она и своей смерти. Ей было все равно: жить или умереть. Мысли о самоубийстве приходили к девушке довольно часто вечером или ночью, когда она, лежа в постели, гладила свой живот и отчетливо чувствовала движения своего ребенка. Это ее очень часто злило и она тихо плакала. В семье все шло по-старому. Мать спала в бане, отчим с Евой в избе. По пьянке и иногда после визита во двор мужчина продолжал «забегать» в постель и к Елизавете. Генрих Петрович чувствовал себя настоящим королем. Он твердо верил в свою «непогрешимость», зная о том, что старшая Кротиha его боится только потому, что он может кое-что рассказать селянам из ее прошлого. Обросла «грязью» и Ева, дочь Елизаветы. Сожитель и насильник купался в «любви» двух женщин, пожилой и молодой, одна из них была матерью, другая дочерью этой матери.

История с котом стала все больше и больше «наведоваться» в голову молодой Кротиhi. Что-то притягивало девушку из этой истории. Она иногда по ночам давала простор своим мыслям и фантазировала. Порою, размышляя над этой историей, она почему-то радовалась и улыбалась. Скорее всего, под впечатлением от этих мыслей Ева решила изменить свое поведе-

ние и отношение к Генриху Петровичу. И это сразу почувствовал мужчина. Ночью в постели дочь Елизаветы неожиданно для него стала вести себя более спокойно. Насытившись молодым телом, Генрих Петрович отворачивался от девушки и моментально засыпал. Засыпал не только от удовольствия, но и от душевного спокойствия. После «человеческого отношения» юной дочери мужчину уже не тянуло к матери Евы. Он даже после посещения туалета не поворачивал голову в сторону бани, в которой уже довольно продолжительное время проживала Елизавета, хозяйка и владелица полусгнивших бани и избы.

У Генриха Петровича чуть челюсть не отпала, когда однажды лежа в постели, Ева сказала своему «возлюбленному» о том, что она не против в субботний день натопить ему баньку. Такого предложения раньше от девушки Кох никогда не слышал. Баню всегда топила Елизавета. Ева назначила и час совместной помывки, около четырех часов после обеда. О том, что в эту субботу баню будет топить Ева сама, дочь матери ничего не сказала. Елизавета пришла домой где-то около часа дня, на обед. Увидев то, что Ева топит баню, женщина зашла в избушку. Быстро покушав хлеб с молоком, старшая Кротиха опять пошла на ферму. Отчим пришел с работы на час раньше, чем обычно. Мужчине было невтерпеж, ожидая первую помывку в своей жизни с такой молодой и красивой девушкой. В бане дрова только что прогорели и давали в печи самый горячий жар. Генрих Петрович был уже «на рогах». Обнимая Еву, он картавя языком, объяснял девушке причину очередного запоя. «Добавить» к уже выпитому Генриху Петровичу предложила сама Ева. Она лично достала бутылку самогонки из шкафа, поставила два стакана на стол и до краев их заполнила самогонкой. Генрих Петрович «тяпнул» один стакан, потом второй. Ева до своего стакана даже рукой не прикоснулась. Навеселе заходил рыжий Кох в баньку, натопленную молодой Кротихой. Из избушки в баню он шел в чем мать родила, что-то мурлыкая себе под нос. За ним неспеша шла и та, также нагая, которую мужчина насиловал каждую ночь...

Где-то около двух ночи Еву разбудила мать. Даже в темноте дочери лицо матери показалось умиротворенным, несколько моложе. Да и голос матери был уже не тот, что раньше. В нем проскальзывали нотки не то уверенности, не то спокойствия. Елизавета наклонилась к дочери, и крепко поцеловав ее в губы, тихо прошептала: «Спасибо тебе, моя родная...». Дальше женщина не могла что-либо говорить. Она от чего-то задыхалась. Елизавета, как и раньше она это делала, присела на стул напротив дочери и навзрыд заплакала. Плач длился недолго, минут пять, не более. Однако этот плач был не такой, как раньше при жизни Генриха Петровича, который издевался над старой Кротихой не только в жизни, но и в постели. Мужчина был великий фантазер в этой области. Ему ничего не стоило стукнуть женщину, которая, по его мнению, плохо его целовала или была не достаточно активна в период орального секса. Елизавета, сидя в темноте перед дочерью, только сейчас осознавала свою свободу от этого изверга с немецкой фамилией и поэтому ее плач был, скорее всего, плачем победы, женского торжества над мужчиной, который стал врагом Кротихи буквально после того, как впервые переступил порог ее избы.

Елизавета все смотрела и смотрела на Еву и нисколько не сомневалось в том, что произошедшее в бане было дело рук и сердца дочери. Пристальный взгляд дочери, который она держала на лице матери, доказывал это. Теперь мать и дочь, любовницы одного мужчины смотрели друг другу в глаза и никто этот взгляд не решался отвести. Теперь каждый из них имел право на достойное существование. Мать хотела жить достойно уже и только в небесном мире. Ее дочь, носящее дитя под сердцем, хотела жить только на этой грешной земле. Ласково погладив шершавой ладонью округлый живот дочери, Елизавета решительно встала со стула и твердо сказала:

– Меня Бог там на небесах давно ждет, да и возможно, Петр с Кузьмой меня заждались... Я ухожу от тебя, дочь моя, в тот мир, где мне будет душевно спокойно и хорошо. Одно я тебя прошу, за то время когда ты придешь ко мне, на этой земле не будь Сатаной, живи спокойнее.

Я чувствую то, что у нас с тобою на этой земле не будет одной мысли, одного очага... Жалко то, что Бог не дал мне счастья, и я тебя не сделала ни богатой и ни счастливой. Я, как женщина, довольна только тем, что я немка и мой русский Кузьма дали тебе красоту человеческую. Я бы хотела то, чтобы она хоть чем-то тебе в этом мире помогла, моя доченька...

Сказав это, она нагнулась к спинке кровати Евы и вытащила оттуда веревку. Наблюдала за этим и Ева, которая не проронила ни слова, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Лишь тогда, когда мать вышла из избы, хлопнув дверью, Ева тихо прошептала: «Прощай ма-ма...» и окрестила рукой дверь, через которую только-что вышла ее мать. Слез на глазах дочери не было...

В тяжелых думах и с душевными муками уходила от дочери Елизавета, прекрасно понимая, что это есть ее последний путь из избы, в которой она прожила далеко нелегкую жизнь. Она не сомневалась и в том, что ее Евушка, ее единственная дочь, которая остается жить на этой земле, знает об этом. В принципе она и жила ради этого дитя. К сожалению, за пятнадцать лет жизни дочери Елизавета так и не сумела дать достойную жизнь той, ради которой, казалось, она и хотела жить сама. Но увы, не получилось...

Выйдя из дома во двор, Елизавета оглядела внимательно все вокруг: избу, подзакат, пригон, баню. В основе своей все постройки были ветхими, ничего не стоящими. Даже это «состояние», которое она нажила за всю свою жизнь, женщине было противно. Те копейки, которые она зарабатывала, горбатясь с раннего утра до позднего вечера, уходили куда-то в песок. Стоя посреди этого «богатства», Елизавета не только не навидела себя, но и ненавидела ту власть, которая в сущности сломала ее судьбу. На какой-то миг перед ее глазами всплыли эпизоды из жизни бабушки, которая рассказывала своей внучке о радующих взгляд немецких деревнях на Волге, и о том, как вольготно и богато жили немцы...

Елизавета, поглощенная думами, медленно подошла к бане и также медленно присела на остатки поленицы дров, которыми топили печи. Затем она взглянула на входную дверь бани. Доска, приперающая дверь, была на месте. Перед глазами женщины невольно всплыла возможная картина происшедшего, которую Елизавета воспроизвела до мельчайших подробностей. В эту субботу она пришла с работы поздно, как обычно, после десяти вечера. Еще по дороге от фермы домой она мечтала о теплой баньке, и о том, что она наконец-то отмоет всю «грязь» недельной давности. Баню они топили, как и все жители деревни, по субботам. В этот день в деревне, также и у Кротов, все делалось для наведения порядка и чистоты в домашнем хозяйстве. Львиная доля этих работ ложилась на плечи Елизаветы. Ей особенно «доставалось» в последнее время, когда Ева забеременела. Генрих Петрович Кох, Гена, так его называла Елизавета в дни чувственного «прилива», участия в уборке никогда не принимал. Если в такие дни он приходил домой пораньше, то в субботу мужчина приходил специально очень поздно, когда уже деревня погружалась в мертвую тишину и темноту.

Еще вчера, когда Елизавета приходила на обед, она поняла то, что Ева неспроста стала топить баню, да еще в такую рань. В этом она убедилась, когда пришла вечером с работы. Дверь бани подпирала крепкая доска из березы. Кротиха отодвинула дверь. Маленькая электрическая лампочка, вкрученная в патрон переноски и подвешенная на крюк потолочной перекладины, еле-еле освещала баню. Елизавета сразу же увидела на полу в бане голого Генриха, который лежал без признаков жизни. Рот его почему-то был полуоткрыт. Из него неестественно высовывался язык и выглядывали кривые зубы. Неподалеку от мужчины валялась пустая бутылка из-под самогонки. На табуретке стояла трехлитровая банка огурцов и лежала пара кусков хлеба. Заходить в баню Елизавета побоялась, хотя чувство радости переполняло женщину, когда она видела беспомощного сожителя с открытыми глазами. Даже сейчас, понимая то, что он мертв и уже никогда не поднимется, и никогда ее уже не ударит, она почему-то все равно этого рыжего мужчину боялась. Женщина в этот момент очень боялась его глаз, которые, как ей казалось, и сейчас готовы были насквозь пронзить еще живую Елизавету...

На какое-то время не то страх перед возможной встречей с сожителем на том свете, не то тяга к жизни заставила женщину отменить собственное решение уйти в тот неизведанный мир, мир прекрасного и мир надежды. Кротиха, находясь во власти дум о прелестях человеческой жизни, решила еще пожить на этой грешной земле. До конца не понимая того, что произошло в бане, женщина стремительно бросилась к избе. Дверь была не заперта, хотя Ева уже спала. Мать решила не будить дочь. Тем более, она четко понимала то, что она, как мать, как женщина, как человек раз и навсегда умерла для своей единственной дочери. Елизавета опять, не зная почему, быстро разделась и нырнула под одеяло. Несмотря на сумасшедшую усталость, женщина не могла уснуть. Организм еще далеко не старой женщины не мог «переварить» все то, что видела Елизавета и те страшные мысли, которые то и дело проносились в ее голове. Елизавета Крот несколько раз «прокручивала» в голове происшедшее и уже не терялась в догадках, кто мог так «умно» отправить ее сожителя в иной мир. Перед ее глазами уже в который раз всплывало одухотворенное лицо дочери, которая вчера топила баню, и которая каких-то полчаса или час благославила и мать в потусторонний мир. Глаза дочери, глаза ее ребенка казались даже в темноте для матери не то торжествующими, не то злорадствующими. Эти голубые глаза родного ребенка словно ожидали какой-то добычи.

Неожиданно Елизавету охватил страх о том, что вот-вот придет немец Кох, ее сожитель и убьет ее за то, что она хотела похоронить его еще живым. К тому же, как ей показалось, кто-то открыл входную дверь избы. Преодолевая страх, женщина быстро соскочила с кровати, одела платье и тапочки. Затем она рванулась за печь, где у них хранился топор. Взяв крепко в руки топор, и почувствовав определенную силу и уверенность в себе, Кротиха чуть-чуть надавила плечом дверь. Она открылась...

Теперь женщина терзалась мыслью о том, кто же мог открыть эту дверь. Вроде, она только что ее сама запирала на засов. Хозяйка избы осторожно вышла во двор. На улице было очень тихо, только кое-где раздавался ленивый лай собак. Елизавета, немного продрогнув после теплой постели, посмотрела на небо. Небо было чистое. Угасающие звезды отдавали свой последний свет тем, кто встречал раннее утро на этой земле. Кротиха, неспеша направилась к избе. Взошла на крыльцо и стала очищать подошвы тапочек от налипшего снега. Сделав это, она взялась рукой за ручку входной двери, и повернувшись спиной к избе, стала закрывать дверь. При этом Кротиха боясь того, чтобы головой не задеть верхнюю перекладину двери, невольно подняла голову вверх и обомлела...

Силуэт печной трубы бани четко вырисовывался на фоне чистого звездного неба. В этот же миг у Елизветы перехватило дыхание. На кирпичной трубе бани лежала тяжелая, толстая крышка с тряпчатой подкладкой, которая использовалась для сохранения тепла. Трубу печи Кроты вообще не закрывали, так как считали, что и без закрытия трубы в небольшой бане достаточно тепла. Если когда-то и закрывали, то это делали по просьбе гостей или знакомых, которые в силу каких-то причин у них мылись. Хозяйка точно знала, что Кох из-за своей лени никогда не лазил закрывать трубу, не говоря уже о том, когда он был пьяным. Ева о закрытии трубы и понятия не имела... До вчерашней субботы...

В голове у Елизаветы молниеносно возникла мысль о том, что надо открыть эту трубу, и это надо сделать сейчас же, не откладывая это ни на секунду. Увлеченная этой мыслью, женщина быстро ринулась в заднюю дверь ограды и оказалась у деревянной лестницы, стоящей у обратной стороны бани. Кротиха, поднявшись по лестнице, немного подтянулась и оказалась на вершине навеса из жердей, на котором было соскирено сено. Это покрытие надежно защищало двор от снега. Пройдя метра два-три по настилу, женщина, пригнувшись, вскарабкалась на земляное покрытие крыши бани и с силой рванула крышку с тряпчатой подкладкой с трубы бани. Рывок Елизаветы получился очень мощный. Крышка перелетела через гребень крыши и с грохотом рухнула в снег с обратной стороны бани. Затем женщина осторожно по лестнице спустилась на землю, подошла к двери бани и открыла дверь. Её сожитель, теперь уже бывший,

спокойно лежал на прежнем месте и в прежнем положении. Елизавета Крот решила уже никогда больше не заходить в свою избу...

Первые лучи наступающего утра настойчиво стучались в жизнь деревни. Было уже где-то около восьми утра. Неожиданно кто-то постучал в окно избы со стороны улицы. «Скорее всего, бригадир или управляющий за мною приехал. Увидели, что Кротихи нет у коров, ну и приехали за мною», – подумала Елизавета и решительно встала с остатков поленницы. Она неспеша открыла дверь бани и забросила в нее веревку. Затем, стучая зубами не то от холода, не то от страха, быстро вбежала в баню и закрыла дверь на крючок. После некоторого раздумья Елизавета выкрутила лампочку из патрона переноски. Электрический свет ей был не нужен. Ей казалось то, что в темноте она лучше будет думать в последний момент своей тяжелой человеческой жизни. Елизавета, словно по указке неведомой силы или таинственного существа, быстро «вздернула» веревку в крюк потолочной перекладины, примерила. Затем верхний конец веревки завязала узлом и «насадила» его на крюк. Потолок бани был низкий, однако это не мешало Кротихе осуществить свое последнее желание. Она взяла табуретку, где недавно стояла банка огурцов и лежали два куска хлеба, и поставила ее под перекладину, точно под крюк. Потом встала на табуретку и неспеша сделала петлю из другого конца веревки. После этого женщина трижды перекрестилась, быстро накинула на свою шею петлю и сильно рванулась вперед...

Жители Водяного о семейной драме Кротов узнали только к обеду. Первым человеком, который узнал о трагедии Елизаветы Крот и Генриха Петровича Кох был бригадир дойного гурта Арсений Кормилов. Мужчина он был степенный, не пьющий. В это воскресное утро он первый заметил отсутствие своей доярки. Прошел час, два. Елизаветы все не было. Долго не мешкая, бригадир сел верхом на лошадь и поехал к избе Кротов. На стук в окно избы никто не отвечал. Была заперта изнутри и входная дверь ограды. В очередной раз, к не вышедшей на работу доярке, бригадир приехал где-то около двенадцати дня. На стук в окно опять никто не отозвался. Мужчина решил обойти избу вокруг. Входная дверь с огорода была открыта. Зайдя во двор с обратной стороны, бригадир постучал в входную дверь избы. Никто опять не отозвался. Кормилов осторожно рукой надавил на дверь. Она оказалась не запертой. Он осторожно вошел в дом. Ева в это время спокойно лежала в постели и ни на что и ни на кого не реагировала. Ничего она не ответила и внезапно появившемуся в избе бригадиру Кормилову, который спрашивал девушку о местонахождении ее родителей. «Гулящая» молчала и думала только о своем, пристально уставившись в одну, только ей одной ведомую точку на потолке избы.

При выходе из избы, бригадир случайно заметил верхнюю одежду хозяйки и хозяина, в которой они ходили на работу. Сейчас эта одежда лежала кучей возле кровати. «Наверное, Крот с Кротихой решили сегодня помыться в бане», – подумал Кормилов и с недоумением направился в сторону бани. На стук в дверь никто не прореагировал. Слегка ее толкнул. Дверь оказалась запертой. При обходе бани мужчина через небольшое окно увидел висящую на веревке женщину...

К вечеру избушка Кротов была самым многолюдным местом в Водяном, наверное, за все времена. Милиции понаехало уйма. Приехали какие-то начальники даже из областного центра. Люди в милицейских шапках сновали внутри избы и вокруг нее. Были проверены все постройки. Даже единственную корову Марту и то вывели из пригона. Здесь, как и в других постройках, милиция ничего подозрительного не нашла. Не осталась без внимания и Ева. К вечеру к ней подсел на табуретку важный начальник с одной большой звездой на погонах. Милиционер, сняв шапку и вытерев носовым платком ярко светящуюся при электрическом свете плешину, сразу представился:

– Товарищ Крот Ева, я старший следователь районного управления внутренних дел Лыхенко Анатолий Петрович, майор милиции. Прошу Вас меня любить и жаловать. Я также прошу Вас на все мои вопросы отвечать только честно и без обмана.

После представления офицер стал задавать девушке, лежащей в постели, вопросы. Вопросов было очень много и разных. Все они сводились к одному: почему и что произошло с родителями в бане. Ни на один вопрос Ева не ответила. Ей почему-то было все равно. Тем более, почему-то плешивый милиционер особого внимания и доверия у нее не вызывал. Поэтому девушка никак не реагировала на те вопросы, которые так усердно повторял милиционер. Ева за время всего допроса не соизволила даже открыть рот. Она «стеклянными» глазами смотрела на майора и почему-то иногда улыбалась. Искусственная немота лежащей, скорее всего, по-тихоньку стала выводить из себя пожилого мужчину. Однако он оказался крепким орешком. Несмотря на безразличие девушки, майор, как будто не замечая этого, продолжал «долбить» ее своими вопросами. Еве через некоторое время явно надоело присутствие и говорильня следователя. Она неожиданно для себя скинула одеяло, которым она была укрыта, и осталась лежать нагой.

Лыхенко такой развязки не ожидал. Начальник, словно кто-то его облил кипятком, быстро соскочил с табуретки, едва не упав. Затем бегающими глазами стал разглядывать голую девушку. Все это длилось несколько секунд. Даже увидев выпирающий живот у Евы, он почему-то не «врубался» в суть происходящего. Офицер стоял перед нагой молодой девушкой и моргал глазами, и не более того. Ева тем временем пристально, а может даже и с наглостью, смотрела на офицера, который жадно «лупал» глазами ее тело.

Неожиданно кто-то из входной двери громко прокричал: «Товарищ майор. Вас начальник вызывает». – Услышав это, следователь резко развернулся и также резко вышел из избы, оставив на краешке Евиной кровати милицейскую шапку. За шапкой через пару минут пришла женщина-врач, приехавшая на место происшествия.

Милиция в избушке Кротов появилась и на следующий день. Еве по рекомендации врача допросов больше не устраивали и это её очень обрадовало. Чтобы больше не слушать и не видеть всю эту суету, она решила на все это время пожить у родителей подруги Нины Кулешовой. Тем более, Людмила Николаевна сама пришла за несчастной девочкой. Молодая Кротиха была очень признательна своей подруге и ее родителям. Ева очень боялась спать одна ночью, когда в доме было два покойника. Отчима и мать увезли в райцентр на экспертизу сразу же в первый день после того, как трупы были обнаружены в бане. Еве, как дочери, почему-то не показали заключение врачей. О причинах смерти не были информированы и селяне.

Через три дня после совершившегося Елизавету Крот и Генриха Коха похоронили по русскому обычаю на кладбище в Водяном. Все расходы по похоронам взял на себя совхоз. Немка и немец были похоронены в самом углу кладбища, как бы особняком. Скорее всего, это было и правильно. Ни у покойницы, ни у покойника в деревне и на кладбище родственников и близких людей не было. Вполне возможно, их похоронили еще и так, потому что Кротиха с дочерью, да и Генрих Кох – вот и все немцы, которые проживали в Водяном. Вместо крестов на свежих могилах были воткнуты две дощечки с нумерацией. Дощечка под номером 1, воткнутая в свежий бугорок земли, свидетельствовала о том, что здесь похоронен Генрих Кох, под номером 2 покоилась Елизавета Крот. Каких-то речей на кладбище не было, поминок также никто не устраивал. Чуть-чуть на кладбище поголосили несколько бабок, которые таким образом отдали дань уважения усопшим, и наверное, предчувствуя свою близкую смерть. Ева на кладбище не пошла.

Смерть Елизаветы Крот и его сожителя взбудоражила жителей Водяного. Каждый день, а то и каждый час, приносил все новые и новые «подробности». Милиция и местная власть официальной информации по поводу случившегося не давали. В верхах пришли к заключению. Елизавета и ее сожитель покончили жизнь самоубийством, не применив друг к другу насилия.

Третьих лиц, которые могли бы покушаться на них жизнь, не было. Дверь бани была закрыта изнутри, стекло в небольшом окне бани не было разбито. Никто не пролазил и в трубу печи в бане, никто и трубу печи не закрывал. Свидетелей странной смерти Кротихи и его сожителя также не было. Были только одни сплетни, а они закономерное явление, независимо от того, кто ушел в потусторонний мир, или кто еще остался здесь, на грешной земле.

Молодая Кротиха родила девочку несколько раньше, чем ожидалось. Родила в районной больнице, куда ее привезли родители Нины Кулешовой, Как ни странно, девочка родилась в день рождения своей мамы – 5 марта. Матери было уже и только шестнадцать, дочь начинала только жить. Роды прошли нормально, без каких-либо осложнений. Да и ребенок родился как ребенок, голова, туловище, две ноги, две руки. Правда, на правой руке у девочки были два сращенных пальчика, включая мизинец. Врачи по этому поводу провели консилиум: делать разрез или нет. Единства, как такового, не было. Одни предлагали операцию делать сейчас же, другие предлагали это делать попозже, когда ребенок окрепнет. Молодая мама была за второе предложение. Через неделю Еву с ребенком выписали из родильного отделения. Она вновь оказалась в избушке наедине с собой. Маленькое дитя еще было несмышленным, и только иногда попискивало. Молодой матери очень нравилась дочь. Ева довольно часто рассматривала девочку, стараясь определить на кого она похожа. На кого была похожа дочь еще невозможно было определить. Однако уже сейчас Еве очень хотелось, чтобы девочка была похожа только на нее, и ни на кого больше. Молодая мама хотела быть сама счастливой, хотела сделать также свою девочку очень счастливой. Но увы, не тут -то было...

Как и раньше, Ева Крот для большинства селян оставалась «гулящей». Мало этого, кое-кто из «башковитых» допускал мысль о причастности «красотки Евы» к смерти своей матери, а также и к смерти отчима. Чем дальше отодвигало время происшедшее, тем настойчивее «башковитые» склонялись к причастности Евы к смерти Кротихи и Коха. Эти сплетни доходили и до избушки, в которой жила Ева со своей дочуркой. Кое-какие новости приносила Нина Кулешова, ее родители. Эти сплетни выбивали из жизненной колеи юную Кротиху. Девушку заедали и экономические проблемы, которые обрушивались на нее как снежный ком. В год рождения девочки зима оказалась очень затяжной, весна холодной. У молодой хозяйки не хватило сена для единственной коровы Марты. Еве пришлось продать корову практически за бесценок. Совхоз, как и учителя, ничем молодой особе не помогали. Из восьмиклассников, кроме Нины Кулешовой, к Еве также никто не приходил и не интересовался, не говоря уже о какой-либо практической помощи.

Сплетни, равнодушие селян негативно стали сказываться на психическом состоянии Евы. Молодую мать ночью стали преследовать различные кошмары. Она просыпалась после них вся в поту и долго не могла заснуть. От частых головных болей она плакала. Особенно для Евы была тяжело ночью, когда отсутствовал свет. Отсутствие света благоприятно сказывалось на сне малышки. Ева же, наоборот, в темноте не находила себе места. Страх постоянно одолевал ее и этот страх усиливался с каждым днем. Иногда она, положив своего крошечного ребенка возле себя и чувствуя его ровное дыхание, надеялась уснуть. Однако это очень редко удавалось. Нервное напряжение матери передавалось девочке. Она также по ночам стала плохо спать, капризничала. Все это в свою очередь раздражало молодую маму. Медицинской квалифицированной помощи как для девочки, так и для молодой матери, на селе не было. Желание, как таковое, отвезти девочку в районную поликлинику у Евы возникало несколько раз. Однако оно тотчас же пропадало, когда она представляла перед собой косые взгляды односельчан, их различного рода пересуды. Все это отбивало желание у молодой матери сделать хоть что-то хорошее для своей единственной дочери. Она надеялась на самовыживание организма девочки. Но увы... Положение становилось с каждым днем все хуже и хуже. У Евы исчезло молоко и это стало настоящим ударом как для матери, так и для дочери. Казалось бы, спасение наступило. Нина Кулешова, как и раньше, помогала молоком. Ева кипятила свежее молоко от коровы и

кормила девочку. Ребенок, насытившись молока, вроде на какое-то время умолкал, но через пару часов, а может и раньше, в комнате опять раздавался плач девочки, причем такой надры- вистый, что у матери до боли щемило сердце. У дочери были резкие боли в животе. Ева и сама это чувствовала. Она довольно часто ласково гладила ладонью животик своей крошки. В это время ребенок даже улыбался. Но не надолго. Девочке исполнилось четыре месяца...

Июль на редкость выдался теплым месяцем. Водяное жило своими проблемами и забо- тами. Каждая семья, каждый селянин надеялся выжить, опираясь на свои собственные силы. У Евы Крот таких сил, даже летом, уже практически не было. Летом молодая мама изыскивала возможность как можно больше гулять со своей дочуркой на свежем воздухе. Ева с малыш- кой по улице не гуляла. Она гуляла за огородами, где было мало людей, да и косых взглядов там было значительно меньше. Здесь, как казалось, молодой матери и ребенок себя лучше чув- ствовал.

Ева много раз «прокручивала» в своей голове одну и ту же мысль, один и тот же вопрос:

– Почему ей, Еве Крот, так в жизни не везет? Почему ее мать Елизавета за всю свою жизнь ничего хорошего не могла сделать для себя и для своей дочери? И почему Ева также не может что-то хорошее сделать для своей крошки? – Молодая мама почему-то не находила в своей голове ответа на собственный же вопрос.

Погода во второй декаде июля в отличие от первой резко изменилась. Пошли проливные дожди, резко похолодало. Бытовые условия жизни добивали юную Кротиху. Она ничего не могла сделать для их преодоления. После отъезда Нины Кулешовой в Ктомск на отдых к своим родственникам, ситуация у молодой мамы вообще резко ухудшилась. Проблемы создавались даже при покупке хлеба. Хлеб в деревню завозили нерегулярно. Порою Ева была вынуждена с ребенком на руках идти в магазин. Кротиху в этом отношении спасало то, что в последнее время женщина-продавец «подобрела» к «гулящей» и стала оставлять булку хлеба для молодой матери.

Очередной проблемой, которая стала и самой главной для Евы, это было отсутствие денег. Деньги, которые она получила от проданной коровы, уменьшались с каждым часом, даже несмотря на спартанский образ жизни молодой девушки. Закончились дожди, на улице было очень солнечно и тепло. Однако у молодой мамы было очень тяжело на душе. Деньги были на исходе. Осталась последняя десятка. Просить деньги взаймы у людей она не хотела. Ей никак не хотелось идти на поклон к тем, кто ее не любил, и кого она также не уважала. А может и даже и больше. Она этих людей просто презирала...

Наступило первое августа, начало последнего месяца лета и летних каникул. Сердце Евы с каждым днем сжималось все сильнее и сильнее. Она прекрасно понимала то, что осенью и тем более зимой ей одной, да еще с ребенком не выжить. Каких-либо «роскошных» вариантов выхода из создавшейся ситуации у нее не было. Да и этот вариант, вроде единственный, для спасения был не ее «собственный», а подсказанный Ниной Кулешовой, приехавшей из Ктом- ска. Нина, не успевшая еще «отойти» от городской жизни, сразу же примчалась к Еве, не забыв о гостинцах для малышки. В целофанновом мешочке были яблоки, бутылочка сока, шоко- лодка. Подруга также вручила малышке ярко красную побрякушку в форме круглого шарика. Младенец, лежа на спине в посели, то и дело играл шариком, что сопровождалось веселым смехом двух подруг.

Нина Кулешова много интересного рассказала Еве о городской жизни. Ева за шестна- дцать лет так и ни разу не была в областном центре. В Машино, в Калинино была по разу, а может и больше, да и то с матерью. Подруга очаровала молодую маму рассказами о городской жизни. После рассказанного подругой для Евы соприкосновение с городской жизнью стало ее мечтой, своего рода сказкой. По-настоящему завидовала Ева своей подруге, которая с первого сентября начинала учиться в торговом техникуме. Перед уходом от Евы домой подруга, как бы невзначай, а может и просто так, сказала:

– Эх, Евка, плохо то, что нас с тобою жизнь разлучает, У нас жизнь только что начинается, но увы... Ты, такая красивая в этой деревне, а я в городе. Жаль, ну ладно я побежала, мой светик. – Затем она мимоходом взглянула на девочку, играющую с шариком, тяжело вздохнула и удалилась...

Рассказы подруги о беспроблемной жизни в городе до конца «убили» Еву Крот. У юной матери моментально наступила апатия ко всему окружающему. Ей почему-то после разговора с Ниной очень захотелось жить одной, без этого дитя, которое она после рождения полюбила, а может и нет... Она, лежа в постели, порою улавливала звонкий смех и голос своих одноклассников, идущих по улице деревни в сторону клуба. От этого девушка-подросток до боли сжимала зубы. Она прекрасно понимала, что ее молодость может пролететь также незаметно, как у Елизаветы, ее матери, которую Ева ненавидела так жестоко, как никто и никого на этой земле. Девушка неоднократно спрашивала свою душу и сердце о причинах такой ненависти к своей матери, но к сожалению, четкого ответа в своей голове на этот вопрос она не находила.

Наступила суббота, банный день. Ева в этот день баню не топила, однако в избе в небольшом бачке на печи всегда стояла горячая вода. В ней нуждалась девочка для купания. Вода была также необходима для стирки грязной одежды. За стиркой пеленок для малышки и застала Еву Нина Кулешова, которая впорхнула в избу как маленькая бабочка. Нина громко чмокнула свою подругу в щеку, хлопнула рукой Еву по плечу и радостно проговорила:

– Евушка! Ты понимаешь в понедельник утром я ездаю в город, До первого сентября еще несколько дней и я хочу подготовиться к занятиям. Мне ужасно хочется подышать воздухом города, походить по его улицам. У меня, наверное, вскоре с тобою встреч будет очень мало. Поэтому приходи сегодня к нам в баню помыться. Моя мама говорила о том, что она посидит с твоей дочкой эти два дня до моего отъезда. Ну, что, договорились?!

Ева, конечно, от такого предложения подруги не отказалась. Еще бы, целых два дня она будет свободной, как тогда раньше, когда работала в деревне и когда встретила Серегу... При мысли о солдате, который её нагло обманул, девушка тихо заплакала, ей становилось труднее дышать...

После пяти часов вечера к Еве пришла Людмила Николаевна, мать Нины, которая была в отпуске. Две женщины быстро собрали в узел все необходимое для малышки и пошли к дому Кулешовых. Дом у них был большой, пять комнат и большая кухня. Кулешовы в деревне богатыми людьми не слыли, однако трудились на совесть и на славу, да и не стремились пропивать потом заработанные копейки. Отец Нины был пастухом, пас совхозный скот, зимой занимался подвозом всего необходимого для этих же коров. В выходные дни, да и в жизни, он всегда был при деле. Сам построил дом, на зависть другим срубил и баню. Она получилась просторной, высокой. Ева еще ни разу не мылась в этой бане. Посильной помощницей по хозяйству мужу была и жена. Нина была единственным ребенком в семье Кулешовых и поэтому родители не старались обременять ее работой. Главным занятием для единственной дочери родители считали учебу. И девушка оправдывала их надежды. Училась Нина только на хорошо и отлично. Постепенно стала осуществляться и мечта девушки – работать в торговле не простым продавцом, а руководить магазином или большим универсамом. После восьмилетки Нина решила пойти сначала в торговый техникум, потом в институт. После успешной сдачи экзаменов в техникум, Нина приехала домой к родителям.

Красотой, как таковой, подруга Евы не блистала, однако никто не мог считать ее и уродиной. Скорее всего, Нина и сама это понимала и была очень счастлива, когда видела то, что чем взрослее она становится, тем больше ребят хотят с ней дружить.

В доме Кулешовых Ева на какие-то часы почувствовала себя свободной, как и ее подруга Нина. Людмила Николаевна, не то очень сильно любила маленьких детей, не то соскучилась по ним, все время ворковала над девочкой Евы. Малышка, почувствовав перемену не то жилья, не то няньки весело смеялась и хлопала ручками по подушке. Где-то около восьми вечера

девушки пошли мыться. Особенно бане была рада Ева, которая к этому времени «управилась» со своей дочерью. Девочка после теплой ванны, сытного кушанья крепко спала в постели в окружении подушек. Иногда она во сне дергала губами пустышку, которая почему-то маленькой очень нравилась. Пустышку сегодня подарила младенцу Нинина мать, давшая специальный заказ мужу, который только-что вернулся из районного центра.

Подруги вели себя в бане, как настоящие шалуни. Каждая из них впервые видела друга друга нагой и это прибавляло им озорства. Заводилой в этом деле была Нина. Она то и дело обливала Еву холодной водой из ковша, что для той являлось полной неожиданностью. Юная мама вздрагивала от холодной воды, начинала фыркать и потом быстро подбегала к бачку, где была теплая вода. Зачерпнув рукой пригоршню воды, Ева сиеминутно выливала воду на себя, надеясь «погасить» прохладу. Досыта намывшись и набаловавшись, девчата ринулись бегать по саду, который обрамлял дом и баню. Подруги были нагими и это «произошло» с ними только сегодня. Молодые девушки с восхищением смотрели друг на друга и весело смеялись. Смех, гвалт двух юных существ, бегающих вокруг дома и бани, не на шутку потревожил пса Музгарку, который доселе сидел смиренно и наблюдал за курами, которые почему-то несмотря на позднее время не «ложились спать». Увидев двух голых девушек, и не признав в них знакомых, Музгарка не на шутку разозлился. Пес рвался к незнакомкам и грозно рычал. Он рвался с такой силой, что иногда казалось, что металлическая цепь, прибитая к забору, вот-вот порвется и он растерзает тех, кто нарушает покой на дворе хозяев. Только после того, как девушки забежали в баню, пес немного успокоился и медленно вполз в свою конуру.

Скорее всего, и в это вечер подруги начали по-настоящему париться в бане. Заводилой и здесь была на правах хозяйки Нина. Она то и дело плескала на горячие кирпичи ковш за ковшом холодную воду, те шипели и выпускали пар. Через некоторое время в бане стало тепло и даже жарко. Девочки изо всех сил хлестали друг друга березовыми вениками. Веники были мягкими, отдавали запахом леса и свежестью. Для Евы такая парилка была впервые в жизни и она, почувствовав легкое головокружение, быстро выскочила в предбанник. Здесь было немного прохладнее. Девушка присела на небольшую скамейку и неожиданно для себя увидела длинное зеркало, край которого выглядывал из-за занавески. Сегодня перед входом в баню Ева его не заметила, оно тогда было плотно зашторено. Не зная даже почему, нагая Кротиха быстро отдернула в сторону занавеску и приблизилась к зеркалу. Девушка в этот момент прекрасно осознавала, что она впервые за свои шестнадцать лет может увидеть свое оголенное тело. Раньше у нее не было такой возможности. Дома на стене висел небольшой осколок зеркала и то какого-то мутного цвета. Лично у школьницы всегда в кармане было маленькое круглое зеркальце, она купила его в магазине за пять копеек.

Это же зеркало было очень большим, почти во весь ее рост. Ева встала перед ним и невольно залюбовалась тем отражением, которое «излучала» стоящая блондинка перед большим куском стекла. Юная Кротиха не могла даже представить, что красивое отражение есть ее отражение. Никтонибудь, а именно Ева Крот, которая даже и мысли то не допускала о том, что такой красотой обладает она, «гуляющая». Еве буквально все нравилось в своем отражении. Она медленно, как раньше это делал Сергей, «пожирала» глазами стоящую сверху вниз. У «той» все было прекрасно. Длинные, белые волосы, обрамляющие полупродолговатое лицо, ниспадали на круглые белые плечи молодой особы. Волосы еще были довольно влажными и прилипали к телу девушки. Они также кое-где ниспадали и на груди, которые были уже не подростки большие и тугие. Темно-коричневого цвета соски груди выглядели из-под волос. Как бы проверяя, она или не она в этом отражении и в зеркале, Ева стала ладонью левой руки нежно гладить свое тело сверху вниз, постепенно ниспуская свою руку. Несмотря на рождение ребенка, ее живот был без всяких складок, упругий.

Нагая повернулась боком к зеркалу и здесь не нашла у себя каких-либо изъянов. Небольшая головка девушки гордо держалась на тонкой точеной белой шее, верхняя часть которой

была коричневой от летнего загара... Вдруг неожиданно дверь бани открылась и в предбанник влетела Нина. Она была красная, как рак, от пара и увидев перед зеркалом блондинку, весело вскрикнула:

– Ну ты и даешь, Кротиха, все мои тайны хочешь узнать. А ну, давай, беги снова в баню и парь свои молодые кости...

После этого девушка резким движением руки зашторила зеркало. Затем, как ни в чем не бывало, быстро схватила Еву за руку и также быстро затолкала ее в баню. Еще почти час из бани раздавался смех и визг. Около одиннадцати часов вечера подруги сели за стол. Хозяйка дома уже сама поужинала, она не хотела им мешать. Людмила Николаевна прекрасно понимала, что это первый, а может и даже последний девичий стол, за который так охотно рассаживались Нина и Ева. Двойное чувство переживали сегодня обе подруги, они прекрасно это знали и понимали. Как один день пролетели восемь лет совместной учебы, никто из них не заметил своего взросления. Сегодня и завтра для них еще была школа, детство. В понедельник они уже должны были вступить на дорогу взрослой жизни и сделать только первый шаг в свое будущее. Ева понимала это, как и Нина. Красивая блондинка в душе ругала себя за то, что первый шаг на путь взрослой жизни для нее оказался роковым, который перечеркнул все ее надежды и мечты.

В целом вечеринка у подруг удалась. Было и шампанское, его для прощальной встречи купила мать Нины. Оно было немного холодное и чуть-чуть сладкое. Пенящаяся жидкость, как и в той встрече с Сергеем, приятно «била» в глаза Евы. Нина, искоса глядя на свою подругу, не могла ни видеть ее слез, которые почему-то бежали из глаз Евы, когда та пригубила шампанское.

Почти весь воскресный день подруги гуляли только вдвоем, никто и ничто им не мешало. Да и погода к тому же была на редкость исключительно чудесной. В деревне, несмотря на воскресенье, селяне работали. Уборочная была в полном разгаре. Ева, идя с Ниной рядом, все больше и больше в душе благодарила ее за всевозможную помощь. Подруги жили в разных концах деревни, даже на разных улицах, но это нисколько не мешало девушкам так крепко дружить. Особенно эта дружба окрепла тогда, когда у «гулящей» возникли проблемы. В том, что Нина сдружилась с Евой, в большей мере была заслуга ее матери, Людмилы Николаевны. Она, как мать, глубже сопереживала все то, что случилось с Евой. Мудрая женщина в своей душе не исключала даже того, что и ее дочь может совершить аналогичную ошибку...

В это воскресенье юная Кротиха была в полном распоряжении своей единственной подруги. Нина вместе с Евой обошла и еще раз посмотрела все закоулки и тропинки возле домов и дворов, которые не «обходились» без нее все шестнадцать лет. В этот день, как это казалось молодым селянкам, даже сама природа заискивала перед ними и делала все возможное для их улаживания, для Евы с длинной толстой косой белых волос и для Нины с двумя тоненькими черными косичками. Чем больше подруги гуляли и смеялись, тем чаще смотрели на часы. Время неумолимо толкало их на разлуку, пусть даже временную, но все-таки на разлуку. Иногда они останавливались, крепко обнимали друг друга и плакали. Плакали навзрыд, как будто они потеряли близкого знакомого или родственника...

Где-то около семи вечера подруги расстались. Нина проводила Еву до ее дома, помогла нести вещи. Подруги посидели немножко на «дорожку», обнялись и расцеловались. Кулешова, еле сдерживая слезы, через силу сказала своей подруге:

– Ну, Кротиха, прощай, а лучше, до скорого свидания. Возможно, я приеду в сентябре... Ты не падай духом и за своей дочкой смотри хорошенько. Она, как-никак, есть твое будущее... За меня сильно не переживай. Где бы мы с тобой не были, мы всегда будем вместе... Я думаю, что нас жизнь никогда не разлучит ни на этой земле и ни на том свете...

Расставаясь друг с другом, девочки не знали, что их прощание последнее в жизни Нины. Никогда больше не увидит и не услышит Ева свою единственную подругу.

Виной этому явилась матушка-природа. В понедельник погода еще до обеда держалась. Кое-где на небе были тучки, однако дождя не было. Нина собиралась ехать вечерней электричкой в областной центр. Остановочный железнодорожный пункт находился от Водяного в двадцати километрах. Машина за девушкой подъехала к дому где-то около пяти вечера, за час до отправления поезда. Запас времени был необходим, ведь все в этой жизни бывает...

Нина, как и положено, тепло простилась с родителями, внимательно выслушала все их наказания. Не обошлось и без слез. Пассажиров у водителя было трое: две бабки где-то под семьдесят лет каждой, а может и меньше, да Нина. Водитель старух посадил себе в кабину не только из-за старости. Бабки были довольно тоненькие, да и росточком ниже, чем молодая особа. Нине «по чину» пришлось залезть в кузов, да и там-то в принципе было не так уже и плохо. Девушка уютно села на скамейку, которая была прикреплена к противоположным бортам кузова. На улице было довольно тепло, лишь маленькие тучки «кидали» иногда на землю маленькие капли воды. Ничего не предвещало, что погода может резко измениться. Нина еще долго махала рукой плачущим родителям, которые, как и она, желали друг другу счастья и здоровья.

Где-то в километрах пяти от деревни дождь заморосил больше, потом еще сильнее. Сидящая наверху девушка вытащила из сумки платок, накинула его на голову. Через какие-то секунды после этого погода резко изменилась. Небо в миг стало темно-синим, даже с какой-то черной окраской. Лесов, стоящих вдоль дороги ведущей к разъезду, стало не видно. Всполохи молний «прочертили», даже, скорее всего, разрезали небо на множество частей. То там, то здесь раздались оглушительные раскаты грома. Шоссейная дорога, по которой следовала машина, за какие-то пять минут, а может, значительно и меньше, превратилась в своеобразный «ледяной» каток. Машину бросало из стороны в сторону, как игрушку. Благодаря мастерству пожилого водителя, грузовик хоть как-то держался на шоссейке. Вскоре подъехали к кустарникам, отсюда начиналась более высокая насыпная дорога. Сердце у Нины постоянно сжималось, она видела – санитиметры отделяли колеса машины от обочины. Внизу была канава глубиной до метра и более.

Кустарники, тянувшиеся около километра вдоль дороги, до конца проехать не удалось. Через метров пятьсот машину резко занесло влево. Водитель пытался выпрямить машину, но бесполезно. Грузовик юзом продолжал катиться по левой обочине шоссейки и медленно стал накреняться на левую сторону. Нина по инерции полетела вниз и упала на землю, неподалеку от глубокой канавы. Через какие-то доли секунды кузов машины накрыл девушку. Накрыл, но неудачно. Верхняя доска правого борта кузова машины ударила по грудной клетке Нины. Удар получился не только резкий, но и очень тяжелый. Девушка погибла моментально.

Происшедшее на дороге случайно увидел городской грибник-пенсионер, который явно опаздывал на электропоезд при такой непогоде. Перед стариком, только что вышедшим из леса, открылась поистине драматическая картина. Рядом у придорожной канавы лежала опрокинутая машина, колеса которой продолжали еще крутиться. Грибник не растерялся, разбил ногой переднее и боковые стекла кабины. С большим трудом открыл дверцы. К счастью, все трое сидящих в кабине остались живы. Больше всех «досталось» бабушке, сидящей у противоположной водителю двери. Она сломала правую руку. Водитель отделался легкими ушибами. С пассажиркой в кузове было неизвестно. Водитель и бабки все еще были в шоке от происшедшего и поэтому ничего конкретного для Нины не могли сделать. Только один грибник в зеленой офицерской рубашке без погон держался более уверенно. Но и он практически ничего не мог сделать для спасения девушки. Сначала двое мужчин пытались перевернуть машину, в крайнем случае, хоть приподнять какой-либо борт. Все было безрезультатно. Прошло минут двадцать, а может и полчаса после того, как машина сползла с шоссейки и перевернулась. Люди, находясь в нервном потрясении, не заметили того, как разошлись темные тучи и вновь на небе появилось яркое солнце, которое уверенно держало свой путь к закату. Из-под кузова никто не кричал, никто не стонал...

Немного приподнять правый борт машины удалось только во время второй попытки. И то это удалось сделать благодаря инициативе бывшего военного. Грибник под сидением в кабине водителя нашел небольшой топор. Именно при помощи топора мужчина вырубил в лесу две крепкие березки. Затем из леса он принес полусгнившее сухое дерево и разрубил его пополам. Сделав небольшой подкоп под борт и используя две березки как «рычаги», мужчинам удалось на несколько сантиметров приподнять борт. «Непокалеченная» бабка подложила под борт одно из бревен. Из деревенских никто не решался близко подойти к вполне возможно раздавленной девушке. Все боялись. Мужчина в офицерской рубашке опустился на колени и увидел под кузовом девушку. Затем он потрогал ее руку. Она была уже полухолодная...

Почуввав неладное, бабушка со сломанной рукой упала на колени и громко запричитала:

– Ой, Боже! Зачем же ты наказал молоденьку? Да лучше бы ты меня к себе забрал. Ох, Боже, ну за какие такие грехи ты забрал это дитяtko? Ну скажи же...

Женщина во время причитания то ударялась своей головой об землю, то крестилась левой рукой. Трудно было сказать, что с ней происходило: выражение боли в сломанной руке, или «убиение» по той молоденькой односельчанке, которой Богом было отпущено прожить на этой земле всего шестнадцать лет...

Водитель принес тяжелую весть родителям Нины Кулешовым где-то около девяти вечера. Мужчина в одних трусах, напрягая последние силы, бежал по обочине шоссе, то и дело пересекая большие и маленькие лужи дождевой воды. Не добежав каких-то двести метров до начала деревни, он был ошарашен: в селе дождя не было. Улица была сухая, стайки гусей мирно рылись неподалеку возле двора первого дома, от которого брала свое начало улица.

Люмила Николаевна была до смерти напугана, когда увидела бегущего полуголого водителя, который только что увез на разъезд ее единственную дочь. Самого Кулешова в это время дома уже не было, он уехал в ночную смену пасти коров. Практически раздетый донага человек ничего не смог сказать напуганной женщине, которая стояла перед ним и не зная почему заламывала себе пальцы. Водитель, упав на колени перед матерью погибшей Нины, смог произнести сквозь слезы только три слова: «Нине очень плохо...».

Лишь через час колесный трактор с прицепом, на котором сидело несколько крепких мужиков, прибыл к месту происшествия. Мужчины быстро извлекли потерпевшую из-под кузова и очень осторожно положили тело девушки на прицеп. Даже уже при опускающихся сумерках было видно искаженное от боли молодое лицо девушки. Трактор с прицепом взял курс на Калинино, в райцентр. В тележке сидели четверо. Старая бабка со сломанной рукой ехала в больницу залечить свою рану. Был здесь и несчастный водитель грузовика, он ехал в милицию. Возле мертвой девушки, которой было не только не суждено учиться в торговом техникуме, но и не жить на этой земле, стояли на коленях и плакали ее родители. Им было все равно куда ехать. Эти люди уже не боялись ни болезни, ни тюрьмы. Они потеряли свою единственную дочь и поэтому жизнь для них без дочери на этой земле не имела никакого смысла.

Родители возле погибшей дочери пробыли в районной больнице всю ночь. Они все надеялись на воскрешение своей единственной дочери. Но увы... Воскрешения не произошло. Для родителей эта трагедия была самой страшной в их жизни. Особенно «сдала» Людмила Николаевна. Женщина буквально за одну ночь, проведенную возле мертвой дочери в больнице, поседела. Глаза красивой женщины, ранее искрящиеся и веселые, стали тусклыми. В них отсутствовала жизнь.

Ева узнала о трагической гибели своей подруги к обеду следующего дня. Хоронила Нину вся деревня. Приехали на похороны и представители комсомольской организации торгового техникума. На кладбище собрались все жители Водяного от мала до велика. Нина росла спокойной и отзывчивой девочкой, поэтому молодые и пожилые люди видели в ней хорошего человека и друга, а кто-то как и хорошую односельчанку. Для каждого, кто был на кладбище,

до погребения она еще продолжала оставаться все той же веселой девочкой, хотя она и была уже мертвой. После того, как двое мужчин заколотили крышку гроба и опустили его в яму, все поняли то, что молодая селянка ушла под землю, к Богу, откуда еще никто и никогда на этом свете не возвращался домой, назад. Каждый из стоявших на кладбище думал об этом и никто эту прописную истину не брался оспаривать. Исключением были только родители погибшей, которые все еще не верили в то, что они навсегда лишились на этом свете единственной дочери. Похороны были «пышными». За все время существования села никто и никогда из жителей Водяного не «вкладывал» всего возможного на этой земле для того, кто уходил в иной мир. Кулешовы стремились дать все лучшее для своей дочери при жизни. Они отдавали ей все возможное и необходимое и сейчас, когда она уходила от них навсегда в неведомый для всех мир.

Евы среди жителей деревни на кладбище не было. Она хотела побыть на могиле подруги одна. Юная Кротиха пошла на кладбище с малышкой через день после похорон, после обеда. Погода была прекрасной и чем-то напоминала тот воскресный день, когда подруги гуляли по деревне перед отъездом Нины в Ктомск. Ева, снарядив дочку, пошла к кладбищу вдоль огородов. Затем молодая мать с дитем, не доходя до кладбища, свернула на лесную поляну, на которой было очень много цветов. Цветы издавали уникальный запах. Малышка вела себя на руках довольно спокойно и только иногда прикасалась маленькими ручонками к свежесобранному букету цветов и громко смеялась. Ева также весело смеялась и нежно целовала своего ребенка в щеки. Ева еще так и не надумала своей дочери дать имя. Причин для этого у молодой матери было довольно много. Что-то конкретного для разрешения возникших вопросов Еве никто в деревне не советовал. Да и сама она не хотела ни к кому обращаться.

– Да и зачем, – неоднократно спрашивала себя Ева, – все равно никто ничего конкретного бы не сказал «гуляющей». – Сама нагуляла, сама народила и сама своему ребенку имя давай. . .

Гуляющая все же в своей душе надеялась на то, что она в скором будущем поедет работать в районный центр или в Ктомск. Она хотела уехать подальше от этих людей, которые ее ненавидели и которых она также ненавидела. К тому же брак регистрировали только с восемнадцати лет, да и мужа, как такового, у нее не было. По пути к кладбищу внезапно у Кротихи возникло желание дать своей малышке имя погибшей подруги. Через какое-то время это желание исчезло. Молодой матери не хотелось увязывать память трагически погибшей Нины со своей дочерью. Она не хотела того, чтобы ее дочь прожила такой короткий отрезок времени на этой земле.

Могилы погибшей Нины Кулешовой вся утопала в живых цветах. Немало было здесь венков и из искусственных цветов. Плачущая Ева подошла к свежесыпанному бугорку земли и упала на колени. Дочь молчала и все время смотрела на свою маму, которая положила большой букет полевых цветов к подножию могилы подруги. Пришедшая стояла на коленях и молчала. Слезы беспрерывно катились из глаз молодой женщины. Мысли, которые то и дело проносились в голове у Евы, как ей в этот момент жизни казалось, доходили и до умершей подруги. Много передумала Ева за то время, которое она провела на кладбище. Не закрыла глаз она и ночью. Зато малышка спала этой ночью как никогда спокойно. Ева то и дело подходила к маленькой кроватке, которую подарили ей родители Нины Кулешовой и с улыбкой смотрела на маленького человечка. Дочка, наверное, понимала состояние своей матери и поэтому крепко спала.

А дум у молодой матери было очень много и дум очень разных. На могиле у подруги Ева окончательно поняла то, что для нее значила Нина. Нина, как школьная подруга, как молодая женщина, своим присутствием на этой земле не давала Еве замкнуться в себе, особенно в последний год своей жизни. Ева понимала и то, что если бы у нее не было ребенка, то у подруг было бы намного больше совместного времени, больше общих интересов. В голову Евы все чаще подкрадывалась мысль о том, что Нина даже «оттуда» просила свою подругу в корне изменить свой образ жизни. Лучше без малышки. Еве казалось то, что ее подруга, не

помышляя о возможности лишения жизни этого крохотного ребеночка, первенца Евы Крот, одновременно звала его к себе. Покойница утверждала о том, что у нее этому ребенку будет куда лучше, чем у Евы. При появлении таких мыслей в голове, лежащую в постели молодую блондинку, «пробивал» холодный пот, ломило виски. От этих мыслей Кротиха вздрагивала и молниеносно подходила в кроватке, и ласково трогала своей ладонью теплый лобик девочки. Убедившись в том, что ребенок спит и дышит, она по-тихоньку, стараясь как можно меньше шуметь, быстро ныряла под одеяло.

Все, о чем думала молодая мать в эту ночь, сводилось к единой мысли, к единому порыву: необходимо покинуть деревню и ехать в город. Несмотря даже на то, что в данный момент у нее не было настоящей подруги, для селян она была и оставалась «гулящей». Не ожидалась помощь и со стороны родителей Нины Кулешовой. Им было в данный момент не до Евы. Да и материальное положение молодой Евы Крот было довольно плачевное. Даже очень. Остались последние пять рублей...

Наступающее утро Ева встретила с твердым намерением уехать из Водяного. Дочурка еще продолжала спать и это радовало молодую женщину. Самым важным для дальнейшего устройства в городе девушка считала наличие хоть каких-либо документов. К сожалению, у нее в данный момент ничего не было. Паспорта, как такового не было, не было и свидетельства об окончании восьмилетней школы. Ни разу она не видела и свидетельство о рождении. На какой-то миг все планы у молодой хозяйки рухнули. От отчаяния ей хотелось плакать. Однако, откуда ни возьмись, в душе и в голове блондинки появился очередной огонек надежды на разрешение возникшей ситуации. И это сдерживало порыв отчаяния девушки. Кротиха, оказавшись во власти дум о реальной жизни, все чаще и чаще отходила от паники.

Надежда найти свое свидетельство о рождении у Евы ни только не угасало, наоборот, с каждой минутой укреплялась.

– Не могли же ее, девочку, Еву Крот без свидетельства о рождении взять в школу, тем более, при таком строгом директоре школы?», – задала себе вопрос молодая Кротиха, и тотчас же приступила к поиску жизненно важного для него документа.

Сфера поисков документа была очень узкая, небольшая. В избе, как таковой, мебели не было. У Кротов был только один комод, да большой сундук из крепких деревянных досок, обитый по краям тонкой жостью. Комод состоял из четырех выдвижных полок, на которых складировалось немудреное имущество обитателей избышки. Еве отводилась самая нижняя полка. Необходимого документа в предмете мебели не оказалось. В сундуке лежало также кое-что из одежды. Нашла здесь Ева и небольшую картонную коробочку, она лежала на самом дне сундука, в самом углу. Развязав ленточку красного цвета, которой была перевязана коробочка, Ева открыла ее. На дне коробочки лежало несколько документов, аккуратно завернутых в черную тряпку. Ева чуть-чуть не подпрыгнула от радости, когда наверху стопки бумаг увидела свидетельство о рождении, на титульном листе которого был изображен герб РСФСР. В том, что этот документ принадлежал именно Еве, она уже не сомневалась. И в этом она не ошиблась. Дрожащими руками девушка развернула свидетельство о собственном рождении и от радости заплакала. Убористым подчерком в левой части бумаги была написана фамилия, имя и отчество народившейся, указывалась дата и место рождения Евы. Название деревни Гольдштайн мало о чем ей говорило. Впервые в жизни она прочитала и данные о своих родителях. Отцом девушки значился Петр Крот, имя мужчины также для нее ничто и ни о чем или о ком, не говорило. Оба родителя были по национальности немцами. Кроме свидетельства о рождении в коробке был молитвенник на немецком языке. Маленькая книжечка была очень ветхой, с протертыми и пожелтевшими от времени страницами. Полистав молитвенник, Ева поняла, что дальше нет смысла его разглядывать. Немецким языком она практически не владела, несмотря даже на то, что она его изучала в школе и довольно часто слышала разговор матери и отчима на немецком языке.

Неожиданно для себя блондинка обнаружила в середине молтвенника небольшой листок бумаги, сложенный вчетверо. Бумага пожелтела от времени и очень трудно читалась. Очень короткое письмо адресовалась Елизавете Крот. Оно было написано чернилами. Кое-какие слова из-за корявого почерка Ева не понимала, некоторые слова из-за ветхости бумаги нельзя было вообще разобрать. Несмотря на все это, Кротиха поняла содержание письма. Мужчина спрашивал у Елизаветы о том, как назвала она первенца и как его здоровье. В письме также сообщалось, что у Петра все нормально и он жив, здоров. В конце письма стояла дата написания: апрель, 1942 год. Все остальные документы Ева смотреть не стала. Время поджимало. К тому же, письмо Петра к матери, как и другие бумаги умершей Елизаветы, юную девушку не интересовали. Мать никогда и ничего не рассказывала дочери о своей молодости, тем более о тех, кто когда-то за ней ухаживал. Ева даже сейчас не могла понять того, почему мать все это держала в тайне и практически ни разу не говорила с ней о своем муже или об отце своей дочери. Все это и многое другое Елизавета унесла с собой в могилу, так и не раскрыв тайн, которые интересовали ее родную дочь.

Разгадывать все эти тайны сейчас Ева считала нецелесообразным, даже не нужным и пустым занятием. Она сейчас жила другими мыслями, другими надеждами. Имея на руках свидетельство о рождении, она могла теперь свободно шагать в будущее, спокойное или тревожное, бедное или богатое, она не знала. Да и ей в этом плане было все равно. Отступить было некуда и некогда. Юная Кротиха наметила свой жизненный план действий и решила его выполнить, несмотря ни на что. Этот план был задуман ею, он являлся ее тайной и главное, ее надеждой...

К десяти часам утра Ева Крот была готова к выходу из деревни. Сборы были недолгие. На себя она одела темно-синее платье, кофту, туфли. Повязала на шею легкую косынку голубого цвета, которая практически была на ней всегда. В сумку из плотной материи черного цвета молодая мама для малышки положила пару самодельных пеленок, да одно платьице. Все это составляло «гардероб» новорожденной. Продуктов, как таковых, в доме не было. Продукты для себя и для дочки Ева намеревалась купить в магазине, который находился на пути к разъезду. Избушку Ева закрыла на замок. Она твердо знала о том, что в это пристанище больше она никогда в жизни не вернется. Ключ, даже не зная почему, она положила к себе в сумочку.

На пути в магазин Еве из жителей деревни никто не повстречался. Это ее очень радовало. Кротиха всегда переживала, когда кто-либо из селян при встрече с ней специально отворачивал в сторону свою голову или проходил мимо нее, как будто не замечая. Девушка болезненно все это переносила. В голову приходили порою довольно дурные мысли, от которых ей иногда не хотелось жить. От всего дурного, от желания покончить с собою, которое нередко приходило в голову, блондинку спасало только наличие подруги Нины...

К удивлению Евы в магазине кроме продавца никого из людей не было. Она купила пышную булку белого хлеба за 25 копеек, килограмм пряников, двести граммов вафлей, бутылку лимонада. Все сладости для нее были любимым лакомством. Белый хлеб и пряники любила малышка. Получая от матери корочку белого хлеба или большой пряник девочка любила «возиться» с полученным лакомством. Она сосала пряник и от удовольствия причмокивала. Если лакомство выпадало из маленьких ручек, то малышка тотчас же ударялась в громкий плач. Ева, изучив повадки своего дитя, старалась быстро реагировать на пропажу лакомства. Девочка, получив лакомство, опять утихала, иногда и надолго. Молчание и спокойствие ребенка было на руку Еве. Молодая мать имела возможность хоть чем-то заниматься по дому.

Голубые глазки «безымяшки» радостно заблестели и в магазине, когда Ева, отломив кусочек вафли, дала его своей дочери. Дитя радостно схватило ручками вафлю и быстро стало ее сосать. Вторую половину вафли молодая женщина оставила для себя. Она, как и дочурка, очень любила сладкое...

Пройдя всю улицу и оказавшись на окраине деревни, Ева невольно оглянулась назад. Небольшая деревня со странным названием Водяное словно вымерла. Время приближалось где-то к полудню. В селе все было тихо, будто здесь никто никогда и не жил. Ева, конечно, понимала то, что это только первое впечатление и оно обманчивое, особенно для постороннего человека. Люди работали в поле, на току, кто-то пас скотину, в школе учились дети. Деревня жила своей жизнью как всегда. Девушка на какое-то время задержала свой взгляд на убогих деревенских постройках, затем резко повернулась и так же решительно сделала шаг в сторону дороги, ведущей к разъезду. У покидающей родную деревню невольно защемило сердце и также невольно выступили слезы. Ева, стиснув зубы, стала плакать навзрыд. К удивлению ею самой плач продолжался недолго. Этого не могла понять и сама плачущая.

Непонятно-кто или что из глубины души Евы не то управлял ею, не то просил молодую женщину прекратить плакать. А может и сама женщина понимала бессмысленность этих слез. Путницу на какой-то миг осенила мысль о лучшем ее будущем. В ее душе в очередной раз появилась надежда, что и в этом мире есть кусочек счастья и для Евы Крот, пусть еще для такой молодой, пусть даже «гулящей», пусть даже и уже с ребенком. Идущей по дороге невольно пришли слова умершего учителя истории, который говорил о том, что в Советском Союзе, при социализме есть все условия для счастливой жизни каждого человека, нужно только честно работать и жить. И эти слова коммуниста -историка давали новый прилив сил и бодрости для шестнадцатилетней крестьянки, держащей на руках полугодовалую дочь и имеющей за душой три рубля. Кротиха понимала, хотя и не до конца, свое материальное положение и состояние. Однако ничто ее не пугало. Надежда на лучшее будущее окрыляла молодую немку и заставляла ее действовать, как можно быстрее и решительнее.

Глава третья.

Недолгие скитания

Дорога к разъезду, к сожалению, не обошлась без слез для идущей путницы. Чем дальше отдалялась она от деревни, тем тревожнее билось ее сердце. Такое чувство испытывала не только одна Ева, но и все жители Водяного, когда проезжали место гибели своей односельчанки Нины Кулешовой. Прошло где-то около недели после нелепой гибели юной девушки. Обстоятельства гибели ни раз и ни два обсуждались односельчанами, да и жителями окрестных деревень. Все скорбили по юной селянке. И эта скорбь переполняла душу каждого, когда кто пеший, кто и на лошади или на каком-то ином транспорте проезжал то место, где погибла Нина.

Как правило, здесь женщины крестились, мужчины снимали головные уборы, кое-кто останавливался и в знак уважения опускался на колени на небольшой кусок земли, который был окроплен кровью девушки-подростка. Ева место гибели подруги заметила сразу, хотя возле него и не была раньше. Да и его нельзя было не заметить. Неподалеку от дороги, буквально в двух метрах от канавы высился высокий шест, на котором крепился венок из искусственных цветов. С глубоким чувством скорби подошла к месту гибели своей подруги и Ева. Ей и до сих пор не верилось в то, что так глупо и нелепо погибла ее первая и единственная подруга. Ева молча опустила на колени и стала одной рукой гладить траву, где ей казалось лежала совсем недавно Нина. Другой рукой молодая женщина придерживала ребенка. Уединения с подругой, как такового, у Евы не получилось. Не успела Ева еще сменить и пеленку для своей малышки, которая обмочилась здесь, как по дороге ведущей к Водяному, она увидела телегу, запряженную белой лошадей. Мужчина и женщина, сидящие в телеге, скорее всего, были в дугу пьяными. Мат то и дело доносился до сидящей на траве девушки. Еве не очень хотелось того, чтобы жители Водяного видели ее здесь. И поэтому, чтобы не искать очередных приключений, она быстро поменяла пеленку для малышки и погладила рукой землю, место гибели одноклассницы. Затем легко взобралась на шоссе и медленно пошла в сторону разъезда.

Путница с малышкой подошла к разъезду вовремя. Через пять минут подошла электричка и Ева с малышкой села в вагон. В вагоне практически не было пассажиров, за исключением нескольких молодых ребят, которые сидели в противоположном конце вагона и время от времени оттуда «испускали» нецензурную брань. По содержанию разговора, который вели ребята, Ева без труда определила то, что это были ребята из профессионально-технического училища, будущие каменщики. Кое-кто из ребят делился мыслями о том, как лучше ложить стенки из красного кирпича, а кое-кто пугал сидящих строгим мастером по фамилии Заяц. Это была кликуха у ребят для мастера, которого все в группе боялись. Ева вскоре потеряла всякий интерес к ребятам, да и это было вполне закономерно.

Тяжелые думы одолевали молодую пассажирку, которая только сейчас четко и осязаемо стала понимать безысходность своего положения. Оно и вправду было катастрофическим. Ева через два часа прибывала в областной город Ктомск, в котором у нее не было ни родных, ни знакомых. Мало того. Она не знала ни одной улицы, не говоря уже о возможности где-либо устроиться на работу. Одной ей было бы значительно легче, куда ни шло. Вся проблема упиралась в малышку, которая почему-то в вагоне стала надрывно плакать. Мать стремилась делать все возможное для того, чтобы усыпить девочку, но увы... Все было безуспешно. Кое-когда девочка умолкала, но не надолго. С заплаканными глазами и с плачущей малышкой выходила Ева на перрон станции Ктомск-Главный. Большие часы на фасаде железнодорожного вокзала показывали ровно шесть часов вечера.

Шум и гам привокзальной жизни застали врасплох молодую крестьянку. Вышедшая из вагона электрички молодая женщина с ребенком была попросту ошарашена толпой спящих туда-сюда людей, которые кто с чемоданами, а кто с сумками бежали в разные стороны. Ева с ребенком в руках и сумкой на плече, прижавшись к киоску, в котором продавали газированную воду, с замиранием сердца начала наблюдать за происходящим. «Обозрение» за пассажирами продолжалось недолго. Неожиданно за спиной девушки раздался сильный мужской голос:

– Эй, красавица, не желаешь ли с нами до окраины Союза покататься? А то в длинной дороге так скучно...

Ева на этот голос никак не прореагировала. Она прекрасно знала о том, что в этом городе у нее знакомых нет. Однако не зная почему, все-таки решила повернуться на голос. Повернувшись, она увидела перед собой вагон пассажирского поезда и мужчину, который стоял возле открытой двери вагона. Какое-то время девушка с ребенком стояла и раздумывала на тем, с каким предложением к ней обратился незнакомец. Мужчина, увидев и почувствовав замешательство незнакомки, решительно прыгнул с подножки тамбура и так же решительно направился к Еве. Та, в свою очередь, даже бегло окинув взглядом идущего к ней мужчину, не могла не отметить то, что он был недурен собой. На вид ему было где-то около сорока лет или чуть-чуть больше. Пассажир подошел к Еве и протянув руку, поздоровался. Девушка несмело ответила на рукопожатие. Рука мужчины для нее показалась сильной, даже слишком сильной.

– А я за тобою, красавица, уже минут пять наблюдаю, – продолжил незнакомец. – Наш поезд на станции почему-то решили придержать и я решил еще немного посмотреть на этот город. Вместо города вот увидел такую красавицу, как Вы...

Сказав эти слова, мужчина весело рассмеялся, потом стремительно рванулся к киоску, где продавали мороженое. Через две минуты он уже стоял с двумя стаканчиками мороженого. Одно из них предложил Еве. Блондинка сначала хотела отказаться, но потом передумала. Уже больно вкусным и красивым показалось оно ей. Такое мороженое, да еще с изюмом, она в своей жизни никогда не кушала. Откусив первый кусочек сладкого лакомства, Ева почувствовала истинное блаженство. Холодное, мягкое мороженое на какой-то миг погасило чувство жажды, а также чувство голода.

Попытки мужчины начать какой-либо разговор с молодой блондинкой не увенчались успехом. Малышка, устав от жары и от дороги, а также, вполне возможно, и от голода начала громко плакать. Неожиданно для Евы по радио объявили о том, что скорый поезд «Россия» сообщением Москва – Владивосток отправляется. Диктор просил всех пассажиров этого поезда занять свои места в вагонах и быть очень осторожными при отправлении поезда. По перрону сразу же забегали пассажиры отправляющегося поезда. Быстро простился с Евой и незнакомец, который только что угостил ее мороженым. Незнакомец также быстро исчез из поля зрения девушки, как и появился. Ева медленно направилась к подземному переходу, ведущему к выходу в город.

Не успела она переступить первую ступеньку подземного перехода, как ее кто-то сзади резко и неожиданно для нее остановил. Ева то ли от страха, то ли сработал инстинкт самозащиты, резко повернулась назад и обомлела. Перед ней стоял мужчина, который только что перед отправлением поезда угостил ее мороженым. Все остальное позже происходящее для Евы было просто ей не подвластно. Незнакомец молниеносно взял девушку с малышкой на свои руки и ускоренным шагом направился в сторону отходящего поезда, который уже начал набирать скорость. Запоздалого пассажира, да еще с женщиной и ребенком на руках, сразу же заметили проводники вагонов. Кто-то из них нажал стоп-кран. Заскрипели тормоза. Поезд немного качнулся вперед и остановился. Многие пассажиры повысовывали свои головы из окон купе. Кое-кто из них смеялся при виде опоздавшей тройки. Кое-кто, наоборот, бросал вслед язвительные шутки. Проводница одного из вагонов, сколько было в ее голове ума и в легких воздуха, громко прокричала:

– Ты, что папаша, дочку с внучкой не успел вовремя на поезд посадить? Или нажрался, как мерин сивый?

Дальше от носительницы культурного обслуживания поездов дальнего следования полилась такая отборная матерная брань, что на этот источник брани невольно стали оглядываться люди, дефилирующие по перрону. «Папаша» со своим семейством на эту брань никакого внимания не обращал. Тем более, когда операция по «захвату» молодой блондинки для «отставшего» пассажира закончилась благополучно.

Пятый вагон скорого поезда был купейным. В таком купе Ева была в своей жизни впервые. Здесь все было как в сказке. Две верхние полки были заправлены белыми чистыми простынями и пододеяльниками, на которых лежали белоснежные подушки. Две нижние полки были свободными. Возле окна находился небольшой столик, накрытый белой скатертью. Окно было зашторено двумя небольшими белыми занавесками, на которых было большими буквами написано слово «Россия». Успела Ева разглядеть на полу и небольшой коврик. Дверь купе, в котором оказалась Ева с малышкой, была открытой. Незнакомец, скорее всего, просто ее забыл закрыть. После того, как «добыча» оказалась в купе, мужчина, посадив девушку с малышкой на нижнюю полку, скороговоркой произнес:

– Извините, я скоро приду...

Пришел он где-то через минут десять, а то и через пятнадцать. Пассажир, как и при первой встрече на перроне, с веселой улыбкой представился:

– Меня зовут Егор Егорович, а проще зовите меня Гоша. Меня так всегда раньше и в настоящее время прозывают Гошей или Гохой.

Затем он протянул руку девушке. Ева ответила на рукопожатие, немного задержав свою руку в широкой и сильной ладони Гоши. Поймав себя на этой мысли, она неожиданно для себя покраснела. Мельчайшие капельки пота выступили на ее красивом лице, которое сделалось необычайно розовым. Голубые глаза девушки стали светиться как фонарики на черном небе. В этом Ева убедилась сразу, как только Гоша закрыл купе. Сидящая на нижней полке неожиданно увидела свое отражение и отражение малышки в зеркале двери купе. Зеркало было довольно большим. Пока Гоша что-то искал в сумке на верхней полке, девушка мимоходом поглядывала на свое отражение в зеркале. Она себе очень нравилась. Однако одеяние, в котором она была, явно не соответствовало царящей обстановке в купе. Здесь все было чисто, уютно, даже красиво. Тихо играла музыка. Еще тише колеса вагонов стучали по рельсам.

Вскоре Гоша закончил свои поиски в сумке и присел на нижнюю полку, напротив полки, на которой сидела с малышкой Ева. Так они сидели друг против друга довольно долго, минут пять и молчали. Гоша внимательно глядел на юную девушку с малышкой и о чем-то своем думал. Иногда его лицо становилось не то мрачным, не то угрюмым. Еву, которая также бросала редкие взгляды на мужчину, почему-то это пугало. Ее беспокоило и то, что когда она внимательно заглядывала в глаза мужчины, они становились очень влажными. Даже те беглые, но довольно острые взгляды, которые изредка бросала Ева на мужчину, непонятно почему, давали ей особый прилив не то жалости, не то детского, не то женского обожания к Гоше. Она про себя отметила, что в ее сердце, да и в ее душе нашлась маленькая ниша доверия, а может даже и любви к этому уже немолодому человеку.

Молчание сидящих прервал плач малышки. Девочка в первые минуты пребывания в купе на какое-то время даже забыла про свои «болячки». «Безымяшка», как и молодая мама, сначала внимательно рассматривала все, что было в купе. Она то и дело переводила свои глазки то на зеркало, то на сидящих в купе, то внимательно глядела в потолок. Может ей был приятен легкий шум работающего кондиционера, который нагнетал прохладный воздух. Возможно, благотворно повлияла и перемена обстановки. Тишина, да и прохлада в купе способствовали на какое-то время «благопристойному» поведению малышки.

Где-то около получаса ребенок не плакал. Затем терпение малышки кончилось и она разразилась громким плачем. Первым на плач, как ни странно, прореагировал Гоша. Он быстро подошел к ребенку, которого на руках держала Ева. Мужчина с большим желанием, и это сразу заметила Ева, стал играть перед девочкой коробочкой из-под конфет, лежащей на столике. Однако эти «трюки» мужчины и всевозможные «проделки» матери не могли успокоить плаксу. Видя бесполезность действий своих и молодой матери, Гоша тихо произнес:

– Девушка, сейчас я выйду из купе, а Вы покормите ребенка, – сказав это, он уже сделал первый шаг к выходу из купе. Однако молодая мама предопределила ход его дальнейших действий. Она, слегка потупив голову, со вздохом произнесла:

– Во-первых, извините меня, что я не назвала своего имени. Меня зовут Ева. Во-вторых, я не кормлю дочь молоком. У меня его просто-напросто нет...

Гоша слегка улыбнулся. Оживление мужчины, скорее всего, было вызвано тем, что он узнал имя своей красивой спутницы. До этого он все время терялся в догадках о том, как все же зовут эту стройную, ослепительно красивую девушку с тугой косой белых волос. Он даже какое-то время в своем воображении давал своей спутнице около десятка имен. Однако все его вымыслы и догадки останавливались только на одном имени – Татьяна. Это имя было для него самым лучшим и святым. К тому же, молодая незнакомка была поразительно похожа на его жену, которую звали Таня, и которую он когда-то страстно любил...

Узнав о том, что девочка Евы очень голодна, а молодая мама в силу каких-то причин не может кормить грудью дочь, Гоша буквально через пару минут нашел выход из сложившейся ситуации. Да и этот выход был подсказан самой жизнью. Уже более двух дней в этом же вагоне, в котором ехал Гоша, только через купе, ехала женщина с дочерью и внучкой в Читку. При выходе из купе в коридор, чтобы подышать свежим воздухом, да и на остановках, Гоша несколько раз замечал немного полную девушку с ребенком, который иногда спал, а иногда и бодрствовал на руках матери. В том и в другом случае, спящий или прыгающий на руках матери ребенок держал во рту небольшую резиновую пустышку. Малыш испытывал явное удовольствие от резинки, надеясь на то, что скоро из «груди» матери польется молоко.

Вика, так звали молодую маму от предложения Гоши накормить грудью малюсенькую девочку не отказалась. Вскоре Ева оказалась в кругу двух приветливых женщин. Такая доброжелательность в какой-то момент насторожила молодую крестьянку. Однако, увидев то, с какой лаской и заботой восприняли ее дочурку незнакомые люди, опасения у Кротихи вскоре рассеялись. «Безымяшка» сначала перед грудью незнакомой мамы немного покуражилась. Она, хватая губами сосок груди, с громким плачем то его отвергала, то опять припадала к источнику материнского молока. «Прелюдии» девочки продолжались довольно недолго. Голод брал свое. Через пару минут девочка с небольшим свистом и храпом мирно «штурмовала» грудь незнакомой для нее мамы. Ева с облегчением вздохнула, увидев как малышка стала жадно кушать. Она в своей душе очень радовалась тому, что за долгое время ее малышка хоть досыта напьется материнского молока, пусть даже и не от родной матери.

Спокойствию малышки был рад и Гоша. Его радовало не только это. Он не мог ни заметить того, как красавица Ева бросала в его сторону теплые взгляды, которые были порою столь пронзительными и жадными, что ему становилось как мужчине очень приятно... Почувствовав то, что он далеко не последнее место занимал в кормлении малышки и с этой задачей справился неплохо, Гоша быстро удалился в свое купе.

Анна Ивановна, так звали мать Вики, убедившись в том, что маленькая незнакомка насосалась женской груди вдоволь и закрыла глазки, полушепотом обратилась к Еве:

– А ну, мама, носи доченьке-красавице новые пеленки, распашонки, а то, я вижу, что у нее уже потоп...

Услышав эти слова пожилой женщины, Ева слегка покраснела и сказала:

– К сожалению, сумку со всем необходимым для ребенка я в дороге потеряла... И сейчас у меня практически ничего нет для моей малышки...

Дальше она продолжать не стала, так как доброжелательная Вика быстро достала из своего большого чемодана чистую пеленку, рубашку и штанишки. И все это пахло чем-то приятным, что очень радовало Еву. Она была необычайно довольна тем, когда переодев своего ребенка в чужую одежду, она увидела в нем совсем другую малышку. Ей даже не верилось в то, что это ее дочурка лежит в белоснежной пеленке, в рубашке в горошинку и в белых штанишках. Насытившись материнским молоком и переодетая во все свежее белье, девочка заснула крепким сном.

Извинившись за беспокойство, Ева сделала попытку взять спящую дочурку на руки, но Вика с улыбкой произнесла:

– Да пусть она останется у нас на немного. У нас молодой жених спит уже как час. Он спит как убитый, даже не зная о том, что рядом с ним спит такая красивая невеста...

После этих слов все женщины весело рассмеялись. Чувствуя поистине материнскую заботу Анны Ивановны и ее дочери Вики о своей девочке, Ева согласилась оставить «безмяшку» у соседней на время сна. Да и малышка, наверное, была не против того, чтобы основательно выспаться в гостях. Она очень крепко спала «калачиком», повернувшись на бочок. Молодой матери также не хотелось тревожить дитя малое, не дай Бог, оно могло проснуться во время «транспортировки». Женщины и на том порешили. Ева заберет девочку в свое купе после того, как сама малышка проснется. Вика обязалась известить Еву об этом.

Покинув гостеприимное купе, Ева направилась в свое купе, дверь которого была закрыта. Кротиха тихонько постучала в дверь. На стук никто не реагировал.

– Наверное, Гоша куда-то ушел, а может даже уже и спит, – подумала про себя юная пассажирка и направилась к окну в коридоре вагона.

Время было где-то уже около восьми вечера. Пролетающие через окно вагона деревни и другие полустанки постепенно одевались в пелену надвигающихся вечерних сумерек. Это было особенно заметно, когда поезд проносился среди густых лесов. Наблюдение за всем тем, что пролетало в темном окне перед Евой, неожиданно прервал Гоша, только что вышедший из купе. Мужчина был в черных брюках, в белой рубашке и при галстукке в полосочку. Только сейчас девушка поняла, почему никто в купе на ее стук не отвечал. Гоша переоделся и переоделся ради молодой девушки, ради Евы. Так думала Ева, а может ей просто так хотелось думать...

Гоша обратился к Еве как к давно уже знакомой девушке:

– А куда наша молодая мама девала свою дочь?, – опять весело, как и раньше, спросил мужчина. При этом он широко открыл рот и обнажил белые зубы. Красивые зубы Гоши Еве понравились. Ей на какой-то миг стало не по себе, когда она вспомнила кривые зубы Генриха Петровича, которые были желтого цвета от постоянного курения. Ева на вопрос мужчины, слегка покраснев, тихо ответила:

– Малышку, свою... Еву, я оставила там, в соседнем купе у Анны Ивановны. Она и Вика сказали, что после того как проснется девочка, они меня позвуют, Вот так...

Сказав это, Ева опустила голову вниз и начала кусать нижнюю губу. На какой-то миг она стояла как провинившаяся девочка, которая что-то «набедокурила» перед родителями и теперь держит ответ перед ними. В голове у Евы на какой-то миг появилась мысль о том, что надо незамедлительно забрать малышку у незнакомых людей, хотя и у очень приветливых. Эту мысль девушки, скорее всего, «разгадал» и Гоша, видя перед собою слегка покрасневшую Еву, которая стояла перед ним и о чем-то думала. Он улыбнулся, слегка притронулся рукой к плечу блондинки и также слегка подтолкнул ее в направлении к двери своего купе. При этом тихо, но почему-то уверенно сказал:

– Я думаю, что ты правильно сделала. Твоя Ева, наверное, как и ее мама, сильно устала. Сейчас малышка накушалась и пусть спокойно поспит. Я постараюсь за ней во время ее сна посматривать...

Слова Гоши успокоили Еву и она уверенно вошла в купе. Присев за столик, она устала в окно и опять стала наблюдать за тем, что проносилось мимо идущего на восток поезда. «Обозрение» за тем, что было за окном купе, для Евы было занятием вполне условным. В ее голове проносились всевозможные мысли. Главное ее успокаивало и давало силы для завтрашнего дня было то, что ее дочурка была накормлена, одета во все чистое и крепко спала. При мысли о том, что малышка накормлена, у самой Евы выделялась слюна. Она всячески старалась это скрывать от Гоши, который сидел напротив и в полутемном купе листал журнал «Огонек». У молодой девушки с раннего утра довольно часто «бурлило» в животе. Сейчас же в глазах от голода время от времени появлялись зеленые огоньки.

Гоша включил радио. В купе раздались сигналы точного времени. Передавали последние известия. Сидящие за столиком продолжали молчать. Каждый из них хотел что-то друг другу сказать, однако каждый выжидал удобный для этого момент. Иногда каждому из них казалось, что этот повод уже найден, но время проходило и никто не решался начать первым разговор. Среднего возраста мужчина и очень молодая девушка изредка бросали взгляд друг на друга и только. Ева, в который уже раз рассматривая физиономию Гоши, не могла не заметить того, что он чем-то был взволнован. Ее напарник по купе иногда украдкой смотрел на часы и то ли от какого-то волнения, то ли от какого-то ожидания поглядывал на дверь. Диктор закончил читать последние известия.

Из радио полилась легкая музыка. Впервые в жизни Ева наслаждалась такой прекрасной музыкой. До этого момента она не имела возможности это делать, так как в ее избушке радио не было. Да и спокойствие, и тишина до этого времени никогда еще в жизни не посещали душу молодой селянки. Темнота все решительнее брала верх над светом. Купе все быстрее и быстрее оказывалось в плену у темноты. Гоша щелкнул выключателем. Вверху в купе вспыхнул яркий электрический свет. Он показался для Евы таким ослепительным, что она даже на миг закрыла руками свои глаза. Девушка радовалась свету. Ей уже не хотелось «глазеть» в окно и рассматривать постепенно темнеющие силуэты деревень и еле заметные очертания лесных массивов.

Неожиданно кто-то уверенно и сильно постучал в дверь купе. Гоша слегка вздрогнул, отложил журнал в сторону и затем неспеша пошел открывать дверь купе. После того, как Егор Егорыч открыл дверь, неожиданно для Евы в дверях появился довольно худой мужчина во всем белом. Колпак на его голове также был белого цвета. Теперь девушка нисколько не сомневалась в том, что это был официант или даже повар из вагона-ресторана. Гоша на какое-то время прикрыл дверь купе. Двое мужчин оказались за дверью наедине. О чем они говорили Ева не слышала. Разговор мужчин для юной пассажирки остался тайной. Он был не очень продолжительным. Вскоре раздался стук в дверь. Затем открылась дверь и появился Гоша. Он был очень веселым и одновременно неподдельно торжественным. Плотнo прикрыв за собой дверь, он полупшепотом произнес:

– Прошу внимания, моя молодая и очень красивая Ева... Вечерний бал для нас с тобою на сибирской земле начинается!

Затем он исчез опять за дверью и появился вновь в купе через десять-пятнадцать секунд. Появился не один, а с тележкой, на которой были различные блюда и напитки. И от всего этого исходил приятный запах, от которого Ева чуть-чуть не оказалась в обмороке.

Девушка из глухой сибирской деревни за свою довольно короткую жизнь такого изобилия продуктов и напитков не видела. Не говоря уже о том, что она их не кушала или не пила. Она даже не знала наименование некоторых блюд и яств, что были на тележке. Однако беглый взгляд красивой блондинки на все это съестное «сокровище» позволил и ей определить

изысканность блюд и напитков. Здесь была бутылка советского шампанского, бутылка пятизвездочного коньяка. В стеклянном кувшине был еще какой-то напиток или сок. На тарелках были аккуратно нарезаны кусочки колбасы и сыра. В одной тарелке Ева заметила ярко красные кусочки рыбы...

Дальше разглядывать то, что лежало на стеллажах тележки Кротиха посчитала неприличным занятием и решительно отвела глаза в сторону. Глубоко вздохнув, затем взглянула на Гошу. Смотря на мужчину, молодая женщина отчетливо поняла, что все это изобилие для нее. Гоша, в свою очередь, глядя на Еву, прекрасно видел и понимал, что напитки и кушанья «ошарашили» молодую даму. Это его очень радовало и придавало новые силы. Он, как заправский официант, ловко вкатил тележку в глубину купе, закрыл дверь и громко произнес:

– Дорогая моя, Татьяна...

После этих слов он немножко смутился, даже покраснел. Затем, прямо глядя в глаза Евы, опять произнес:

– Сегодня наш день с тобою... Ева, ты слышишь меня? Мы сегодня должны отметить нашу встречу, моя девушка...

Юная мама от съестного и напитков решила не отказываться. Голод о себе заявлял все больше и больше. Терпению молодой крестьянки приходил конец. Мысль о том, чтобы достать остатки хлеба и кусочек вафлей из сумки, которая лежала под столиком и скушать оставшиеся припасы, приходила в голову девушки уже давно. Однако «трапеза» с такими продуктами, да и еще при таком мужчине, Еве представлялось явно не приличным занятием. Ей не хотелось выглядеть отсталой женщиной. К тому же, Гоша с каждой минутой почему-то все больше и больше ей нравился.

Сейчас же, увидев такое изобилие продуктов и напитков, блондинка решила не гнать «картину». Она улыбнулась, и пристально посмотрев в глаза мужчины, без всякого стеснения произнесла:

– Я согласна с тобою, чтобы этот вечер был только для нас двоих. Хотя мне как-то не очень удобно перед Вами. Мы ведь мало друг с другом знакомы...

Больше девушка ничего не стала говорить. Она быстро взяла полотенце, лежащее на верхней полке, и выскочила из купе. На пути в туалет Ева тихонько подошла к двери купе, где оставила свою дочку, и прислушалась. В купе была полная тишина. Это означало, что ее малышка спит и не служит источником беспокойства для тех, кто приютил девочку на короткое время.

В туалете Кротиха пробыла довольно долго, даже успела поплакать, причиной этому был ее убогий внешний вид. Закрыв дверь туалета, она долго разглядывала себя в зеркале. В своей фигуре, да и в физиономии она находила многое положительного, даже очень. Проблема состояла в ее одежде, та ее явно не устраивала. Даже ее любимая косынка в этом заведении не смотрелась, не говоря уже о трусах, которые она носила довольно продолжительное время.

К приходу Евы в купе стол угощений уже был накрыт. Лыбин, как он это считал сам, приготовил все «по чину». Успел даже достать из своей сумки «Шипр» и брызнуть несколько капель на себя, приятный запах мужского одеколона царил в купе. Почувствовала это и блондинка, едва перешагнула порог купе. Глядя на мужчину, она от всего своего сердца и от всей своей души благодарила Бога за то, что все так хорошо с ней произошло несколько часов назад.

На правах хозяина Гоша пригласил девушку за стол, сейчас для нее здесь все было необычно. И этот свет, и этот столик, на котором было немало изысканных блюд, и это тихое постукивание колес поезда. Все располагало к спокойствию, даже к любви... Это почувствовала Ева, как только Гоша наполнил два бокала шампанским. Затем он привстал из-за столика, взял свой бокал, и чокнувшись с девушкой, торжественно произнес:

– Моя дорогая незнакомка, я предлагаю тост за любовь, которая движет жизнью, дает надежду на эту жизнь, дает надежду на лучшее завтра. Я сегодня очень счастлив, что могу помочь хоть чем-то в жизни такой девушке, как Вы, Ева...

Сделав акцент на слове «Вы», Гоша слегка притронулся своей рукой к руке блондинки, в которой она держала бокал с шампанским. Даже это очень короткое прикосновение руки Лыбина для Евы оказалось достаточным, чтобы почувствовать теплоту, даже симпатию мужчины, который всего несколько часов назад был для нее незнакомым и чужим, а сейчас становился все более привлекательным. Девушка выпила бокал шампанского сразу, ей просто хотелось как можно быстрее почувствовать прохладу и приятный вкус игристого вина. Затем принялась за еду. Старалась кушать не торопясь, хотела показать то, что она раньше не испытывала страшное чувство голода. Однако ей это только казалось. Гоша, наблюдая за тем, как кушает его незнакомка, прекрасно понимал и видел, что его пассажирка явно голодна и поэтому сам стремился пережевывать пищу как можно медленнее. Бокал шампанского чуть-чуть дал бодрости сидящим для разговора. Однако, не зная даже почему, никто опять не начал разговор первым. Ева при появляющемся желании первой завести разговор, сознательно «тормозила» себя. Она боялась, что собеседник сразу же найдет ложь в ее разговоре. «У мужчины могут возникнуть вопросы ко мне об моей жизни, а там темный лес», – думала про себя юная Кротиха и поэтому молчала. О чем думал Гоша, внимательно смотревший на нее, она, конечно, не знала, да и не могла знать.

Лыбин, увидевший то, что молодая пассажирка на какое-то время погрузилась в свои размышления, быстро открыл бутылку коньяка и наполнил им два маленьких стаканчика. Он второго гостя не произнес, только быстро опрокинул содержимое в рот и ничего не кушая, стал молчать. Таким же образом с своим коньяком поступила и Ева, тот оказался для красивой особы куда «страшнее» шампанского. Она сразу же почувствовала в этой слегка коричневой жидкости запах не то муравья, не то другого насекомого, который остался для нее непонятным. В отличие от Гоши Ева сразу же принялась за котлету с картофелем, надеясь таким образом как-то «подавить» жгучесть крепкого алкогольного напитка.

Увлеченная котлетой с гарниром, она не заметила, как мужчина из своей сумки достал фотографию и стал ее очень пристально рассматривать.

– Ева, посмотри на эту фотографию. Ты здесь ничего интересного не находишь?, – спросил он у девушки и подал ей фото.

Блондинка с недоверием, даже с определенной долей страха взяла фотографию в свои руки. Фото было довольно старое, но качество его было неплохое. Посмотрев на фотографию, Ева чуть было не вскрикнула: «Да это же я!». Однако сразу же прикусила себе язык. Молодая девушка на фотографии была поразительно похожа на ту, которая сидела в купе с Гошей. Только белые волосы незнакомки были коротко подстрижены. В принципе только короткой прической она отличалась от Евы, имеющей толстую белую косу. Нескрываемое удивление Евы заметил и Гоша. Он в этом несколько и не сомневался, поэтому сразу же с восхищением произнес:

– Ну что? Я тебе же говорил, что ты как две капли воды похожа на эту девушку Татьяну. Даже при знакомстве с тобою я назвал ее имя...

Затем, немного подумав, он уже более серьезно сказал:

– А ведь эта была моя первая любовь, а может и последняя. Да и я сам в свои сорок пять не могу понять, есть или нет настоящая любовь в этом человеческом обществе. Тридцать лет назад она для меня была единственной, да еще какой!...

Дальше Гоша ничего говорить не мог, его глаза стали влажными. Для того, чтобы подавить свою сиеминутную слабость, он налил себе коньяка, затем и девушке. Очередная порция спиртного «развязала» ему язык и одновременно усилила неподдельный интерес молодой особы к тому, о чем начал вести свой разговор импозантный мужчина.

Глава четвертая.

В омуте чужой любви

Молодой Егорка влюбился в Таню, как говорят в народе, с самых пеленок. Только на полгода раньше родился мальчик, чем девочка. Детство, школьные годы они провели вместе. Да и жили они также рядом. Дома в деревне, где они родились, находились друг напротив друга. Эти дома разделяла только шоссе. Уже в восьмом классе Гошка, так называли мальчика всегда и везде, стал осознавать о том, что соседка Таня все больше и больше нравится ему. Взрослеющий паренек все делал для того, чтобы понравиться девочке, которая не по дням, а по часам стала превращаться в настоящую красавицу. Что только хорошего не делал молодой кавалер для своей возлюбленной: помогал решать трудные задачки по математике в школе и дома, носил за нее портфель в школу и назад домой. Даже успевал кое-что «принимать» на себя из части хозяйственных обязанностей, которые должна была выполнять девушка у себя в доме. Ни раз, и ни два, влюбленный по уши полонил огород в летние месяцы за девушку-соседку, которая в это время читала книгу в саду, покачиваясь в гамаке.

Время для молодых бежало довольно быстро. Да и жизнь вносила свои коррективы. У Гошки к десятому классу появилась проблема, да и притом довольно серьезная. Его невеста становилась не только краше и стройнее, но и с каждым днем становилась рослее. Однажды зимой, в год выпуска, в школу приехала группа врачей из района с целью медицинского обследования сельских учеников. Для Гошки результат был неутешительным. Он был на целых пять сантиметров ниже, чем Таня. Десятиклассник не находил себе места, даже решил изменить тактику всевозможных походов со своей подругой. Когда сопровождал свою невесту в школу или домой стремился идти чуть-чуть впереди Тани или позади ее, дабы хоть как-то стереть «превосходство» одноклассницы в росте. Гошка своим детским умом понимал то, что его невеста из-за его «росточка» может незаметно «уплыть», тем более, в родной его деревне все мужья в семьях были выше своих жен.

Неудачник решил не сдаваться, стал заниматься спортом. Даже для себя нашел друга по несчастью Мишку Худорошко, который также не «дружил» со своим ростом. Ребята стали напряженно заниматься спортом, даже все березовые чурбаны десятилетней давности за своими огородами топором раскололи, дабы накачать силы и прибавить в росте. Но увы... Сила у Гошки Лыбина прибавлялась, а вот с ростом проблема не разрешалась. Татьяна же без всякого напряжения брала верх над молодым парнем. Наблюдая за великим усердием жениха, невеста только посмеивалась, но дружбы с соседом не разрывала. Да и эта дружба для Татьяны была, скорее всего, просто дружбой молодых соседей. Она не относилась к сфере любовных отношений. Чем взрослее становились соседи, тем отчетливее понимал Гошка бессмысленность своих притязаний на любовь к соседке-красавице. Они за все время дружбы, даже уже будучи взрослыми детьми, так и ни разу не поцеловались. Только однажды Татьяна позволила себе поцеловать своего вечного ухажера, да и то в щечку. «Пылкой» любви у нее к Гошке никогда и не было, если бы не случай...

Дело это было в период сдачи государственных экзаменов. В деревню приехали трое ребят из областного центра для помощи совхозу. Городские ребята были нагловатые, да и это было вполне понятно. Для них ребята из глухой деревни были не в счет. Как правило, тройка вечером приходила в клуб «на рогах» и довольно часто «буянила». Сельские ребята в основе своей не приструнивали городских забияк, чуть-чуть трусили. К этому же, многие из деревенских жили и работали в областном центре и поэтому боялись возможных ответных действий, которые могли «организовать» эти трое, находясь в своем родном городе.

Татьяна, как самая красивая девушка в деревне, оказалась в центре внимания приезжих. Да и самой девушке очень нравились ухаживания тройки. Преимущество городских еще состояло и в том, что у них водились деньги. Эти деньги ребята получали от завода, да и совхоз оплачивал их труд. «Невеста» Гошки постепенно, но уверенно уходила из поля зрения страдающего паренька. Весомой причиной этому являлись и подношения, которые устраивали городские для сельской красавицы. Из города для нее они привозили кое-что из одежды, сладости брали в местном магазине. Больше всех девушка любила зефир, она «уплетала» его, невзирая ни на что и ни на кого. С глубоким сожалением наблюдал Гошка за своей подругой детства и все больше ненавидел городских. Он, как молодой хищник, жаждал расплаты за то, что его любовь отдавала пальму первенства не ему, а этим подпитым парням. И этот час расплаты наступил для него, притом очень быстро.

Возмездие состоялось в тот день, когда десятиклассники сдали экзамен по математике. Гошка в этот вечер пришел в клуб немного позже, фильм уже прокрутили. Взрослых в клубе не было, осталась только молодежь. Татьяна, как всегда, была в центре внимания городской тройки. Девушка с парнями стояла в нескольких метрах от входной двери клуба на улице и громко шелкала семечки, шелуха от которых то и дело веером падала на землю. Лыбин, подошедший к главному входу, не мог не заметить того, что «старшой» из городской тройки был чересчур пьяный. Парень также был долговязым, как верзила, имел продолговатую голову и длинные руки. Порою казалось, что он мог и без труда ходить и на руках, держа за пазухой свои ноги. Гошка сначала намеревался войти в клубный кинозал и «засветиться» перед своими деревенскими корешами. Однако визит пришлось отложить.

Причиной этому явилось то, что городской авторитет, окосевший от «водяры», начал приставать к Татьяне. Он без всякого стеснения кричал:

– Я тебя, красавица, хочу иметь... Тебе что, соска, не понятно? Я хочу тебя...

Далее просьба кавалера сопровождалась такой отборной матерщиной, что даже сторож бабка Акулина Мякишева, постоянный ветеран молодежных вечеринок в клубе, невольно закрыла свои уши и стала шептать себе под нос, скорее всего, это было что-то из молитвы. Потом верзила под дружное «ржание» своих собутыльников стал заламывать руки девушки, та не на шутку испугалась. Чем закончится все это «представление», Гоша выжидать не стал. Он незаметно подошел к тройке и уловив момент, когда верзила выпрямился, резко подскочил к нему. На какие-то доли секунды десятиклассник даже испугался, когда оказался рядом с городским. Он был ему под «пупок». Однако отступать было некуда и некогда. Школьник занес правую ногу несколько назад по отношению к долговязому и одновременно правой вытянутой рукой ударил соперника в грудь. «Подсечка» получилась неплохой, противник мгновенно упал, растянувшись на земле. Головой он «дотянул» до полусгнившего крыльца. Гошка даже слышал как звякнули зубы у верзилы. Городские явно не ожидали такой наглости от «деревни» и быстро решили исправить ситуацию. Они жаждали расправы с неказистым пареньком. Развязка могла наступить очень быстро и не в пользу школьника Лыбина. Однако все пошло совсем по другому сценарию. Откуда ни возьмись появился Мишка Худорожко, Гошкин друг «по несчастью». Он был в легкой курточке и в красной шапочке на голове. Шапочку он практически летом не снимал, для этого были определенные основания. Мишка во время экзаменов довольно часто вместо отца пас совхозных коров и целый день был на жаре. Шапочка спасала юношу от солнца, да и от постоянно наседающих паутов. Легкую курточку школьник носил также неспроста, носил тогда, когда где-то пахло «жареным». Сегодня до пастуха дошла информация, что городские с раннего утра «цифирили», что могло привести к разборкам среди молодежи, в первую очередь, в клубе. Для исключения оных, да и для самозащиты школьник прихватил самодельный обрез. Мишка сделал его в кузнице, в строгой тайне от отца. Из обреза «оружейник» лично сам ни разу не стрелял, боялся большой отдачи при стрельбе. Куртка служила у него своеобразным прикрытием для оружия, дабы не пугать жителей деревни.

И сегодня, увидев происходящее и то, что его лучшему другу Гошке угрожает опасность, Мишка решил действовать наверняка, решительно и быстро. К месту разборки он прибежал вовремя, основные баталии еще не начались. Не успел еще один из городских и руку занести для удара Гошки, как пастух приставил обрез с взведенным курком к животу «агрессора». Тот не ожидал такой развязки и явно трухнул. Руки нападающего стали трястись, левая нога у городского задержалась. Страх перед оружием внес свои коррективы. Городской, который несколько секунд назад грозился «деревне» набить морду, перед сельскими ребятами залезбил:

– Ну, ладно, паря, я просто хотел с ним пошутить... Я... я... Мы... хотим с вами хорошо жить...

Дальше парень ничего не мог сказать, страх на какое-то время лишил его дара речи. Мишка и сам немного испугался, когда увидел болезненное выражение несостоявшегося обидчика друга Гошки Лыбина. Пьяная троица покинула клуб сиеминутно. Постепенно пришла в себя и Татьяна, она была в восторге от того, что вся эта «перепетия» так хорошо для нее закончилась. Блондинка подошла к Гоше, и поцеловав его в щечку, ласково и с улыбкой произнесла:

– Спасибо тебе, Гошенька, мой цветочек и хранитель... Я даже не знала, что ты такой мужественный и сильный...

После этих слов девушка с гордо поднятой головой пошла в сторону дороги, ведущей к ее дому. Гошка и Мишка весело улыбнулись и крепко пожали друг другу руки.

Ева с большим вниманием слушала своего собеседника. Интерес к истории любви мужчины к красивой женщине у сельской девушки был неподдельный. Впервые в своей жизни она хотела не только послушать эту историю, но и в какой-то мере самой почувствовать страсть этой любви, которую испытал ее собеседник. Ева сейчас не горела желанием задавать какие-либо вопросы рассказчику, которого знала всего пять часов. Она только смотрела на Лыбина и во время его монолога иногда кушала все то, что ей нравилось. Порою Гоша останавливался, переводил дух. Брал бутылку коньяка и наливал его в маленькие рюмки. Одну для себя, другую для блондинки. Тостов, как таковых, никто не произносил.

Лыбин во время своего монолога уже не мог не замечать, что после очередной, хотя и не очень большой порции спиртного, большие голубые глаза его собеседницы становились все более теплыми и страстными. Все это придавало ему новые и новые силы, чтобы рассказывать историю своей поистине трагической любви к Татьяне без всяких прикрас, показать ее такой, какой она была на самом деле.

Ева и на самом деле сопереживала вместе с мужчиной, и радовалась тому, что он по уши влюбился в красивую школьницу. Ее глаза становились грустными, ей хотелось плакать, когда девушка, неизвестная ей, отвергла любовь молодого парня. Крогитха к концу монолога уже не сдерживала слез. Ей было жаль человека, у которого и в будущем жизнь сложилась неудачно...

После окончания десятилетки Гошка Лыбин рванулся поступать в военно-морское училище. Но увы, не поступил... Не прошел по конкурсу. На следующий год поступил в ветеринарный институт, стал учиться на ветеринара. Татьяна экзамены сдала сразу же и очень успешно, и стала учиться в университете на историческом факультете на Дальнем Востоке. Гоша, несмотря даже на то, что его любимая училась так далеко от Ктомска не падал духом. От Ктомска до города, в котором училась Татьяна было где-то около двух тысяч километров. Первая встреча Гоши с Татьяной произошла сразу же после первых каникул девушки, когда она приехала в родную деревню. Студентка была очень довольна встрече со своим одноклассником. Она все время тараторила о том, чтобы Гошка не падал духом после неудачного поступления в военное училище, а искал для себя другое высшее учебное заведение. Как и раньше, Гоша сопровождал Татьяну всегда и везде. Поцелуев у них все еще не было. Все встречи заканчивались теплыми рукопожатиями. В следующий раз Татьяна приехала на летние каникулы в свою родную деревню Васильковку только через два года. К этому времени Гошка закончил два курса

ветеринарного института. За два года Татьяна сильно изменилась, при этом только в лучшую сторону.

О том, что на каникулы приезжает Татьяна, Гошка узнал от ее родителей. До этого парень писал своей любимой очень много писем, но она по непонятным для него причинам не отвечала. Быстрее лани примчался студент к дому Парфеновых, где жили родители Татьяны. Родители привезли свою дочь-красавицу с разезда на «Запорожце». Студентка прямо возле дома попала в теплые объятия своих родных и близких. Все они от мала до велика гордились Татьяной: кто своей дочерью, кто своей родственницей, а кто и просто своей селянкой. Еще раньше от родителей Татьяны Гошка узнал о том, что их дочь в университете учится очень хорошо и подумывает об аспирантуре.

За встречей родственников с приехавшей Татьяной, Гошка наблюдал из-за кустов густой акации в саду Парфеновых. Что-то в душе заскребло у паренька, когда он со стороны увидел свою одноклассницу после двух лет разлуки. Татьяна превратилась в настоящую красавицу. Затаив дыхание, Гошка продолжал наблюдать за тем, как Татьяна радостно рассказывала своим близким о приключениях, с которыми она добиралась до своей деревни с Дальнего Востока. Даже на расстоянии двадцати метров, которые отделяли парня в «засаде» от Татьяны, Лыбин заметил резкие перемены в облике своей соседки. Ему казалось то, что он улавливал из-за кустов даже запах тела девушки, который стал иным, более приятным. Студент-ветеринар все и вся в будущей историчке находил совершенным: и эти короткие белые волосы с челкой на красивом прямом лбу, и эти точеные загорелые ноги, которые прикрывала синяя короткая юбка. В период невольного «обозрения» приехавшей, Гошке казалось и то, что Татьяна заполонила запахом красоты всю деревню, которая, по-новому стала дышать и жить.

В этот вечер Гошка Лыбин к Татьяне Парфеновой в гости не пришел, хотя этой встречи ждал целых два года, которые показались для него целыми десятилетиями... Не встретился Гошка со своей любимой и на следующий день, ни через неделю. Для этого были определенные причины. На следующее утро после приезда Татьяны Гошку вызвали в контору. Управляющий отделением проинформировал студента о том, что в деревню звонила мать его друга из города и просила Гошку очень срочно приехать, так как ее сын попал в автомобильную катастрофу. Однокурсник лежал в тяжелом состоянии в больнице. Гошка выехал к другу в тот же день. Три дня и три ночи провел Лыбин в больнице возле постели своего друга, который, к сожалению, здесь и скончался. Отдавая дань уважения памяти друга, Лыбин помогал как мог его матери в трудную минуту ее жизни. Три дня пробыл Гошка в городе и после похорон Петра.

Только через десять дней приехал Лыбин в родную Васильковку. Все это время, несмотря на потерю друга, парень душой и сердцем был рядом с Татьяной. Но увя... Встретиться с любимой девушкой в этот раз не удалось. Татьяна, побыв в деревне неделю, уехала с родителями на юг, на море. Оттуда девушка собиралась лететь самолетом на Дальний Восток, в свой университет. От досады Гошка плакал. Уж больно хотелось ему увидеть свою любимую и поговорить с ней. Еще на могиле только что умершего друга он дал себе слово в том, что он в первые минуты встречи с Татьяной скажет ей о том, что он ее любит. И любит так, как никто на этой земле.

Не получилось у Гошки с признанием в любви к Татьяне и в последующие четыре года. С болью в сердце изредка заходил Гошка в дом через дорогу, где жили родители Татьяны. Они прекрасно знали, зачем и почему навестил их молодой сосед. Они в один голос говорили о том, что их дочь не имеет возможности приехать в Сибирь по причине усердной учебы. От них Гоша узнал и о том, что Татьяна получила красный диплом после окончания университета и уже учится в аспирантуре. Молодого соседа эта информация очень радовала. К тому же, Парфеновы сказали ему и о том, что дочь в одном из писем заявила очень серьезно следующее: до защиты кандидатской диссертации она ни только не приедет в Васильковку, но и не будет выходить замуж.

Заверения пожилых людей дали очередную надежду ветеринару на будущее. Красота Татьяны, а может и первая любовь парня к своей молодой соседке, заставляли влюбленного «работать» над собой во всех направлениях. Главный недостаток парня – рост, давал день и ночь о себе знать. В том, что Татьяна опять «пошла» хоть и не намного ввысь, он убедился в саду, когда наблюдал из-за акации за молодой соседкой во время ее встречи с родственниками. Во время учебы в вузе студент доводил себя до изнеможения. Каждый вечер он пропадал в спортзале: занимался с тяжестями, бегал, с невероятным усилием колотил руками боксерскую грушу. За год подрос на целых пять сантиметров. Однако той, с кем он так настойчиво хотел соизмерить свой рост, не было.

Татьяна появилась через полгода в родных местах после того, как Гошку Лыбина, как молодого специалиста, направили в совхоз, который находился в пяти километрах от районного города Баклуши. Ветеринар был очень доволен распределением: как никак город рядом, да и в любое время можно побывать в родной деревне. Образ Татьяны не выходил из головы специалиста ни днем, ни ночью. Надежда на брак с Татьяной, даже ее маленькая капелька давала молодому мужчине силы для работы. Любимая соседка появилась у него в доме, где одну из комнат снимал совхозный ветеринарный врач, вечером, когда лучи солнца последнего дня мая собирались уходить с небосклона. Лыбин пришел домой поздно, где-то около девяти вечера и был приятно удивлен тому, когда хозяйка с улыбкой сказала о том, что постояльца в его комнате ждет молодая особа, притом очень красивая. Ни о чем не думая и ничего не видя перед собой, Гошка рванулся в свою комнату. Мысль о том, что этой красивой особой может быть только Татьяна и никто другой, пронзила мозг ветеринара. Гошка резко открыл дверь своей комнаты и не верил своим глазам, своему сердцу и своей душе. За его письменным столом сидела Татьяна...

Она сидела за столом и листала одну из книг из серии «Жизнь замечательных людей». Гошка любил книги о героях Советской власти и поэтому читал эти книги всегда и везде, как только находил свободную минуту. Татьяна заметила как вошел Гоша и быстро встала из-за стола. Затем она отошла от стола на метра два в сторону и остановилась. Гошка также стоял возле двери и почему-то даже на правах хозяина не мог сделать ни шага в сторону своего письменного стола, где совсем недавно сидела та женщина, которую он знал всю свою жизнь и также ждал ее целую вечность. Молодому человеку было стыдно за себя, что силы его оставили и он ничего с собою не мог сделать. «Работали» только его глаза, которые «пожирали» эту красивую особу и «давали» информацию «туда», где он уже сам понимал то, что Таня, Татьяна сама пришла к нему.

Только зачем и почему она приехала в эту деревню именно сегодня, Гошка почему-то не знал, а может даже и не понимал. Ему, конечно, очень хотелось, чтобы Татьяна приехала именно сюда, именно сегодня и только к нему, а не к кому другому. «Да и это вполне заслуженно, и это именно я, а никто иной, страдал все эти годы», – думал про себя Лыбин. Ни день и ни год носил он в своей голове, в своем сердце эту особу, которую звали Татьяна. Какие только истории не «строил» молодой Лыбин, но везде и всегда главную роль в них он отводил Татьяне, которая была и оставалась главной героиней его фантазий. Только здесь и сейчас, стоя возле двери комнаты, в которой была Татьяна, мужчина по-настоящему сожалел, что за четверть века он так и ни разу ее не поцеловал...

Татьяна, так же как и Гошка, стояла и не решалась сделать хотя бы еще один шаг навстречу вошедшему мужчине. Она, как и вошедший, стояла и внимательно разглядывала того, который любил ее, любит и будет любить ее до конца своей жизни, даже какой бы она не была. Она это прекрасно понимала и знала, как никто иной на этой земле. Красивую блондинку это очень радовало. Ее так же радовало и то, что ее «извечный страдалец» внешне изменился и притом в лучшую сторону. Первое, что отметила про себя гостья, было то, что тот, к кому она приехала, довольно хорошо вытянулся, подрос, и скорее всего, догнал, а может даже

и перегнал ее ростом. Черные, слегка вьющиеся волосы Гошки очень были к лицу ему и к тем глазам, которые так жадно ее разглядывали. Дальше особенности молодого мужчины она не стала изучать. Ей стало казаться, что молчание длится уже целую вечность и она первой решила его нарушить.

Татьяна, улыбаясь, уверенно подошла к оторопевшему хозяину и также уверенно протянула руку для приветствия. Протянул для взаимного приветствия руку и Гоша, который, только сейчас начал кое-что «копировать» из окружающей его действительности. Поздоровавшись, гостя после некоторого раздумья произнесла:

– Вот, мой светик, я и приехала к тебе, думается, приехала навсегда. Я ведь знаю, что ты меня любишь и любишь очень сильно, ты ведь не такой как все, я ведь это точно знаю...

Сказав это, она быстро обняла мужчину, который все еще не «копировал». Трудно было предсказать то, что мог думать молодой мужчина о красивой женщине, которая только что сказала такие очень важные для него слова. Гоша, наверное, еще полностью и не осознавал значения этих слов. Однако в том, что эти слова адресовались ему и больше никому, он уже не сомневался. Он решительно подошел к собирающейся уже было садиться за стол Татьяне, и крепко ее обнял. Затем крепко поцеловал ее в губы. Девушка не сопротивлялась. Поцелуй получился долгий и страстный. Во время поцелуя Гошка ощущал теплоту женских губ красивой женщины, которая была мечтой всей его жизни. Он чувствовал запах ее духов, привкус губной помады. И это все пьянило Лыбина, придавало ему новый импульс чувств и страсти к этой поистине чертовски красивой женщине...

До полуночи просидели вдвоем за письменным столом два молодых человека, он и она. Каждый рассказывал о своем прошлом. Гоша рассказывал больше, да и жизнь его была, наверное, на виду у всех и без всяких тайн. Татьяна больше рассказывала о своих научных исследованиях и о том, как это интересно, но очень тяжело. По подсчетам Гошки до кандидатской диссертации Татьяне оставалось «тянуть ляжку» еще около двух лет. Любопытство взяло верх и уже перед тем, как Гоша стал готовить постель к ночлегу, он мимоходом спросил свою любимую:

– Таня, а когда мы будем обмывать твою кандидатскую? – Татьяна громко рассмеялась. Потом не то со вздохом, не то с сожалением произнесла – Наверное, еще не скоро, я ведь сейчас соискательница...

На какое-то мгновение ответ Татьяны обескуражил ветеринара, но ненадолго. В этот момент ему было не до сроков защиты кандидатской диссертации. Разум у Гошки отступал на второй план. Желание, как можно быстрее овладеть этим красивым, стройным телом, о котором он уже не один десяток лет мечтал, брало верх. Страсть насытиться женской красотой и телом, испытать чашу удовольствия до самого дна, стали преобладать перед его рассудком. Да и к этому все предрасполагало: и спиртное и этот теплый вечер, и, конечно, эти обвораживающие голубые глаза любимой женщины.

Гошка ни о чем уже не спрашивал Татьяну, а делал все то, что ему подсказывали чувства, его страсть как мужчины. Лыбин, словно пушинку, взял Татьяну на руки, которая до этого сидела за письменным столом. Блондинка нисколько не сопротивлялась нахлынувшим чувствам своего бывшего одноклассника. Она не сопротивлялась и тогда, когда молодой мужчина, страстно осыпая ее лицо поцелуями, понес ее в постель и стал лихорадочно раздевать. Через какие-то секунды она уже лежала перед Гошей нагая. Эта нагость пьянила парня, который еще ни разу в жизни не владел женщиной. Татьяна, как и раньше, не отталкивала своего партнера, но и не отвечала на его страстные поцелуи взаимной страстью. Гошка этого не замечал. Он даже боялся того, что вот-вот эта красивая женщина его отторгнет, и он уже никогда в своей жизни не получит больше возможности ее даже видеть. И этот страх заставлял мужчину действовать более решительно. Он быстро снял свои трусы и сделав страстный поцелуй, ввел свой пенис между ног Татьяны... Все для него это почему-то получилось очень просто. Через

какую-то долю секунды он почувствовал такое ощущение, которое он никогда еще в жизни не испытывал. Только тогда, когда он понял, что он впервые в этой жизни стал мужчиной, Гошка успокоился.

После окончания полового акта он уже четко осознавал, что теперь Татьяна стала его женщиной, образ которой до этого момента не давал ему покоя, будоражил всю душу и сердце. Теперь для него, как ему казалось, его жизнь приобретает совсем другой смысл и совсем другие ценности. С этой мыслью он крепко заснул.

Утром Гошу ждала очень приятная новость. Проснувшись Татьяна, наверное, доселе наблюдавшая за спящим парнем, ласково чмокнула его в щеку и тихо шепнула:

– Егор Егорыч, я хочу стать с этого момента твоей женой и повелеваю тебе в скором будущем готовить свадьбу. Я ведь Татьяна, которую ты сильно любишь и сегодня я отдалась тебе, как женщина... Ты ведь счастлив?... Я в этом нисколько не ошибаюсь...

Слова, сказанные блондинкой, чем-то напоминающие эпизод из сказки Пушкина, расшевелили Гошку. Он был чрезмерно счастлив тем, что Татьяна сама предложила это, что «это» он очень сам хотел сказать, но почему-то стеснялся, а может даже и боялся это сказать.

Свадьбу сыграли через пару недель, в середине июня. Состоялась она в родной деревне молодоженов. День свадьбы опять исходил от невесты, жених не стал этому перечить. Да и это было вполне понятно. Гошка готов был выполнить любое указание, любую просьбу своей любимой, которая для него на этой земле было всем. Деревенские свадьбы во многом похожи друг на друга. Практически все селяне проходят это семейное торжество, меняются только молодые. Ничего сверхестественного не было и на свадьбе у Гошки Лыбина с Татьяной Парфеновой. Однако «мелочи» поведения невесты и еще кое-что, даже в такой радостный и торжественный день для молодых, Гошка не мог не заметить. Эти «мелочи» исходили от Татьяны. При каждом тосте или здравнице в честь молодых невеста почему-то плакала. И это, Гошка, как человек, стремился понять и понимал это. Ведь его Татьяна простилась со своей вольной девичьей молодостью..

Однако один из эпизодов, в котором главной «героиней» была опять Татьяна, никак не умещался в голове у жениха. Да не только у него. Со стороны невесты среди приглашенных был офицер, капитан третьего ранга. Как и почему он попал на эту свадьбу для Гошки было загадкой. Жених доподлинно знал то, что среди родных невесты военных, как таковых, не было. Практически все танцы Татьяна протанцевала с этим военным. Жених, которого звали Гоша, и который работал ветеринаром, казалось, для Татьяны не существовал. С грустной миной наблюдал Гошка Лыбин за тем, когда видел светящуюся от радости свою невесту, которая до упаду танцевала с моряком. Ветеринар и сам завидовал офицеру. Молодому человеку, которому было около тридцати, а может и чуть-чуть больше, очень шла парадная форма. В какой-то момент Гошка даже стиснул зубы, сожалея о том, почему он отступил от стези морского офицера и не стал поступать опять в морское училище. Моряк в этот момент был в центре внимания свадебного пиршества, особенно среди пожилых его участников торжества. Каждый, кто был на свадьбе, хотел своими руками пощупать белый китель офицера.

К сожалению, под вечер, когда основная масса гулявших, покинула гостеприимный дом молодых и их родителей, морской офицер стал для жениха настоящим врагом. И в этом была виновата его любимая Татьяна. Невеста ближе к вечеру на какое-то время покинула свое «ложе», не сказав ничего об этом своему жениху. Гошка, оставаясь всегда и везде на торжестве без невесты, на этот раз не без оснований стал беспокоиться. Прошло где-то около десяти минут после того, как Татьяна вышла из-за стола. Гошка окинул взглядом своих гостей. И его сердце стало очень тревожно биться. Среди оставшихся гостей, которые располагались за двумя рядами столов, Татьяны не было. Не было среди них и офицера...

Пулей выскочил из-за стола Лыбин и рванулся, не зная почему в сад. Наверное, само сердце подсказало ему путь. Ни он, ни его сердце в своей тревоге не ошиблись. Татьяна и офи-

цер были в саду и сидели на лавочке, где-то когда-то маленькими детьми Гоша и Таня играли в детские игры. Сейчас же на том месте Татьяна сидела на коленях офицера, который ее целовал. Он осыпал страстными поцелуями ее лицо, шею, руки. Татьяна, глаза которой были полны слез, страстно ему отвечала. Стоящему, неподалеку от целующихся, Гошке Лыбину казалось, что это продолжается очень долго, целую вечность. На какое-то время Татьяна отошла от любовного шока и невольно бросила взгляд в сторону дорожки, ведущей в ограду дома и обомлела... Перед ней стоял Гошка, ее жених. Глаза их на какое-то время встретились и тут же отвернулись. Никто друг другу ничего не говорил. Все было и так ясно, без эмоций. Гошка с полными глазами слез, резко развернулся и быстро направился в сторону калитки...

Невеста на свое «ложе» вернулась минут через десять и села рядом с женихом. Она, словно и ничего с ней не произошло, завела непринужденный разговор со своей подружкой. Гоша, видя безразличие невесты к тому, что происходило на их свадьбе, изредка бросал взгляды в сторону весело хохочущей Татьяны. Что произошло в саду с его невестой, почему она страстно целовала военного, он так и не понял. Офицер больше не появлялся ни в этот вечер, ни на следующий день...

Гоша, уже изрядно выпивший, как и Ева, на какой-то момент прервал свой монолог. Во время своего «душевного очищения» он замечал иногда, как его спутница порою закрывала глаза. Сон начинал одолевать Еву, в крайнем случае, так казалось мужчине. Рассказчик спросил свою молодую слушательницу:

– Ну, как, не надоела тебе еще моя исповедь... Время уже позднее, наверное, уже двенадцать ночи по-местному, а может и даже больше... Нам, скорее всего, уже и спать пора..

Обращение мужчины на какой-то миг «вырубило» Еву из той жизни, о которой так интересно рассказывал Егор Егорыч. Она, стараясь показать свою «боеготовность», громко, даже слишком громко отчеканила:

– Да, Вы, не думайте, что я уже сплю... Я не отрицаю того, что иногда мои глаза закрываются, это просто так... Мне очень-очень нравится Ваша любовь... Я еще не против про нее послушать...

Ответ юной пассажирки рассмешил Лыбина. Он улыбнулся, затем непонятно почему принял серьезное выражение лица. Скорее всего, о чем-то или о ком-то думал. Через некоторое время вновь улыбнулся. Ева, не зная почему, также улыбалась. Наконец Лыбин собрался с мыслями и не то весело, не то с сожалением произнес:

– Ты еще очень молодая Ева, и, наверное, еще не все знаешь того, что в этой жизни надо за все платить, притом иногда очень-очень дорого... – Не закончив свою мысль, он вдруг встрепенулся и очень быстро произнес. – Ох, я забыл посмотреть твою малышку... Я побегу мигом и мигом прибегу...

После этого мужчина быстро открыл дверь купе и исчез в полутемном коридоре купейного вагона.

Еве Крот Еве также была нужна эта передышка, так как монолог мужчины продолжался довольно долго. Она сняла свои поношенные туфли и поставила их под под столик. Ногам сразу же стало легче и приятнее. Затем босая встала из-за стола и подошла к окну купе, чтобы открыть окно. Первая попытка открыть его оказалась неудачной. Только со второго раза, да и то, когда молодая пассажирка приложила большую силу, окно поддалось и открылось. Сильный порыв ветра сразу же заявил о себе в купе. Холодный воздух стал свеобразным душем для юной девушки, которая уже валилась от усталости.

Босой вышла Ева и в коридор. Людей не было и это радовало вышедшую из купе. Кое-где в коридоре были приоткрыты окна и ветер во всю «гулял» то здесь, то там, порою с силой «бросал» в разные стороны белые шторы, которыми были занавешаны окна. Блондинка подошла к одному полуоткрытому окну и высунула голову. Сильные порывы прохладного воздуха освежали голову, способствовали более ясному мышлению. Ева, рассуждая о выпитом сегодня

спиртном, была приятно удивлена. Она еще никогда в жизни столько много не пила. Сейчас же она не чувствовала себя такой пьяной, как когда-то с Серегой...

Вскоре к Еве подошел и Гоша. Он сказал ей, что малышка спит и спит очень крепко. Это сообщение очень обрадовало молодую маму. Она, как и знакомый ей мужчина, продолжали стоять у полуоткрытого окна. Передышка, свежий воздух был необходим и Гошке, который набравшись сил, решил сделать последний рывок в изложении своей поистине трагической любви.

Ева, как и раньше, с большим вниманием продолжала слушать своего собеседника. Ей по-человечески было больно за то, что судьба так жестоко расправилась с этим прекрасным человеком. Чем больше, стоявший у окна, рассказывал о себе, тем больше он становился симпатичным для юной слушательницы. Кротиха, словно изголодавшийся ребенок по материнскому молоку, «глотала» все то, что говорил Егор Лыбин.

Через два дня после свадьбы молодожены зарегистрировали свой брак в районном ЗАГСе. По инициативе Татьяны Гошка вынужден был поменять свою фамилию. Главный специалист совхоза стал уже не Лыбиным, а Парфеновым. В душе парню не хотелось менять свою фамилию, но любовь к Татьяне, пусть даже и безответная, брала верх всегда и везде. Через неделю молодая семейная пара переехала в село Патрикеево, где работал Парфенов. Квартиру молодые получили буквально через месяц. Квартира состояла из двух комнат и была благоустроенной. Все в ней было: газ, центральное отопление, ванна, балкон. В доме все было для счастливой жизни в молодой семье, но увы... Самого этого счастья в этой семье как раз и не было. И в новой квартире, наслаждаясь красивым телом своей жены, Гошка понимал то, что ее душа и тело, ее сердце равнодушны к нему. Это очень бесило Лыбина, как полноценного мужчину. Вся последующая жизнь, словно по воле Божьей, привела к распаду семьи. Не успела молодая пара и недели прожить в новой квартире, как Татьяна стала жаловаться на свое здоровье. Один день у нее болела голова, другой день она жаловалась на желудок. На все эти жалобы молодой, казалось бы и внешне здоровой жены, Гоша реагировал очень болезненно.

Любящий жену прекрасно понимал то, что все эти «болячки» могут связаны с беременностью Татьяны. Гоша стал предлагать жене съездить вместе с ним к гинекологу. Та настойчиво отказывалась от его услуг, что иногда бесило молодого мужа. Скрипя зубами Парфенов отпускал свою блондинку для лечения в город. Татьяна совершала визиты к врачу один, а то и два раза в неделю. От врача она приезжала до прихода мужа с работы. И это радовало главного специалиста совхоза. С домашними обязанностями хозяйка в принципе справлялась неплохо и в этом Гошка находил какое-то утешение. Возможно, все эти визиты к врачу, да и вся такая жизнь продолжалась бы месяцами или годами. Ежели бы не случай, который помог мужу разгадать тайну визитов блондинки к врачу. Этот случай был очень обычный и простой.

Однажды во время совещания в управлении совхоза директор попросил Егора Парфенова поработать по ветеринарному делу в соседнем отделении совхоза, так как женщина-ветеринар уходила в декретный отпуск. Не мешкая ни минуты, Гоша на служебном «УАЗе» поехал в соседнюю деревню «принимать» дела. Кучи бумаг или какого-то имущества не было, однако ветеринарные дела требовали выполнения определенных инструкций и отчетности. Женщина-декретница оказалась не только толковым специалистом, но и большой болтуньей. Она, после того как все ветеринарные дела были улажены, пригласила коллегу к себе в гости. Гоша не отказался от такого приглашения. Ему очень уже хотелось узнать о том, как живут коренные жители этого села, да и «подвешенный язык» женщины чем-то к себе приманивал. Варвара Николаевна, так звали хозяйку дома, пропустив пару стопочек первача, разговорилась вовсю. Гоше, порою, хотелось хвататься за голову, когда женщина как из репродуктора «выливала» будущему молодому отцу о том, какие у нее анализы и на каком она месяце беременности. Уже перед тем, как закрыть дверь дома за гостем, будущая мама, как бы невзначай, протараторила:

– Егорыч, кстати, я была на приеме у врача два дня назад и там видела очень красивую женщину по фамилии Парфенова... Она была с военным. Случайно, они не твои родственники? – Нет, это не мои родственники, – сухо ответил Гоша и поспешно выбежал из дома.

До Патрикеево главный ветеринар совхоза не доехал километров пяти. Остановился. У него не было сил для того, чтобы держать в руках рулевое колесо. Головные боли на него нейтрализовали его мозг. Тяжело дышая, Парфенов вылез из кабины машины и упал навзничь на траву придорожной полосы. Лежащему было ничто и никто не мил. Все и вся его раздражало. Егор сам себя ненавидел за то, что он терпит все проделки Татьяны. Мысли о том, что пора уже уничтожить и стереть с лица земли эту девушку, которая кроме нервов и проблем в этой жизни ему не давала и не дает, становились основополагающими в мозгу мужчины. Однако подобные мысли тут же исчезали, когда Гошка вспоминал о том, как он страстно целовал это нежное тело, эти стройные и длинные ноги, и когда он, как животное, насытившись телом этой женщины, запахом ее духов, тут же счастливо засыпал. Засыпал, как убитый.

Лежа в постели с Татьяной, да и здесь в придорожной траве, Гошка осознавал, что без Татьяны он не жилец на этой земле. Никто другой, да и он сам ничего с этим поделать не мог. Только сейчас, узнав от ветеринарши о визите своей жены с офицером к врачу, он пришел к выводу о том, что Татьяна его не любит. Анализируя до мельчайших подробностей все ночи, проведенные с Татьяной, он как бы наяву стал ощущать ее равнодушие и безразличие к нему, даже в те периоды, когда они занимались любовью. Она не отдавала ему всего того, что могла дать как женщина, как жена.

Воспроизводя в памяти наиболее страстные эпизоды любви с Татьяной, он теперь находил ответы на порою странные моменты в ее поведении. Во время полового акта любимая блондинка на какое-то время уходила от реальной действительности. Скорее всего, она представляла себя в постели с другим мужчиной. Гошка Парфенов, даже обессиленный после любви, припадал к жене и продолжал ее страстно целовать. Татьяна на его ласку не реагировала. Она молниеносно поворачивалась к мужу спиной и тут же засыпала. Ежели и когда-то она отвечала на вопросы мужа или поворачивалась к нему, то ее глаза почему-то были равнодушными, даже холодными...

Рассказ Гошки Лыбина о тонкостях любви, половой жизни с Татьяной буквально ошелолил Еву. И это ей казалось очень странным. Возможно и нет. Никто с ней раньше на эти темы не говорил. Только сейчас, здесь в этом поезде и в этом купе, слушая исповедь незнакомого мужчины, девочка-мать стала понимать то, что у нее было с солдатом, с отчимом. Она пришла к неутешительному выводу. Любви, как таковой, ни у нее и ни у солдата друг к другу не было. Все это было как у животных, а может, и даже еще и хуже.

Исповедь мужчины о своей страстной, одновременно и трагической любви к красивой девушке все больше и больше вызывала у Евы симпатии к рассказчику. Пьяный угар у слушательницы постепенно улечивался, уступая место страстному прорыву любви, который возникал в ее голове к этому человеку. И не только в голове. Красивое лицо девушки покрылось испариной, стало розовым и горячим. Половое влечение к Гоше все настойчивее и настойчивее заявляло о себе. На какое-то время Еве хотелось сбросить свое жалкое одеяние и львицей броситься в объятия этого уже немолодого мужчины, и отдать свое красивое тело, свое сердце, свою душу только ему, который был в ее понятиях и чувствах не только пассажиром, но и страстным любовником...

Перемены в поведении молодой пассажирки заметил и Лыбин. Это особенно он улавливал тогда, когда на какое-то время замолкал, собираясь в очередной раз с мыслями. Ему очень хотелось как можно лучше высказать красивой девушке все то, что у него наболело и было пережито им за это столь долгое время. И поэтому он до глубины души был счастлив тем, когда понимал, видел и даже ощущал сопереживание молодой пассажирки. Ему же во время своего монолога все еще казалось то, что напротив него стоит не Ева, а та Татьяна, которую

он так сильно любил и любит. Ему также казалось то, что слезы в глазах молодой незнакомки есть слезы Татьяны, той красивой девушки из далекого детства, которая так и не стала ему ни настоящей женой, ни настоящей подругой.

На какое-то время Лыбин прервал свой монолог. Причиной этому был не он сам, а его молодая собеседница. Ева стояла возле открытого окна с пунцовым лицом, которое было почему-то покрыто капельками пота. В больших глазах девушки застыла страсть и жалость, которая была адресована рассказчику. Опытный мужчина только сейчас стал понимать, что он все более и более становится равнодушным к этой красивой блондинке. Эта симпатия к молодой матери, еще ребенку почему-то позволяла ему говорить с ней все более откровенно, даже очень откровенно...

Лыбин после этого умозаключения тяжело вздохнул и тихо сказал:

– Ты, моя красивая пассажирка... Ты, наверное, еще не знаешь что такое любовь, особенно тогда, когда ты влюбляешься в красивую женщину. Умная, порядочная женщина гордится этой красотой, делится ею со своим мужем. Сверхумная женщина торгует своей красотой, продает себя как товар, ищет для себя разнообразных удовольствий и приключений, как животное, как проститутка. Ради мужского члена она готова все отдать. У таких женщин красота является главным козырем в жизни. Они прекрасно знают это и продают свою красоту дорого, притом иногда очень дорого.... А покупателей всегда было много, как и сейчас, так и раньше...

Подтверждением этому явился его дальнейший монолог о взаимоотношениях с Татьяной. Через два дня после посещения дома ветеринарши Парфенов поехал в поликлинику, к гинекологу. Врача он нашел очень быстро. Жители совхоза «Заря коммунизма» обслуживались в поликлинике, которая находилась на окраине города. Врач, мужчина лет за шестьдесят, а может и чуть даже старше, «проглотив» информацию о цели прихода Парфенова, лично сходил в регистратуру и сам же принес медицинскую карточку Татьяны Парфеновой. Затем, открыв ключом в своем кабинете шкаф, достал оттуда толстую тетрадь. От того, что зачитал пожилой мужчина, Гошка чуть было не упал со стула. Запись, сделанная врачом-гинекологом в тетради, гласила о том, что пациентка Парфенова имеет четыре месяца беременности. Даже беглые подсчеты Гошки как мужчины, да и как ветеринарного врача, сделанные в голове, явно шли вразрез с тем, что было в реальности. Гошка впервые переспал как мужчина с Татьяной в конце мая, а сейчас на дворе было начало июля... К тому же жена ему ни разу не говорила о своей беременности. «Убило» мужчину еще и другое. Перелистав медицинскую книжку своей законной супруги он убедился в том, что его Татьяна была в этом заведении всего лишь один раз. И то у гинеколога. После того, как Гошка Парфенов закрыл дверь кабинета врача, он уже нисколько не сомневался в том, что Татьяна за его спиной вела двойную игру, ходит на «сторону».

Не подавая никаких признаков беспокойства, Гошка в конце концов решил узнать и найти все премудрости тайны, которую скрывала от него жена. Возможность для поиска истины представилась ему буквально на следующий день. «Больная» стала опять жаловаться на головные боли и была безмерна рада тому, что ее муж ни только не препятствовал очередному посещению врача, но и охотно проводил ее до автобусной остановки. Оставив Татьяну на остановке в ожидании автобуса, Гошка рысью бросился к соседу, у которого был потрепанный «Москвич». Сосед был мужик простой и понятливый, в машине другу не отказал. Долго «выслеживал» свою жену Егор Егорыч Парфенов. Как и следовало ожидать, Татьяна свою поликлинику проехала мимо. Парфенов, словно опытный разведчик, упорно «шел» по следу своей любимой женщины. Та, в свою очередь, сделав пересадку на два автобуса, очутилась за городской чертой. Все это время, наблюдая за своей женой, Гошка плакал навзрыд в машине. Ему было очень обидно за то, что эта красивая, стройная блондинка уверенно спешит не к нему, а к другому мужчине, скорее всего к военному. Татьяна, отшагав «пехом» порядка около кило-

метра, пришла к дачному поселку и зашла в небольшой домик. Дача неизвестного для Лыбина поклонника Татьяны стояла на отшибе и буквально утопала в зелени густых кустарников.

Только через полчаса, словно кошка, Гоша незаметно подошел к даче и переместился к окну, которое к его радости было открыто. Домик стоял на высоком фундаменте и поэтому первая попытка мужчины заглянуть через окно вовнутрь оказалась неудачной. Бросив взгляд в сторону, Парфенов увидел в метрах пяти от себя небольшую кучу полурасколотых чурбанов. Неподалеку от нее лежал большой и тяжелый калун с длинным черенком-топорищем. Подставив один из чурбанов к стенке домика и взяв в руку калун, мужчина бесшумно перелез через окно. Он оказался в небольшой комнате. Татьяны и ее вероятного любовника здесь не было. Гоша осторожно на цыпочках подошел к двери, которая, скорее всего, разделяла домик на две комнаты и осторожно ее открыл. От увиденного он чуть было дар речи не потерял. Возле противоположной от двери стенки стояла большая кровать, в которой находилась Татьяна и знакомый ему офицер. Она и он «представились» Гошке в необычных позах. Ноги женщины были на плечах нагого «военного», и он, находясь спиной к непрошенному гостю, с силой «вдавливал» своим телом тело жены Гошки Парфенова. Вдавливал с такой силой, что Татьяна громко то ойкала, то громко пыхтела. Она, скорее всего, от удовольствия сильно хлестала своими тонкими руками голые ягодицы мужчины и кричала: «Еще, еще мой любимый...». Призывы любовницы явно придавали очередной импульс страсти и энергии у «военного» без одежды.

Первое впечатление от поистине классического секса чуть было не послало вошедшего в «нокаут». Однако это нервное потрясение, не то что-то иное у Гошки прошло моментально. Шока или истерики, как таковых, у него не было. К этому он был уже заранее готов. Поэтому он очень равнодушно и даже с олимпийским спокойствием наблюдал за «утехой». Не скрипел зубами Парфенов и тогда, когда еле полуживая, красивая блондинка лежала на теле «военного» и жадно осыпала поцелуями его лицо, шею и грудь. Тот, как и эта женщина, конечно, не мог и предполагать того, что кто-то из посторонних наблюдает за этим сокровенным и приятным, которое они делали продолжительное время. После обильного «дождя» страстных поцелуев, Татьяна лихо вскочила на шею «военного» и стала весело смеяться. Любовнику эта «проделка» Татьяны понравилась. Он, словно старик, с глубокими вздохами начал медленно подниматься с постели на корточках. Через несколько секунд «старик» приподнялся и с гигантом стал носиться по комнате. Татьяна, сидя на шее мужчины, хлопала его по бокам своими стройными ногами и очень весело смеялась.

Во время одного из разворотов, «конь» неожиданно заметил стоящего у двери мужчину, да еще с большим калуном. Не то от страха, не то неожиданности «рысак» мгновенно опустился на все четыре кости. Падение мужчины с такой красивой наездницей нисколько не смутило последнюю. Блондинка, слетевшая с могучей шеи своего любовника, тотчас же оказалась на полу. Она, наверное, так и не понявшая того, что же произошло с ее «конем», продолжала весело смеяться. Затем блондинка, как ни в чем не бывало, стала целовать губы голого офицера. Только после того, как она насытилась своей страстью, она заметила неподдельный страх на лице своего любовника. Татьяна невольно повернулась лицом к двери, надеясь, возможно там, найти источник страха, который почему-то так сильно шокировал ее «коня». Увидеть возле двери своего мужа, да еще с калуном, она не ожидала. И это также ее, как и военного, шокировало. Дальше размышлять влюбленным или что-то думать было не дано. Что-то тяжелое со свистом пролетело над головой Татьяны, потом глухо ударилось о стену и срекошетив, вылетело в окно. Мгновенно раздался звон разбитого стекла...

Чуть испуганный, озлобленный, с полными глазами слез перед голыми мужчиной и женщиной стоял и Гошка, который со всей силой швырнул калун в сторону нагой жены. Только тогда, когда раздался треск стекла, «насильник» стал понимать то, какую ошибку в своей жизни мог бы он сделать, если бы калун попал в голову его любимой жены...

В этот злополучный день Егор пришел домой довольно поздно, пришел в подпитии... Татьяна уже спала. Быстро раздевшись, он лег рядом с той, которую только сегодня так сильно стал ненавидеть. Татьяна, увидев мужа, медленно повернулась к нему. Гошка протянул свои руки к ягодицам женщины, они были очень теплыми. Его опять стал пьянить запах знакомых ему духов, без которых он уже больше не мыслил жить...

Даже несмотря на любовные «перепетии» своей законной жены, Парфенов все равно продолжал с ней жить. Это продолжалось бы долго, месяцы, годы, а может и десятилетия. Измена мужу со стороны Татьяны мало что существенного внесла в жизнь молодой пары. Блондинка прекрасно знала любовь своего мужа к себе и поэтому в свое поведение внесла определенные «коррективы». Теперь она не просилась в больницу, ссылаясь на головные боли, а просто исчезала из дома. Через пару недель после «засечки» Татьяна пришла домой поздно вечером. Пришла довольно пьяная. Разбудив мужа и отдав ему «положенное», она ласково чмокнула его, и как бы на сон грядущий, тихо шепнула ему на ухо:

– Мой соколик... Я знаю то, что ты и сейчас продолжаешь меня сильно любить, при этом очень безумно. Я знаю и уверена в том, что ты будешь всегда и везде прощать мои грехи, сколько бы их я не делала. К сожалению твоему, да и к моему, я тебе честно хочу сказать. Я тебя никогда не любила и не люблю... На свете нет таких сил и средств, которые бы заставили меня тебя любить... – Мужчина, лежащий рядом с той, которая сказала эти слова, ничего в ответ не произнес. Он только сильно сжал зубы и тихо заплакал...

Однако и жизнь с «нагрузкой» у Гошки с Татьяной не получилась. Скорее всего, это была судьба, а может даже и что-то другое. Первое воскресенье августа Парфеновы решили провести на природе возле речки. Речка была не ахти большая, но рыба в ней водилась. Еще вечером в семье было решено так. Гоша едет утром на велосипеде к речке и неподалеку от мостика находит место для отдыха. Татьяна по плану должна была приехать пару часов спустя. Погода в воскресный день выдалась словно по заказу и это очень радовало Парфеновых. К четырем часам дня у Гошки было все на «мази». Шашлыки из свежей свинины отдавали приятным запахом. В небольшой кастрюле докипала до «кондиции» свежие карасики. Парфенова это очень радовало. Он впервые в своей жизни организовывал такую «вылазку» на природе с красавицей-женой. Неожиданно по небу стали «снова» небольшие тучки, то и дело заслоняя солнце. Однако капризы природы не влияли на хорошее настроение мужчины. Он сначала без нервов реагировал и на получасовое опоздание своей жены. Только после того как часы стали показывать уже пять вечера, Гошка стал нервничать. В его голове мгновенно появились всевозможные мысли и домыслы. Он стал даже подумывать о том, что, наверное, жене дома или в пути стало дурно. Она очень плохо переносила беременность...

Парфенов несколько раз собирался на велосипеде выехать навстречу своей жене, но сдерживался. Боялся в пути разминуться. Татьяна появилась около шести часов вечера. На велосипеде не приехала, как они об этом договаривались раньше. Она прибежала к мостику в разорванном платье, без трусов. Ее лицо было в ссадинах, во рту торчал кляп из тряпки. Руки блондинки были за спиной туго связаны ремнем из-под мужских брюк. Еще издали, когда только Татьяна появилась из-за кустов, Гошка сразу понял то, что-то неладное случилось с его женой. Он быстро бросился навстречу женщине, глаза которой были полны слез. Татьяна даже после того, как ее муж вытащил изо рта кляп и развязал ей руки, не могла произнести ни слова. Она только плача, показала рукой в ту сторону, откуда только что сама прибежала.

Мозг Егора Парфенова в этот тревожный момент работал как никогда четко. Он, словно выпущенная из лука стрела, рванулся через кусты, откуда только что выбежала его жена. Молодой мужчина даже не чувствовал боли тогда, когда ветки кустарников били со всей силой его лицо, туловище и ноги. Через секунд тридцать Парфенов преодолел кустарник и выбежал к полю, на котором под лучами солнца, переливаясь желтой краской, стояла пшеница, жаждущая скорой жатвы. Гошка молниеносно окинул взглядом широкое и бесконечное поле пше-

ницы. У него радостно екнуло сердце. В метрах пятистах, возможно, даже и больше, он увидел бегущих легкой трусцой двух мужчин. Сомнения не было. Они бежали со стороны кустарников. Гошка решил во что бы то ни стало догнать подонков. Любовь к Татьяне, ее повседневные «странности» и также понимание того, что будущий ребенок не от него, все равно не лишали мысли у мужчины о наказании тех, кто так жестоко надругался над его любимой женщиной. Парфенов решил отомстить еще и потому, что он хотел сорвать свое зло за все пережитое из-за этой женщины на удаляющихся от него людях. И эта месть придавала ему силы.

Расстояние между убегающими и Гошей постепенно сокращалось. Неожиданно один из преследуемых оглянулся назад и увидел бегущего за ними мужчину. Через несколько секунд один из беглецов изменил направление своего движения. Он, резко увеличив скорость своего бега, рванул вправо в сторону, где на расстоянии порядка двух километров виднелся лес. Такая тактика беглецов несколько не испугало Гошу. Второй беглец явно «терял» скорость. Жажда мести, как и любовь к Татьяне, придавали преследователю второе дыхание. Он медленно, но очень уверенно настигал свою «добычу». Парфенов бежал четко по следу, который оставлял среди пшеничного поля убегающий. Через метров пятьсот-шестьсот Гоша на пути преследования увидел мужские брюки. Только «перелетев» через них, он понял, что насильник «пожертвовал» своим ремнем брюк для того, чтобы связать руки Татьяны. Без ремня брюки создавали помехи для бега и поэтому насильник находу решил от них избавиться. С каждой секундой преследователь все отчетливее видел затылок убегающего. В том, что этот насильник был молодой и из городских, Гоша уже не сомневался. Свидетельством этому были длинные волосы парня, который даже чувствуя надвигающуюся ему угрозу, почему-то замедлял свой бег. Наконец он, не то как волк, сильно завыл и не то как человек, истошно завопил и затем повалился на землю. Через какие-то секунды Парфенов был в метре от своей «добычи». Он не стал рассматривать свою жертву и коршуном рванулся к «волосатику». Худой и долговязый парень с длинными волосами, при всем при этом он был и без трусов, сжавшись в комок, плакал и просил прощения. Егор на это не реагировал. Месть человеческая переборола разум человеческий. Он, как исполин, резко схватил обеими руками за волосы лежащего и с силой притянул насильника к себе. Тот от боли закричал и быстро вскочил на ноги. В этот момент Егор Парфенов размахнулся и с ожесточением ударил кулаком в висок головы беглеца. Удар получился очень сильный и хлесткий. У парня что-то хрустнуло или треснуло. Он моментально почему-то обмяк и медленно повалился на землю...

Дальше наблюдать за состоянием своей «добычи» Егор не стал. Здоровье Татьяны и ее будущего ребенка для него было дороже, чем состояние какого-то подонка. Парфенов опять рванулся бежать в сторону речки. Потерпевшая от подонков лежала на траве и плакала. Одной рукой она, скорее всего, от боли гладила живот, другой рвала траву. Лицо ее до неузнаваемости преобразилось. Гошка понял, что нужна срочная медицинская помощь. Он, вскочив на велосипед, стремительно помчался в сторону села. Через час Татьяна была в городской больнице. В этот же день все жители деревни узнали о горе в семье молодого ветеринара. У жены ветеринара был выкидыш...

Татьяну выписали из больницы через два дня. Гоша на служебном «УАЗе» привез ее домой. Слез и причитаний о постигшем горе со стороны своей жены молодой муж не наблюдал. Наоборот, Татьяна, как казалось Гоше, даже повеселела. В глубине своей души рад был происшедшему и Парфенов. О том, что Татьяна забеременела не от него, законного мужа, а от другого мужчины знал не только один Гоша. Об этом знала вся деревня. Главный специалист совхоза нутром своим чувствовал, да и догадывался, что не только деревенские от мала до велика в курсе «любовных утех» жены ветеринара, но и многие другие. После случившегося Татьяна к мужу несколько потеплела и стала нежнее... Это его радовало. Он еще надеялся на лучшее будущее с любимой женщиной...

Однако радоваться семье Парфеновых не предстояло. Мужа, еще не отошедшего от одного горя, стал преследовать очередной кошмар. Из-за этого он не мог спать по ночам. Из его головы не выходил тот парень, которого он стукнул три дня назад. В тот же вечер, когда Татьяна выписалась из больницы, Парфенов сел на велосипед и поехал на пшеничное поле. Он и сам не мог понять того, что и кто вел его сюда. Место «расправы» ветеринар нашел без особых трудностей. Свет луны, да и свет электрического фонарика позволили сделать это быстро. С замиранием сердца подходил к этому месту Гошка Парфенов, он же Гошка Лыбин. Он сам, не зная почему, упал на колени, когда увидел продолжающего лежать в пшенице «длинноволосяка». Ползком, словно змея, приблизился он до некогда его «жертвы» и стал ощупывать тело парня. Потрогал лоб, послушал ухом сердце, хотел прощупать пульс. Каких-либо признаков жизни у насильника не было. Внезапная мысль о том, что паренек мертв, и скорее всего, в этом виноват только Парфенов, а никто иной, молниеносно пронзила мозг плачущего мужчины.

Остаток ночи Парфенов не спал. Он все это время строил различные версии, которые были одна другой реальнее и правдивее. Итогом своих суждений Гошка считал личную невиновность в происшедшем. Он убил подонка совершенно случайно. К тому же, их будущий ребенок уже мертв. У Гошки исподволь появилась мысль о том, а стоит ли вообще информировать о случившемся органы милиции. Он себя успокаивал и тем, что в газетах, да и по местному телевидению, довольно часто сообщали об убитых, просили помощи от читателей и от зрителей, если кто-то из них располагал информацией о случившемся.

Однако утром все домыслы и версии ветеринара лопнули как мыльный пузырь. Трое работников милиции пришли в дом очень рано, где-то около восьми утра. Парфенов как раз в тот момент намеревался открыть ворота и выгнать свой служебный «УАЗ» на улицу. Не успел он еще и рукой схватиться за щеколду ворот, как внезапно для хозяина двора открылась калитка и так же внезапно появились три милиционера в фуражках с красными околышами. Ветеринар на какое-то время даже опешил, растерялся. В его сегодняшний план не входила встреча с милицией, тем более у себя дома.

Вошедший капитан, он, скорее всего и был старший в группе, заметив растерянность хозяина, лихо козырнул и представился:

– Я, капитан милиции Бородулин Иван Васильевич, а это мои коллеги. – Сказав это, офицер лихо развернулся и показал рукой на двоих старших лейтенантов, которые на какой-то миг приостановились. Остановившиеся офицеры также козырнули хозяину двора.

– А мы решили только сейчас Вас потревожить, а то раньше было как-то неудобно. Ведь Вы лишились своего первенца... – тихо и как-то виновато произнес офицер. После этого он не то для приличия, а может и вправду, принял прискорбный вид. Парфенову показалось, что на какой-то миг глаза капитана даже повлажнели.

Только через два часа милиционеры покинули дом Парфеновых. Больше всего они спрашивали Татьяну, как потерпевшую. Ее показания капитан записывал на сером листе бумаги. После того, как офицер содержание написанного прочитал вслух, он попросил хозяйку сделать свою подпись. Татьяна сделала свои подписи на десяти страницах. Егор Парфенов подписался только на трех. Он проходил по делу у милиции как свидетель, как муж Татьяны Парфеновой. Проводив милиционеров за калитку, Гошка облегченно вздохнул и расслабился. Он с большим удовольствием сел на ступеньку высокого крыльца дома и трижды перекрестился. Коммунист Парфенов в Бога не верил, он был убежденным атеистом...

Надежда на то, что все то, что он сделал там на пшеничном поле останется тайной, которую он и только он один унесет с собой в могилу, у Парфенова с новой силой возгорелась. Вновь и вновь он благодарил себя за то, что он ни слова не сказал о происшедшем Татьяне. Несмотря даже на то, что она на этой земле была для него единственным и самым близким человеком. До обеда ветеринар занимался в своем кабинете бумажными делами, так как по отделением совхоза ему сегодня просто-напросто не хотелось ехать. В кабинете напряженной

работы с бумагами не получилось. Главного специалиста совхоза продолжали одолевать разные мысли, одна страшнее другой. В том, что он убил человека, Егор Парфенов уже не сомневался. От этой мысли ему становилось очень страшно. Он боялся за совершенное попасть в тюрьму. Однако в глубине души его «торжествовала» надежда на то, что все обойдется без всяких проблем и ничто, и никто не помешает ему с Татьяной дальше хорошо жить. Под впечатлением этой мысли он даже, как бы невзначай, восхищался силой своего удара, в результате которого погиб молодой парень.

Часы показывали ровно без пяти минут двенадцать дня. В это время, как правило, ветеринар отпраивался домой на машине обедать. Решил не изменять этому правилу и в этот день. Не успел еще водитель преодолеть поворот от конторы и выйти на прямую по дороге, ведущей к его дому, как он сразу же заметил милицейский «УАЗ» с мигалкой на крыше кабины. Он следовал за ним. Что-то опустилось внутри у ветеринара, ему сразу же стало сдавливать горло...

Дальше события разворачивались очень быстро и далеко не в пользу Гошки. Парфеновы в этот же день были вывезены на милицейской машине на место происшествия, где так жестоко была избита и изнасилована Татьяна. Здесь же нашли трупсы «волосатика». Вскоре была привезена и собака, которая и привела поисковую группу к тому месту, где уже почти целую неделю лежал труп убитого. В двух шагах от убитого милиционеры обнаружили ярко выраженный след спортивных кед. Эти кеды очень нравились Гошке и он в то злосчастное воскресенье их с большим удовольствием надел и носил. Дальше отпираться от содеянного было бесполезно и бессмысленно. Егор Егорыч Парфенов, главный специалист совхоза стал давать показания...

Ева, спокойно сидящая на приставном небольшом стульчике в коридоре вагона, услышав об этом, неожиданно заплакала. Плач молодой девушки ни сколько не смутил рассказчика, все время стоящего у полураскрытого окна, а наоборот, даже рассмешил. Лыбин неожиданно для плаксы наклонился к ней, и поцеловав ее в щеку, с улыбкой произнес:

– Не плачь, мое откровение... Все это для меня уже прошедший этап...

Сказав это, он решительно вошел в свое купе и сел на нижнюю полку. Юная слушательница быстро последовала за мужчиной. Некоторое время пассажиры скорого поезда сидели и молчали.

Гошка, нарушив молчание первым, громко и как-то с сожалением произнес:

– Ах, где наша не пропадала. Пить так пить, жить так жить, любить так любить...

К чему и кому адресовались эти слова молодая блондинка не поняла. Она также не совсем до конца «врубилась» и тогда, когда Гошка, наполнив стакан коньяком, молниеносно его так «тяпнул», что у нее такое неожиданное поведение мужчины вызвало явное непонимание. Однако Лыбин не замечал свою слушательницу, а может просто не хотел этого делать. Немного похрустев свежим огурцом, он в прямом смысле «плеснул» остаток газированной воды из стакана к себе в рот и затем, глубоко вздохнув, уставился в глаза Евы. Кротиха «выдержала» взгляд мужчины. Это обрадовало рассказчика. Он, словно маленький шалун, весело улыбнулся и по-озорному проговорил:

– Ева, а как там у коммунистов в «Интернационале» поется: «Это наш последний и решительный бой...». Вот и я решил заканчивать рассказывать тебе всю эту эпопею из моей неудавшейся жизни.

«Последний и решительный бой» Егора Лыбина в очередной раз заинтересовал молодую девушку, у которой во время заключительного монолога текли слезы. Почему они текли, наверное, и сама слушательница не могла понять. За убийство «волосатика» ветеринару дали восемь лет тюрьмы. Татьяна на суд почему-то не пришла. Не была она ни разу и на свидании со своим законным супругом за все время пребывания его в тюрьме. Отсидел же в тюрьме Парфенов ровно пять лет, «скосили» срок за примерное поведение. Гошка очень тяжело переживал свою личную и семейную трагедию. Он также тяжело пережил и смерть своих родителей, которые по чистой случайности погибли еще в довольно молодом возрасте. Осужденного на похороны

родителей отпустили, правда, только на один день и в сопровождении конвоира с оружием. Явно постаревшим и в какой-то мере озлобленным на людей вышел из тюрьмы бывший главный специалист совхоза. Знакомые, да и все общество, были равнодушны к тому, кто совершенно случайно оступился в своей жизни. Попытка в недалеком прошлом активного коммуниста заручиться какой-либо поддержкой у райкома партии провалилась. «Бывшего» члена парткома просто-напросто не пустили на прием к первому секретарю. И это сделал милиционер, который до прихода бывшего коммуниста мирно кимарил на стуле у главного входа в представительное учреждение. В душе и в сердце у отбывшего срок наказания был маленький огонек надежды – Татьяна, которой он бредил в тюрьме даже несмотря на то, что он ни разу от нее не получил письма.

«Концы» своей любимой Гошка решил искать в Васильковке, где родился он сам, где родилась и его первая любовь. Отец Татьяны очень обрадовался своему земляку и пригласил его за стол. Только после третьей чарочки первача старик «раскололся» и рассказал всю правду о своей дочери, которая шокировала Гошку. Исповедь отца о своей единственной дочери перевернула представление у Гошки Лыбина о Татьяне, которая была ему женой и его любовью. Информацию о своей дочери отец собирал по крупицам. Особенно удачным был «улов» за год до освобождения Егора, когда родители решили навестить свою дочь там, где она жила. Егор, сидя за столом, стремился не перебивать своего старого собеседника. Он только иногда то скрипел зубами, то иногда закрывал глаза, наверное, хотел того, чтобы его мозг более рационально «отфильтровал» полученную информацию. Только здесь за столом у тестя он в своей голове и в своей душе, да и в своем сердце осознал то, что каким он был наивным и глупым в отношениях со своей юной и красивой односельчанкой.

По информации отца Татьяна и на самом деле училась на историческом факультете университета. При этом училась совсем неплохо. Ко всему этому у молодой студентки уже на первом курсе учебы появился солидный протеже, куратор группы, который делал не по дням, а по часам головокружительную карьеру ученого. Недавний выпускник аспирантуры, новоиспеченный кандидат наук через год получил звание доцента, через два года стал заведующим кафедрой. Еще через год миллионный город узнал о том, что сын первого секретаря обкома КПСС успешно защитил докторскую диссертацию. Еще через год всевозможные газеты области «хором» поздравляли самого молодого профессора с изданием самой «актуальной» книги. Сын самого главного партийного босса успевал пожинать лавры не только на поприще науки. Он сразу же «прицелился» в юную студентку из глухой сибирской деревни Васильковка. Татьяна все чаще и чаще ощущала на себе «пожирательные» взгляды историка. Да и не только его. «Пожирали» молодую блондинку и другие преподаватели и студенты. Кое-кто из них дарил ей цветы, приносил различные сладости. Еще далеко не «оформившимся» умом молодая крестьянка быстро стала понимать значение своего лица и своей фигуры. Этот «козырь» давал ей возможность не жить впроголодь, как жили в большинстве своем ее подруги.

Красота также позволяла Татьяне кое-где флиртить и на поприще науки. В том, что молодой кандидат наук к ней неравнодушен, студентка убедилась на первой же контрольной работе. Все три вопроса, которые индивидуально давал преподаватель каждому студенту, как назло, Таня Парфенова не ахти-то знала. Так она и просидела в раздумье целый час. Для «отписки» студентка «сочинила» несколько предложений, которые явно не «попадали» в цель. Через неделю, Василек, а официально Василий Иванович зачитал оценки по контрольной работе студентам. В числе тех, кто получил отличную оценку была и Татьяна Парфенова. Все студенты группы, за исключением ее, получили контрольные работы назад. Это никто не заметил, кроме самой красивой блондинки университета и того, кто проверял контрольную работу. С этого момента студентка Парфенова без особого желания штурмовала исторические «высоты».

Не усердствовала она и еще в кое-каких науках и дисциплинах. «Пялили» глаза на красивую блондинку не только молодые преподаватели или студенты. «Пялили» глаза на нее и выжи-

вающие из ума «светила» с целой кучей ученых званий и с большими орденскими колодками. Пять лет учебы в университете пролетели для Татьяны как один день. Какой-либо близости, не говоря уже о сексе, между Васильком и студенткой не было. Развязка наступила тогда, когда красивая блондинка, как и все студенты, получили дипломы и распределение «по квартирам». Кто-то из вчерашних студентов поехал учительствовать в деревню, а кое-кто остался в городе. Были и те, которые пошли по стезе общественной и научной работы. В исторической науке осталась и Татьяна. Осталась благодаря Василию Ивановичу, который очень настойчиво просил ее испытать себя на этом проприще. По его словам, у студентки Парфеновой был «необычный склад мышления». Так это было или не так, сама она не оспаривала. Да и не собиралась этого делать. Удача была на ее стороне.

Первый год в аспирантуре у вчерашней студентки ушел на сдачу кандидатских экзаменов. Все они были сданы на отлично. Взрослая красавица из Васильковки только сейчас стала понимать то, что ее заслуга, как «мозговой извилины» в освоении исторической науки, не так и уже весомая. Своей голове аспирантка «отдавала» процентов тридцать, ну от силы сорок. Все остальные «проценты» за нее «делал» Василий Иванович, точнее, его авторитет, еще точнее, должность отца. Черную «Волгу» со спецномерами, за рулем которой ездил сам сынок главного партийного босса области или в которой его возили, никто и нигде не останавливал. Иногда «перепадало» поездить на спецмашине своего научного руководителя и смазливой аспирантке. Она смеялась над тем, когда милиционеры, завидев новенькую «Волгу», еще издаleка лихо прикладывали руку к козырьку фуражки и «расцветали» в подобострастной улыбке. «Солидные» даже «ужимали» увесистые животы тогда, когда «начальник» стремительно пролетал мимо стража порядка. Навряд ли кому из них приходило в голову о том, что ослепительной красоты блондинка не имела никакого понятия о правилах дорожного движения, ни говоря уже о том, что такое карданный вал и с чем его «едят»... Василек не только давал «поручить» своей аспирантке, но и иногда «выручал» ее деньгами. При этом молодой профессор таинственно смотрел на молодую и красивую особу, и чмокнув ее в щечку, философствовал:

– Танечка... Деньги нужны каждому советскому человеку... Ты ведь тоже нуждаешься в них, чтобы на высшем уровне поддерживать свои штаны и внешнюю штукатурку. Так ли я говорю, моя историческая светилка?

«Историческая светилка» в ответ ничего не говорила. Она легко чмокала профессора в щечку и с обворожительной улыбкой брала деньги, и тут же положила их в дамскую сумочку.

Первая попытка Василька овладеть красивой блондинкой произошла в день торжественного собрания, посвященного очередной годовщине Октябрьской революции, когда все сотрудники и студенты университета собрались в актовом зале. С докладом выступил Василий Иванович. После собрания аспирантка неспеша направилась на кафедру. Она это делала всегда и практически каждый день, стремясь «ухватить» лишнюю минуту у молодого ученого, который считал своим долгом дать очередную порцию указаний своей подопечной по написанию кандидатской диссертации. Заведующий кафедрой был уже у себя в кабинете. В этот торжественный вечер, как и полагалась по партийным «этикетам», Василек был одет по «уставу». Черный костюм, белоснежная рубашка с галустком с черно-белыми полосами придавали этому еще далеко не старому человеку особый вид, вид строгости и искусственной заумности. Василек явно «косил» и выдерживал рамки внешнего облика партноменклатурщиков.

Завкафедрой был в хорошем настроении и это сразу заметила Татьяна, как только вошла в кабинет своего наставника. Он был рад визиту аспирантки. Не успела та еще достать из дипломата свои «талмуты», как сразу же Василий Иванович подобострастным голосом прошептал на ухо ярко накрашенной и пахнувшей дорогими французскими духами блондинке:

– Таня, я хочу, я хочу тебя... Только сейчас или никогда...

Мужчина, тяжело дыша, начал страстно обнимать девушку. Парфенова все эти годы думала о том, что когда-то день «расчета» со своим покровителем для нее придет, и поэтому ласково и с улыбкой в ответ произнесла:

– Василий Иванович, я сама...

После этого, блондинка, играя бедрами, подошла к большому кожаному дивану и стала раздеваться. Желание Татьяны отдаться этому мужчине, при этом еще не уроду, да еще и «светиле» науки, который, конечно, не бескорыстно помогал ей пробивать дорогу в науке, нарастало с каждой секундой. К тому же, ей было уже двадцать с небольшим хвостиком и она еще ни разу не имела мужчину...

К сожалению, в этот вечер талантливая аспирантка и маститый ученый остались при своих нереализованных интересах. Не успела Татьяна еще и лечь на диван, как в дверь кабинета заведующего кафедры громко постучали. За дверью раздался звонкий, но заискивающий голос Анны Петровны, секретарши кафедры, любовницы секретаря партийного комитета университета:

– Василий Иванович, я знаю, что Вы работаете в данный момент... Будьте добры, поспешите в партком. Вас первый секретарь райкома партии Борис Иванович вызывает...

Секс по желанию и секс по расчету красивой аспирантки с научным руководителем состоялся только весной, да и то опять неудачно. «Трахнул» Василек долгожданную блондинку в собственном гараже, в салоне при работающем двигателе автомобиля. Отапливать салон требовали еще задерживающиеся морозы при наступающей весне. «Светило» оказался не только первоклассным теоретиком в свете исторической науки, но и опытным половым партнером. Это сразу же почувствовала «первоклассница». В этот день Василек нравился Татьяне как никогда раньше. Она была на седьмом небе от счастья, когда мужчина страстно целовал ее тело и когда они вместе с ним изнывали от взаимной страсти и любви... Красивой блондинке в этот момент даже не претил крепкий запах спиртного, «густо» валивший изо рта профессора. Девушка, притягивающая к себе тело своего покровителя, сожалела только том, что ей надо было значительно раньше оказаться в его объятиях. Аспирантка первой покинула любовное «ложе»... Она была очень довольна первым мужчиной в ее жизни. В эту ночь Татьяна не спала. Она скучала по Васильку не по «расчету», она хотела его как женщина еще и еще...

О неожиданной смерти своего наставника и любовника Парфенова узнала через три дня, после того, как великая страна под мудрым руководством партии отпраздновала день Победы. Известие о смерти Василька аспирантку шокировало. Она не хотела верить в то, что его уже нет на этой земле. Весь университет, весь город, да и область только и шептались о том, что видный историк партии и всего советского народа умер в собственном гараже, отравившись угарным газом от «Волги». Бывшего шефа довольно многочисленного коллектива преподавателей и научного руководителя белокурой аспирантки со всеми партийными почестями и атрибутами похоронили на городском кладбище для избранных. После того как раздалась траурная музыка и горб с телом покойного опустили в яму, Татьяна заплакала. В смерти Василька она винила и себя. Она ругала себя за то, что в тот прекрасный день ей следовало бы вместе с ним покинуть гараж...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.